

Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИККА РАН)
www.iccaras.ru

Научный информационно-аналитический журнал «**Корееведение**» издаётся ежеквартально с 2022 г. Журнал посвящён новейшим исследованиям в области корееведения и будет актуален как для экспертов в области международной политики, экономики, истории, культуры, так и для широкого круга читателей, интересующихся странами Корейского полуострова. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
Научную электронную библиотеку eLibrary.ru
- Регистрация в СМИ № Эл № ФС77-83956 от 16 сентября 2022 г.

Главный редактор: Асмолов К.В., к.и.н. (Россия).

Заместитель

Главного редактора: Захарова М.С. (Россия)

Редакционная коллегия: Дьячков И.В., к.и.н, доц. (Россия); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Ким Ен Ун, к.филос.н. (Россия); Самсонова В.Г., к.э.н. (Россия); Семина Л.И. (Россия); Стрельцов Д.В., д.и.н., проф. (Россия).

Редакционный совет: Бабаев К.В. (*председатель*), д.филол.н., проф. (Россия); Акуленко В.С., к.и.н. (Россия); Воронцов А.В., к.и.н., доц. (Россия); Захарова Л.В., к.э.н., доц. (Россия); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Кукла М.П., к.э.н. (Россия); Курбанов С.О., д.и.н., проф. (Россия); Петровский В.Е., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Соловьев А.В. (Россия); Синякова А.Ф., к.э.н., доц. (Россия); Толорая Г.Д., д.э.н., проф. (Россия); Толстокулаков И.А., д.и.н., проф. (Россия); Ом Гу Хо (Сеул, Республика Корея); Пак Чон Су (Сеул, Республика Корея); Чхвэ Чжэ Док (Иксан, Республика Корея).

Редакция: Иванова Н.И., Шкатов Д.Е., Тарасов С.Ю.

Специальности ВАК:

05.02.00 Экономика

05.05.00 Политология

05.06.00 Исторические науки и археология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

ISSN 2949-1010 электронная версия

ISSN 2949-2025 печатная версия

DOI: 10.48647/ICCA.2026.34.84.001

© ИККА РАН

© МГИМО МИД

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)
www.iccaras.ru

The scientific information and analytical periodical “**Koreanology**” is published quarterly since 2022. The journal is dedicated to the latest research in Korean studies and will be relevant both for experts in the field of international politics, economics, history, culture, and for a wide range of readers interested in the countries of the Korean Peninsula. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS,
Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Included in Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”
- Media registration № ЭЛ № ФС77-83956 dated September 16, 2022.

Editor-in-chief: Asmolov K.V. (Russia), PhD (History)

Deputy editor-in-chief: Zakharova M.S. (Russia)

Editorial Board: Dyachkov I. (Russia), PhD (History); Zhebin A. (Russia), PhD (Political science); Kim En Un (Russia), PhD (Philosophy); Samsonova V. (Russia), PhD (Economics); Semina L. (Russia); Streltsov D. (Russia), DSc (History).

Editorial Council: Babaev K. (Russia), DSc (Philology), Prof., (*Chairman*); Akulenko V. (Russia), PhD (History); Vorontsov A. (Russia), PhD (History); Zakharova L. (Russia), PhD (Economics); Kistanov V. (Russia), DSc (History); Kukla M. (Russia), PhD (Economics); Kurbanov S. (Russia), DSc (History), Prof.; Petrovsky V. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov V. (Russia), DSc (Economics); Solovyov A. (Russia); Sinyakova A. (Russia), PhD (Economics); Toloraya G. (Russia), DSc (Economics), Prof.; Tolstokulakov I. (Russia), DSc (History), Prof.; Gu Ho Eom (Seoul, Republic of Korea); Chong Soo Park (Seoul, Republic of Korea); Jae Duk Choi (Iksan, Republic of Korea).

Editors Office: Ivanova N.I., Shkatov D.E., Tarasov S.Y.

Scientific specialities (VAK):

05.02.00 Economic sciences

05.05.00 Political science

05.06.00 Historical sciences and archeology

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

The Editorial Board's opinion may not coincide with the authors' point of view.

ISSN 2949-1010

ISSN 2949-2025

DOI: 10.48647/ICCA.2026.34.84.001

© ICCA RAS

© MGIMO University

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Жебин А.З.* Корейские юбилеи 2026 г. 5
- Овчинникова Л.В.* Корейские левые и коммунисты в период 1918—1928 гг. и борьба с ними японской администрации: по материалам служебных изданий японского генерал-губернаторства 16
- Терехин Н.Н.* Коммеморация земельной реформы 1946 г. в КНДР: по материалам периодической печати в эпоху Ким Чен Ына (2012—2025) . . . 30

Политика

- Волощак В.И.* Направления военной политики Республики Корея при президенте Ли Чжэме 43
- Балицкая И.В., Лим Э.Х.* Путь к пониманию Родины: развитие гражданской и этнической идентичностей сахалинских корейцев 59

Культура

- Поленова А.Л.* Ранние советско-корейские гуманитарные связи на примере пролетарской литературы 78

CONTENTS

History

- Zhebin A.Z.* Korean Anniversaries of 2026 5
- Ovchinnikova L.V.* Korean left-wing and communists' struggle
against Japanese colonial rule in 1918—1928 reflected in official editions
of Japanese administration 16
- Terekhin N.N.* Commemoration of the Land Reform (1946)
in the DPRK Based on Periodical Press Materials in the Kim Jong
Un Era (2012—2025) 30

Politics

- Voloshchak V.I.* Directions of Republic of Korea's Defense Policy
under President Lee Jae-myung 43
- Balitskaya I.V., Lim E.H.* The path to understanding the homeland:
the development of civic and ethnic identities of Sakhalin Koreans 59

Culture

- Polenova A.L.* Early Soviet-Korean cultural ties: case of proletariat literature 78

А.З. Жебин

Корейские юбилеи 2026 г.

Аннотация. Автор рассматривает юбилейные, или круглые, даты в истории Кореи, в том числе в её отношениях с Россией. Подобные годовщины служат своего рода вехами в истории развития данного государства и создают определенную систему координат, позволяющую вписать происходившие в нем события в контекст мирового исторического процесса. Они фиксируют периоды подъема и упадка, взлета и падений как страны в целом, так и конкретных партий и политических деятелей. Отношение к юбилеям показывает состояние исторической памяти общества, а подготовка к ним нередко становится на определенном этапе доминирующим фактором политической и культурной жизни. Автор останавливается на наиболее значимых, по его мнению, круглых датах, которые отмечаются в 2026 г., имевших место в истории Кореи, в том числе в ее отношениях с Россией и некоторыми другими странами, продолжающими оказывать существенное влияние на ситуацию на Корейском полуострове. Особенно богата памятными датами история отношений с СССР, а позже и с Россией двух корейских государств, образованных там в 1948 г.

Ключевые слова: Корея, Россия, КНДР, Республика Корея, отношения, история.

Автор: Жебин Александр Захарович. Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Центр корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0002-3060-2390. E-mail: alexzheb1948@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Жебин А.З. Корейские юбилеи 2026 г. // Корееведение. 2026. № 1. С. 5—15. DOI: 10.48647/ICCA.2026.69.27.002.

A.Z. Zhebin

Korean Anniversaries of 2026

Abstract. The author examines anniversaries, or milestones, in the history of Korea and Russia's relations with the country. Such anniversaries serve as milestones in the development of a given state and create a framework that allows for the contextualization of

its events within the global historical process. They mark periods of rise and decline, the rise and fall of both the country as a whole and specific parties and political figures. Attitudes toward anniversaries reflect the state of society's historical memory, and preparations for them often become the dominant factor in political and cultural life at a certain stage. The author focuses on what he considers the most significant milestones, celebrated in 2026, in the history of Korea and its relations with Russia and several other countries that continue to exert significant influence on the situation on the Korean Peninsula. The history of relations between the USSR, and later Russia, and the two Korean states formed there in 1948 is particularly rich in memorable dates.

Keywords: Korea, Russia, DPRK, Republic of Korea, relations, history.

Author: Alexander Z. Zhebin. PhD (Polit.Sc.), leading researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, RAS (Address: 117997, Moscow, Nakhimovskii pr., 32). ORCID: 0000-0002-3060-2390.
E-mail: alexzheb1948@gmail.com

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Zhebin A.Z. Koreiiskie yubilei 2026 goda [Korean Anniversaries of 2026]. Koreevedenie [Koreanology], 2026, 1. Pp. 5–15. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2026.69.27.002.

Введение

Данная статья продолжает начатый в 2023 г. и ставший, как хочется надеяться, традиционным цикл публикаций о знаменательных датах в истории Кореи и отношений России с этой страной, а затем и официально оформившимися на Корейском полуострове в 1948 г. двумя корейскими государствами — Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея.

Внимание России к ситуации в этом субрегионе вполне понятно и никак не менее обоснованно, чем у некоторых государств, привыкших объявлять сферой своих «жизненных интересов» целые страны и даже континенты, зачастую расположенные за тысячи километров от их границ. Россия и Корея — ближайшие соседи, и ситуация на полуострове всегда сказывалась на безопасности нашей страны.

Автор рассматривает юбилейные, или круглые, даты в истории Кореи, в частности в её отношениях с Россией. Такого рода годовщины служат своего рода вехами в истории развития данного государства и создают определенную систему координат, позволяющую вписать происходившие в нем события в контекст мирового исторического процесса. Они фиксируют периоды подъема и упадка, взлета и падений как страны в целом, так и конкретных партий и политических деятелей. Отношение к юбилеям показывает состояние исторической памяти общества, а подготовка к ним нередко становится на определенном этапе доминирующим фактором политической и культурной жизни. Автор останавливается на наиболее значимых, по его мнению, отмечающихся в 2026 г. круглых датах в истории Кореи и в ее отношениях с Россией и некоторыми другими странами, продолжающими оказывать существенное влияние на ситуацию на Корейском полуострове.

Давая минимум пояснений к приводимым ниже датам, автор оставляет обширное поле для самостоятельного поиска тем читателям, кто захочет сам разобратся в упоминаемых ниже событиях.

Россия и Корея в XIX в.

1866 г., август—сентябрь — 160 лет: инцидент с американским судном «Генерал Шерман», без разрешения вошедшим в русло реки Тэдонган и сожженным корейцами. В КНДР эту знаковую дату отмечают как начало сопротивления американской агрессии.

1896 г., 11 февраля — 130 лет: переезд вана Кочжона в здание русской миссии в Сеуле. Государь находился там более года.

1896 г., 14 мая — 130 лет: Сеульский меморандум (Вебер-Комура)¹.

1896 г., 9 июня — 130 лет: Московский протокол (Лобанов — Ямагата). Вместе с Сеульским меморандумом документ зафиксировал определенный баланс сил между Россией и Японией в Корее².

1896 г., май—июнь — 130 лет: корейская делегация присутствовала на коронации Николая II.

Россия и Корея в 1-й половине XX в.

1906 г., август — 120 лет: открытие в Сеуле генконсульства России.

1911 г., январь — 115 лет: покончил жизнь самоубийством корейский посланник в России Ли Бом Чжин, остававшийся на этом посту даже после аннексии страны в 1910 г.

1921 г., май — 105 лет: учредительные съезды корейских компартий в Шанхае и Иркутске.

1921 г., 28 июня — 105 лет: Амурский инцидент — вооруженное столкновение недалеко от Николаевска-на-Амуре между соперничающими за лидерство корейскими фракциями³.

1921 г., 28 ноября — 105 лет: встреча Ли Дон Хви в качестве представителя Корейской компартии с В.И. Лениным⁴.

1926 г., 17 октября — 100 лет: Ким Ир Сен создает Союз свержения империализма.

1936 г., 5 мая — 90 лет: Ким Ир Сен создает Лигу возрождения родины.

1941 г., апрель—сентябрь — 85 лет: рейды отряда корейских партизан во главе с Ким Ир Сном в Корею.

¹ Российско-корейские отношения в формате параллельной истории / под ред. А.В. Торкунова и Ким Хакчуна. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 56—57, 87.

² Российско-корейские отношения в формате параллельной истории / под ред. А.В. Торкунова и Ким Хакчуна. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 56—57, 87.

³ Российско-корейские отношения в формате параллельной истории / под ред. А.В. Торкунова и Ким Хакчуна. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 141—142.

⁴ Там же. С. 140.

1941 г., декабрь — 1945 г., сентябрь — 85 лет: пребывание Ким Ир Сена в СССР.

1946 г., 8 февраля — 80 лет: образован Временный Народный комитет Северной Кореи во главе с Ким Ир Сеном (фактически первое правительство будущей КНДР)¹.

1946 г., 8 февраля — 80 лет: в Северной Корее создана партия Чхондогё—Чхонудан (Партия молодых друзей небесного пути).

1946 г., 1 марта — 80 лет: покушение на Ким Ир Сена во время митинга в Пхеньяне по случаю очередной годовщины Первоапрельского движения 1919 г. Охранявший трибуну лейтенант Красной Армии Я. Новиченко своим телом накрыл брошенную на трибуну гранату.

1946 г., 5 марта — 80 лет: в Северной Корее принят Закон о земельной реформе.

1946 г., 16 марта — 80 лет: первый почтовый обмен между Севером и Югом.

1946 г., 20 марта — 80 лет: начало работы совместной советско-американской комиссии по Корее².

1946 г., 24 июня — 80 лет: в Северной Корее принят Закон о труде..

1946 г., июль — 80 лет: поездка Ким Ир Сена и Пак Хон Ена в Москву, встреча со Сталиным³.

1946 г., 30 июля — 80 лет: в Северной Корее принят Закон о равноправии женщин.

1946 г., 10 августа — 80 лет: в Северной Корее принят Закон о национализации промышленности, транспорта, средств связи и банков.

1946 г., 28—30 августа — 80 лет: учредительный съезд Трудовой партии Северной Кореи, на котором Ким Ир Сен избран зам. Председателя партии.

1946 г., 1 октября — 80 лет: основан Университет имени Ким Ир Сена.

1946 г., 1 ноября — 80 лет: основана газета «Нолон синмун», орган ЦК ТПК, с 1970 г. отмечается как День печати.

1946 г., 3 ноября — 80 лет: выборы в народные комитеты в Северной Корее.

1946 г., 28 ноября — 80 лет: создан Союз корейских христиан (переименован в феврале 1999 г.)

1951 г., 10 июля — 75 лет: начало переговоров о перемирии в Корейской войне.

1956 г., 14—25 февраля — 70 лет: XX съезд КПСС, доклад Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина. Присутствовала делегация ТПК во главе с зам. Председателя ТПК Цой Ен Геном⁴.

¹ Ванин Ю.В. Советский Союз и Северная Корея. 1945—1948. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2016, С. 80—81.

² Симотомаи Н. Ким Ир Сен и Кремль. Северная Корея эпохи холодной войны (1945—1961 гг.). М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2010. С. 52—53.

³ Ванин Ю.В. Советский Союз и Северная Корея. 1945—1948. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2016, С. 102—103; Симотомаи Н. Указ. соч. С. 60.

⁴ *Симотомаи Н.* Указ. соч. С. 216.

1956 г., 23—29 апреля — 70 лет: III съезд ТПК. Председателем ТПК избран Ким Ир Сен. Присутствовала делегация КПСС во главе Л.И. Брежневым¹.

1956 г., 6—12 июня — 70 лет: делегация КНДР во главе с Ким Ир Сеном находилась в СССР. Встреча 4—5 июня с Н.С. Хрущёвым. Одной из главных целей визита были переговоры о дополнительной экономической помощи КНДР, однако они закончились безрезультатно. Кроме того, Хрущёв высказал критические замечания в отношении проявлений «сталинизма и культа личности Ким Ир Сена в КНДР» и посоветовал ему «принять надлежащие меры» для исправления ситуации².

1956 г., 70 лет: первая группа ядерщиков из КНДР отправилась для прохождения подготовки в СССР³.

1956 г., 30—31 августа — 70 лет: неудачная попытка отстранить Ким Ир Сена от власти на волне последствий XX съезда КПСС: выступление партийной оппозиции на пленуме ЦК ТПК, ее разгром, и визит в КНДР советско-китайской делегации во главе с А.И. Микояном и Пэн Дэхуаем⁴.

1956 г., декабрь — 70 лет: в КНДР дан старт движению Чхоллима.

1961 г., апрель — 65 лет: Апрельская революция в Южной Корее, бегство из страны первого президента РК Ли Сын Мана.

1961 г., май-июль — 65 лет: визиты Ким Ир Сена в СССР и КНР, подписание договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР — 6 июля и с КНР — 11 июля⁵.

1961 г., 11—18 сентября — 65 лет: IV съезд ТПК, выдвинут 7-летний план. Ким Ир Сен переизбран Председателем ТПК.

1961 г., 23 сентября — 65 лет: начало тайных контактов между представителями КНДР и РК, которые продолжались до лета 1962 г.⁶

1961 г., 17—31 октября — 65 лет: делегация ТПК во главе с Ким Ир Сеном приглашена на XXII съезд КПСС.

1961 г., 15 декабря — 65 лет: создание Тэанской системы работы по итогам руководства на месте Ким Ир Сена Тэанским электромеханическим заводом.

1966 г., март—апрель — 60 лет: 14-й пленум ЦК ТПК 4-го созыва. Создан Президиум Политбюро ЦК ТПК. Упразднены посты председателя и зам. председателя ТПК. Вместо них введены посты генерального секретаря и секретарей ЦК ТПК.

¹ Там же. С. 225.

² История визитов лидеров КНДР в СССР и Россию. ТАСС. 24.06.2019. URL: <https://tass.ru/info/6370930> (дата обращения: 09.01.2026).

³ Подписан двусторонний договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Северной Кореей URL: <https://kulturamgo.ru/kalendar-sobytij/den-v-istorii/8388-6-iyulya-1961-podpisan-dogovor-o-druzhbe-mezhdu-sssr-i-severnoj-koreej> (дата обращения: 09.01.2026).

⁴ *Симотомаи Н.* Указ. соч. С. 234—248.

⁵ Подписан двусторонний договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Северной Кореей. URL: <https://kulturamgo.ru/kalendar-sobytij/den-v-istorii/8388-6-iyulya-1961-podpisan-dogovor-o-druzhbe-mezhdu-sssr-i-severnoj-koreej> (дата обращения: 09.01.2026).

⁶ Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН. 2000. С. 47—49.

1966 г., 21 мая — 60 лет: закрытый саммит Л.И. Брежнева и Ким Ир Сена на борту крейсера «Варяг» во Владивостоке.

1966 г., 11—30 июля — 60 лет: сборная КНДР по футболу участвовала в чемпионате мира на футболу в Англии, где выиграла у Италии, выбив ее из турнира, но затем в четвертьфинале проиграла Португалии 3:5. Фильм «Игра их жизни» (The Game of Their Lives)¹.

1966 г., 5—12 октября — 60 лет: вторая конференция ТПК.

СССР и два корейских государства

1971 г., 20 сентября — 55 лет: первые переговоры представителей Обществ Красного Креста Севера и Юга Кореи по инициативе ОКК РК от 12 августа 1971 г. Привели к подписанию 4 июля 1972 г. Совместного заявления Севера и Юга.

1976 г., 18 августа — 50 лет: инцидент в Пханмунчжоме между военнослужащими КНДР и США, в результате которого были погибшие и раненные².

1976 г., 2 октября — 50 лет: выступление Ким Чен Ира перед теоретиками и пропагандистами ТПК «О правильном понимании оригинальности кимирсенизма». По его словам, «кимирсенизм — это оригинальные идеи, которые как по их содержанию, так и структуре не могут быть объяснены в рамках марксизма-ленинизма», который был назван корейским лидером «революционной теорией периода, предшествовавшего появлению кимирсенизма»³.

1981 г., 1—2 апреля — 45 лет: 3-й пленум ЦК ТПК 6-го созыва.

1986 г., 19—23 января — 40 лет: визит в КНДР члена Политбюро ЦК КПСС, главы МИД СССР Э.А. Шеварднадзе.

1986 г., октябрь — 40 лет: Ким Чен Ир, выступая перед работниками аппарата ЦК ТПК, сказал, что «идеи чучхе являются единственным руководящим началом во всей деятельности нашей партии. Кроме идей чучхе в ней не может быть места другим идеологиям, да и вообще в них нет надобности»⁴.

1986 г., 22—27 октября — 40 лет: визит в СССР Ким Ир Сена, встреча с М.С. Горбачёвым.

Россия в поисках баланса интересов в Корее

Участие советских спортсменов в летних Олимпийских играх 1988 г. в Сеуле и теплый прием, оказанный им южнокорейцами ускорили развитие различных связей между двумя странами, что привело к установлению 30 сентября 1990 г.

¹ Кинопоиск. Игра их жизни. 2002. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/137706/> (дата обращения: 10.01.2026).

² North Korea blames U.S. for 1976 ax murders — UPI, 16.08.2017. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2016/08/17/North-Korea-blames-US-for-1976-ax-murders/7741471487855/ (accessed: 09.01.2026).

³ Kim Jong Il. On correctly understanding the originality of kimsungism. Foreign Languages Publishing House. Pyongyang, Korea, 1984, p. 1, 4.

⁴ Ким Чен Ир. О некоторых вопросах воспитания на идеях чучхе. Изд-во литературы на иностранных языках. Пхеньян, 1987. С. 25.

дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея. Этот шаг советского руководства вызвал открытую критику со стороны Пхеньяна.

1991 г., 2 апреля — 35 лет: Политбюро ЦК КПСС приняло решение о свёртывании внешнеторгового сотрудничества с КНДР, прекращении экономического сотрудничества и переходе на свободно конвертируемую валюту в торговле. На основе этого решения была выпущена так называемая директива М.С. Горбачёва.

1991 г., 17 сентября — 35 лет: КНДР и РК приняты в ООН.

1991 г., 18 ноября — 35 лет: президент США Дж. Буш объявил о том, что ядерное оружие США, размещенное в Южной Корее в 1958 г., выведено с Корейского полуострова.

1991 г., 13 декабря — 35 лет: премьеры КНДР и РК подписали в Сеуле Декларацию о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве между Севером и Югом Кореи.

1991 г., 24 декабря — 35 лет: 19-й пленум ЦК ТПК 6-го созыва принял решение о назначении Ким Чен Ира Верховным главнокомандующим КНА.

1991 г., 28 декабря — 35 лет: образована торгово-экономическая зона Рачжин—Сонбон.

1991 г., 30 декабря — 35 лет: представители КНДР и РК подписали Декларацию о безъядерном статусе Корейского полуострова.

1996 г., 16 апреля — 30 лет: президенты США и РК на саммите на о. Чечжудо выступили с инициативой о проведении четырехсторонних переговоров (США, КНР, КНДР, РК). Проходили в 1997—1998 гг. с целью поиска нового механизма поддержания мира в Корее взамен Соглашения о перемирии 1953 г.

1996 г., 20—21 апреля — 30 лет: первый раунд переговоров США с КНДР в Берлине по ракетной программе Пхеньяна.

2001 г., 4 января — 25 лет: газета «Нодон синмун» опубликовала подборку высказываний Ким Чен Ира¹.

2001 г., 26—28 февраля — 25 лет: визит В.В. Путина в РК. Совместное заявление, в котором Договор по ПРО расценен как краеугольный камень стратегической стабильности. На следующий день РК дезавуировала свою позицию по ПРО, заявив, что она не против национальной ПРО США.

2001 г., 1—5 марта — 25 лет: совместная выставка Севера и Юга во Дворце народной культуры в Пхеньяне о незаконности оккупации Кореи японским империализмом. Научная конференция с участием ученых РК. Совместное заявление историков Севера и Юга.

2001 г., 2—3 мая — 25 лет: визит в КНДР делегации ЕС на высшем уровне в составе председателя ЕС премьер-министра Швеции Й. Перссона, верховного представителя ЕС по внешней политике и безопасности Х. Солана и верховного комиссара по внешней политике К. Паттена². На встрече с делегацией Ким Чен

¹ Нодон синмун. 04.01.2001.

² Итоги первой встречи лидера КНДР с делегацией Евросоюза. URL: https://www.ltv.ru/news/2001-05-03/277342-ogi_pervoy_vstrechi_lidera_severnoy_korei_s_delegatsiyevrossoyuza (дата обращения: 11.01.2026).

Ир обещал продлить мораторий на ракетные пуски до 2003 г, однако не дал обещания прекратить экспорт ракет и ракетных технологий.

2001 г., 2—4 мая — 25 лет: первый сын Ким Чен Ира — Ким Чен Нам задержан в Токийском аэропорту Нарита при попытке въехать в Японию по фальшивому паспорту и депортирован в КНР¹.

2001 г., 4—5 августа — 25 лет: официальный визит Ким Чен Ира в Россию на поезде. Принятие руководителями РФ и КНДР 4 августа Московской декларации².

2006 г., 13 августа — 20 лет: открытие в Пхеньяне православного храма Святой Живоначальной Троицы³.

2006 г., 9 октября — 20 лет: первое ядерное испытание в КНДР. Резолюция СБ ООН 1718 от 14 октября 2006 г.⁴

2011 г., 26 апреля — 15 лет: поездка бывшего президента США Д. Картера в КНДР⁵.

2011 г., 20—25 августа — 15 лет: визит Ким Чен Ира в Россию. Встреча с президентом РФ Д.А. Медведевым в Улан-Удэ⁶.

2011 г., 17 декабря — 15 лет: кончина Ким Чен Ира.

2011 г., 29 декабря — 15 лет: Ким Чен Ын назван, согласно заветам Ким Чен Ира от 8 октября, «высшим руководителем партии, армии и народа» на траурном митинге в Пхеньяне. **2011 г., 30 декабря — 15 лет:** Ким Чен Ын назначен Верховным главнокомандующим Вооруженными силами КНДР.

2016 г., 6 января — 10 лет: КНДР объявила об испытании термоядерного заряда.

2016 г., 7 февраля — 10 лет: КНДР объявила о запуске спутника «Кванменсон — 4».

2016 г., 10 февраля — 10 лет: РК заявила о закрытии Кэсонского промышленного комплекса и выходе из проекта Хасан—Раджин.

2016 г., 2 марта — 10 лет: резолюция СБ ООН 2270.

2016 г., 5—9 мая — 10 лет: VII съезд ТПК. Ким Чен Ын избран Председателем ТПК⁷.

2016 г., 26 июня — 10 лет: 4-я сессия ВНС КНДР 13-созыва. ГКО упразднен. Создан Госсовет КНДР. Председателем Госсовета 29 июня избран Ким Чен Ын.

¹ Задержанный в токийском аэропорту кореец оказался сыном Ким Чен Ира. LENTA.RU. 03.05.2001. URL: <https://lenta.ru/news/2001/05/03/kimjongil/> (дата обращения: 11.01.2026).

² Визит Председателя Государственного комитета обороны КНДР товарища Ким Чен Ира в Российскую федерацию. Август 2001 года. ЗАО «Газета «Правда». М., 2001. С. 14—15.

³ Митрополит Кирилл освятил храм Живоначальной Троицы в Пхеньяне. РИА Новости, 13.08.2006. URL: <https://ria.ru/20060813/52579360.html> / (дата обращения: 11.01.2026).

⁴ Ядерная программа КНДР. Справка. РИА Новости. 25.05.2009. URL: <https://ria.ru/20090525/172206749.html> (дата обращения: 11.01.2026).

⁵ Экс-президент США Джимми Картер прибыл в Северную Корею на фоне надежд на шестисторонние переговоры. ИНОСМИ, 27.04.2011. URL: <https://inosmi.ru/20110427/168828989.html> (дата обращения: 12.01.2026).

⁶ «Веселая и приятная поездка». Газета.RU/ 24.08.2011. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/08/24_a_3743385.shtml?utm_auth=false/ (дата обращения: 12.01.2026).

⁷ Ким Чен Ын. Отчетный доклад Центрального комитета Трудовой партии Кореи VII съезду партии. Изд-во литературы на иностранных языках. Корея, Пхеньян, 105 чучхе (2016).

2016 г., 9 сентября — 10 лет: ядерные испытания в КНДР.

2016 г., 30 ноября — 10 лет: — резолюция СБ ООН 2321.

2016 г., — 10 лет: обострение китайско-южнокорейских отношений в связи решением РК разместить на своей территории системы ТНААД США и ответной реакцией КНР на это шаг.

2016 г., 9 декабря — 10 лет: Национальное собрание РК проголосовало за импичмент президента РК Пак Кын Хе. 10 марта 2017 г. Конституционный суд поддержал это решение.

2016 г., 29 декабря — 10 лет: Указ Президента РФ «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2270 от 2 марта 2016 года». Вводил различные ограничения в торгово-экономических и других связях с КНДР. В указ неоднократно вносились изменения, последнее 25 августа 2022 г.¹

2021 г., 5—11 января — пять лет: VIII съезд ТПК. 10 января Ким Чен Ын избран Генеральным секретарем ТПК².

Заключение

Важнейшей задачей, стоящей перед российским обществом и учеными, является отстаивание исторической правды. Речь идет не просто о борьбе за адекватную трактовку прошлого: сегодня это неотъемлемая часть современной международной политики.

2025 г. прошел под знаком 80-летия нашей победы и на Западе, и на Востоке. Однако попытки замолчать, а то и перечеркнуть решающий вклад Красной Армии не только в разгром нацистской Германии, но и освобождение Кореи, исказить цели нашей политики на Дальнем Востоке и дать одностороннюю картину наших отношений с двумя корейскими государствами продолжаются. Между тем, именно благодаря нашему вступлению в войну с Японией были спасены сотни тысяч жизней наших тогдашних союзников и народов Азии.

Наши партнёры из стран Глобального Юга подвергаются агрессивной идеологической обработке Западом и нуждаются в знакомстве с объективной точкой зрения на упомянутые выше события.

Библиографический список

Ванин Ю.В. Советский Союз и Северная Корея. 1945—1948. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2016. С. 80—81.

Визит Председателя Государственного комитета обороны КНДР товарища Ким Чен Ира в Российскую Федерацию. Август 2001 г. ЗАО «Газета «Правда». М., 2001. С. 14—15.

¹ Указ Президента РФ «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2270 от 2 марта 2016 года» (с изменениями на 25 августа 2022 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420387881?marker=7DK0K9/> (дата обращения: 08.01.2026).

² Съезд борьбы и продвижения вперед, который станет знаменательным поворотным пунктом на пути всестороннего развития социализма нашего образца. Открытие исторического VIII съезда ТПК. KCNA, 06.01.2021. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf;jsessionid=20D19147A86101CE5C8B658F5BDA140F/> (дата обращения: 05.01.2026).

Дипломатический словарь. В трех томах. Четвертое переработанное и дополненное издание. Том I—III. М.: Наука, 1984—1986.

Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен/ отв. ред. М.В. Демченко. М.: Русская панорама, 2006.

Ким Чен Ын. Отчетный доклад Центрального комитета Трудовой партии Кореи VII съезду партии. Изд-во литературы на иностранных языках, Корея, Пхеньян, 105 чучхе (2016).

Ким Чен Ир. О некоторых вопросах воспитания на идеях чучхе. Изд-во литературы на иностранных языках. Пхеньян, 1987. С. 25.

Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980. Документы и материалы. М., 1981.

Пак Б.Д. Россия и Корея. Издание второе, дополненное. М., Институт востоковедения РАН, 2004. С. 203—230.

Российско-корейские отношения в формате параллельной истории. Под ред. А.В. Торкунова и Ким Хакчуна. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 263—264, 310.

Симотомаи Н. Ким Ир Сен и Кремль. Северная Корея эпохи холодной войны (1945—1961 гг.). М., Изд-во «МГИМО-Университет», 2010. С. 309—310.

Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН. 2000. С.72.

Торкунов А.В. Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 117.

Торкунов А.В., Толорая Г.Д., И.В. Дьячков. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008—2020 гг.) М.: Просвещение, 2021. С. 18.

Kim Jong Il. On correctly understanding the originality of kimilsungism. Foreign Languages Publishing House. Pyongyang, Korea, 1984, p. 1, 4.

References

Diplomatischjeskij slovar' (1984—1986). V 3-x tt., Chetvertoe pererabotannoe i dopolnennoe izdanie. [Diplomatic dictionary. In three volumes. The fourth revised and expanded edition]. Nauka Publishing House. Moscow (In Russian)

Kim Jong Un (2016). Otchetnyj doklad Central'nogo komiteta Trudovoj partii Korei VII s'ezdu partii.[Report of the WPK Central Committee to the 7th Party Congress]. Pyongyang: Foreign Languages Publishing House. (In Russian)

Kim Jong Il. O nekotoryh voprosah vospitaniya na ideyah chuchkhe.[On some questions of educating on juche ideas]. Foreign Languages Publishing House. Pyongyang, Korea, 1987, p.25. (In Russian)

Kim Jong Il. On correctly understanding the originality of kimilsungism. Foreign Languages Publishing House. Pyongyang, Korea, 1984, p.1, 4. (In English)

Pak B.D. (2004). Rossiya i Koreya. [Russia and Korea]. Second edition, updated. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, p. 203—230. (In Russian)

Otnosheniya Sovetskogo Soyuzs s narodnoj Koreej. 1945—1980. Dokumenty i materialy.(1981). [Relations of the Soviet Union with the People's Korea. 1945—1980. Documents and materials]. Moscow. (In Russian)

Rossijsko-korejskie otnosheniya v formate parallel'noj istorii. (2022). Pod red. A.V.Torkunova i Kim Hakchuna. [Russian-Korean relations in the format of a parallel history]. Ed. by A.V.Torkunov and Kim Hakchun. Moscow: Aspect Press Publishing House, p.263–264, 310. (In Russian)

Simotomai N. (2010). Kim Ir Sen i Kreml. Severnaya Koreya epohi holodnoj vojny (1945–1961). [Kim Il Sung and the Kremlin. Cold War-era North Korea. (1945–1961)]. Moscow, “МГИМО-University” Publishing House, p.309–310. (In Russian)

Tkachenko V.P. (2000). Korejskij poluostrov i interesy Rossii. [The Korean Peninsula and Russia's Interests]. Moscow. Orient Literature Publishing House, p.72. (In Russian)

Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.F. (2008) Korejskij poluostrov: metamorfozy poslevoennoj istorii [The Korean Peninsula: metamorphoses of post-war history]. — Moscow, OLMA Media Group. p. 117. (In Russian)

Torkunov A.V., Toloraya G.D., I.V. D'yachkov. (2021) Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnyh let (2008–2020). [Modern Korea: metamorphoses of the turbulent years (2008–2020)]. M.: Prosveshchenie, 2021, p. 18. (In Russian)

Vanin YU.V.(2006). Sovetskij Soyuz i Severnaya Koreya. 1945–1948. [The Soviet Union and North Korea. 1945–1948] M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Vizit Predsedatelya Gosudarstvennogo komiteta oborony KNDR tovarishcha Kim Chen Ira v Rossijskuyu federaciyu. Avgust 2001 goda [Visit by Chairman of the State Defense committee of the DPRK Kim Jong Il to the Russian Federation. August 2001]. ZAO “Gazeta Pravda”, Moscow, 2001, pp. 14–15. (In Russian)

Zhebin A.Z. (2006). Evolyuciya politicheskoy sistemy KNDR v usloviyah global'nyh peremen. [Evolution of the DPRK political system in the context of global changes]. Ed. by M.V.Demchenko. Moscow, “Russian Panorama”. (In Russian).

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Received: 15.01.2026

Принята к публикации: 17.02.2026

Accepted: 17.02.2026

Л.В. Овчинникова

**Корейские левые и коммунисты в период 1918—1928 гг.
и борьба с ними японской администрации:
по материалам служебных изданий японского
генерал-губернаторства**

Аннотация. Вопросы национально-освободительного, в частности левого и коммунистического, движения колониальных стран требует некоторого переосмысления и дополнительной научной информации. Поиск новых сведений, позволяющих нарисовать картину корейского освободительного процесса, является одной из актуальных задач. Важным источником изучения этой темы можно считать служебные издания японского генерал-губернаторства. Это публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Сведения изданий расширяют представление о деятельности левых и коммунистов в Корее в период 1918—28 гг., о борьбе с ними японской администрации.

Ключевые слова: колониальная Корея, генерал-губернаторство, японская администрация, антияпонская борьба, освобождение Кореи.

Автор: Овчинникова Любовь Всеволодовна. Кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки, МГУ имени Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1).
ORCID: 0009-0008-8390-5708. E-mail: lovchin@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Овчинникова Л.В. Корейские левые и коммунисты в период 1918—1928 гг. и борьба с ними японской администрации: по материалам служебных изданий японского генерал-губернаторства // Корееведение. 2026. № 1 (14). С. 16—29. DOI: 10.48647/ICCA.2026.79.65.003.

L. V. Ovchinnikova

**Korean left-wing and communists' struggle against Japanese colonial rule
in 1918—1928 reflected in official editions of Japanese administration**

Abstract. The article is devoted to Korean struggle for independence, particularly to the activity of left-wing and communist organizations in 1918—1928. The author undertakes a task to see how their struggle is reflected in official editions of Japanese colonial administration. The books were published by the General-Governor's Office, Police and Court. They extend our knowledge of left-wing and communist groups' activity in 1918—1928, along with Japanese colonial administration's methods of governance and control.

Keywords: colonial Korea, Japanese administration, Governor-general Office, liberation movement, struggle for independence.

Author: Liubov V. Ovchinnikova. Ph.D. (History), Japanese Philology Department, Associate Professor Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (address: 125009, Moscow, Mokhovaya St., 11, building 1).
ORCID: 0009-0008-8390-5708. E-mail: lovchin@yandex.ru

Conflict of Interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citations: Liubov V. Ovchinnikova. Korejskie levye i kommunisty v period 1918—1928 gg. i bor'ba s nimi yaponskoj administracii v sluzhebnykh izdaniyakh yaponskogo general-gubernatorstva. [Korean left-wing and communists' struggle against Japanese colonial rule in 1918—1928 reflected in official editions of Japanese administration]. Koreevedenie [Koreanology], 2026, 1 (14): 16—29.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.79.65.003.

Вопросы национально-освободительного, в частности левого и коммунистического, движения колониальных и зависимых стран требует в наше время некоторого переосмысления и дополнительной научной информации. Образовалось немало белых пятен из-за секретности ряда материалов, недоступных исследователям. Вопросам освободительной борьбы в последние годы уделяется недостаточно внимания. Между тем без глубокого объективного исследования этих проблем не понять всего хода исторического развития, сложного и противоречивого.

Это можно отнести и к истории Кореи, отмеченной широкими выступлениями народных масс. Выяснение традиций, характерных черт и особенностей их борьбы за независимость помогает исследованию современности, процессов, происходящих в двух корейских государствах. Труды, созданные советскими корееведами по данной тематике, также частично нуждаются в пересмотре, уточнении по ряду позиций. Поиск дополнительных источников, новых сведений, позволяющих нарисовать правдивую картину корейского освободительного процесса, в частности деятельности левых и коммунистов, а также борьбы с ними японских властей, выступает как одна из актуальных задач.

Для исследования этой проблематики автор использует материалы закрытых японских изданий генерал-губернаторства. Среди доступных автору книг наибольший интерес представляют: «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время», Сеул, 1935 г.; «Вестники идеологии (Отчеты прокуратуры Верховного суда)», Сеул, 1934, 1936, 1937, 1938 гг.; «Корейская полиция», Сеул, 1938 г.; «Словарь тайной полиции», Сеул, 1935 г. Некоторые из этих публикаций имеют гриф «Секретно» и «Совершенно секретно». Исследованы и общие издания генерал-губернаторства, в большей степени, чем в открытых изданиях, раскрывающие обстановку в стране, положение народных масс: «Обстановка в Корее», Сеул, 1943 г.; «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер корейского генерал-губернаторства», выпуск 1938 г. (последние также имеют гриф «Секретно»); книга «25лет управления Кореей», Сеул, 1940 г. и др.

Никак не рассчитанные на постороннего читателя, закрытые японские архивы в целом содержат значительно более правдивые, достоверные сведения, чем материалы в открытых изданиях. Но они требуют критического подхода по ряду

причин. Порой завышался размах, масштабы, антияпонских выступлений, в частности левых и коммунистов, дабы доказать трудности их подавления, деятельности полицейских органов, а также чисто в прагматических целях для повышения ассигнований на аппарат насилия. Кроме того, несмотря на широкую сеть агентуры и провокаторов, осведомителей, на показания, вырванные у арестованных, полиция знала далеко не все. Многие из завербованных дезинформировали её, организовывали руками полиции расправу над изменниками и предателями. (Упоминания на сей счет встречаются и в исследуемых изданиях.) Наконец, некоторые из обвиняемых в антияпонской деятельности, не выдержав пыток и согласившись дать показания, говорили лишь часть правды или вовсе дезинформировали судей.

Важно также иметь в виду подход японских служебных изданий к оценке характера всех антияпонских выступлений — так называемых идеологических преступлений. К левым обычно причислялись лица, организации, выступления, связанные с деятельностью или влиянием коммунистов. Вышеупомянутые издания подчас не проводят разделение между левыми и коммунистами. Исследуемые издания носили прикладной, практический характер; перед их авторами стояла задача выявления всего, что опасно для японских властей (персоналия, события и пр.), а также выработка методов управления и контроля. Учитывая эти моменты, автор сравнивал исследуемые материалы с фактами и оценками, приводимыми в работах российских и зарубежных исследователей.

Тематика колониальной истории Кореи разрабатывалась в трудах отечественных востоковедов. Достаточно вспомнить монографии и труды советских корееведов, в первую очередь монографию «История Кореи» [1, 1974]. Их авторы — Ф.И. Шабшина (Куликова), В.И. Шипаев, М.Н. Пак, Ю.М. Ванин и др. — создали немало трудов по разным аспектам этой темы, причем особое внимание они уделяли именно исследованию корейского сопротивления. Авторы высоко оценивали патриотизм, самоотверженность корейских борцов за независимость страны. Ценными для исследователей представляются и труды советских историков-корееведов — непосредственных очевидцев событий, — посвященные рассматриваемому периоду; в частности книги Ф.И. Шабшиной «В колониальной Корее. (1940—1945). Записки и размышления очевидца» [4, 1982] и «Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945)» [5, 1959]. В XXI в. были изданы монографии: «История Кореи (Новое прочтение)» [2, 2003], «История Кореи: с древности до начала XXI века» [3, 2009] и др., авторы которых освещают вопросы национально-освободительного, в том числе коммунистического и левого, движения. И все же они не затрагивают отдельные аспекты этой тематики. В ряде случаев в источниковедческом ключе автор обращался к весьма интересным, насыщенным многочисленными фактами монографиям американских ученых — Р. Скалапино, Ли Чжонсика, Со Дэсука и др. [7, 1963], [8, 1972], [9, 1969]

Представляется, что материалы японских закрытых изданий генерал-губернаторства, исследуемые автором, позволяют принять следующую периодизацию корейской национально-освободительной борьбы в целом и деятельности левых и коммунистов в частности: 1) конец 1910-х — 1920-е годы; 2) конец 1920-х — первая половина 1930-х годов; 3) вторая половина 1930-х — начало 1940-х годов.

Критерии такой периодизации многоплановы. Они включают повороты событий мирового и корейского освободительного движения, его стратегии и тактики и условия, в которых оно протекало, а также связанные с этим методы подавления его японскими властями. В качестве одного из важных критериев периодизации выступает политика и практика единого фронта патриотических сил, в первую очередь коммунистов, левых и националистов. В данной статье автор останавливается на первом этапе борьбы корейцев за освобождение, в частности на деятельности левых и коммунистов в период конца 1910-х — 1920-х годов.

Сведения, содержащиеся в японских изданиях генерал-губернаторства по периоду 1918—1928 гг. дают дополнительный фактический материал, расширяющий представление о содержании освободительной борьбы, о действиях левых сил. Они способны существенно помочь исследовать весь процесс корейского освободительного движения, осветить его спорные проблемы. В первую очередь это касается внешних и внутренних факторов, стимулировавших в это десятилетие борьбу за национальное освобождение. Материалы этих книг указывают, что в первое десятилетие японского господства в Корее протест против национального гнета и социального бесправия достиг особого накала, вызвав взрыв народного недовольства. Это вылилось в мощное общенациональное освободительное движение 1919 г. [2, 2009, с. 284—290]; [1, 1974, с. 52—58]. В японских изданиях говорится о воздействии на Корею Октябрьской революции в России. Один из главных, проходящих через все рассматриваемые издания тезисов сводится именно к тому, что в Корее не было внутренних условий для активной антияпонской борьбы, что последняя экспортировалась Москвой, искусственно ею насаждалась.

Японские издания неоднократно указывают на то, что революционные события в России серьезно повлияли на движение 1919 г., что не могло не беспокоить колониальную администрацию. Издание «Корейская полиция» отмечает: «В начале 1-й мировой войны в Корее было много недовольных. Но особенно это недовольство и движение народных умов возросло после второй русской революции 1917 г., а также интервенции в Сибири. В последующие годы стало нарастать движение за независимость, разжигаемое корейцами, находящимися за границей» [13, 1938, с. 65]. В закрытых японских изданиях оно неизменно связывалось с рукой Москвы; утверждалось, что «среди народа насаждаются идеи о том, что только решительной борьбой, насилием можно добиться независимости. Характерно, что движение за независимость внедряется интеллигенцией и подхватывается массами» [13, 1938, с. 65]; [1, 1974, с. 37—40]. «Словарь тайной полиции» также пишет, что «...идеи независимости в это время (конец 1910-х годов) получили распространение среди широких народных масс» [10, 1935, с. 275]. Выступления с освободительными лозунгами, в той или иной степени связанные с революционными событиями в России, стали именоваться «идеологическими преступлениями». Издания японского генерал-губернаторства приводят данные о многочисленных организациях, совершающих такие «идеологические преступления» в 1920-е годы. В частности, в «Вестнике идеологии» содержатся данные как об арестах по так называемому делу «добровольческих войск», так и о деятельности других «подрывных элементов». Указывается, что эта группа была свя-

зана с Москвой; своей целью она провозгласила борьбу за независимость. [12, 1937, с. 62]. Сообщается и о других аналогичных организациях, действовавших, в частности, в 1923—1924 гг. [12, 1937, с. 62].

Думается, следует признать большую, объективно обусловленную роль революции в России, но не абсолютизировать её, учитывая и отрицательные черты большевистского опыта и влияния. Последние проявились в жесткой бескомпромиссности, приверженности радикальным, разрушительным действиям и перенесении их на Корею, перед которой стояли национально-освободительные задачи, непосредственно социалистические.

Вместе с тем источники позволяют уточнить соотношение воздействия на Корею Советской России и США, в частности известных «14 пунктов» американского президента Вильсона. Из всей совокупности материалов следует, что для значительной части корейского населения, особенно интеллигенции, была характерна ориентация на США. И это не мешало последней оставаться на позициях активного патриотизма.

В полицейских изданиях основной упор делается на исходящую из Советской России опасность для японского господства. Вместе с тем материалы книг говорят о тесном переплетении в корейском освободительном движении послеоктябрьского периода двух внешнеполитических ориентаций — на Советскую Россию и США. Засвидетельствовали это и события 1919 г. Они подтвердили наличие внутренних условий для этих выступлений.

В книге «Состояние общественного спокойствия в Корее...» также говорится о внешних факторах, стимулировавших в это десятилетие (1918—1928 гг.) борьбу корейцев за национальное освобождение [11, 1939, с. 7]. Особо отмечается большое влияние на Корею революционных событий в России. Оно было сильным по ряду причин. Среди них — соседство стран; наличие в России большого числа корейских отходников, сезонных рабочих, политических эмигрантов; участие корейцев в гражданской войне на Дальнем Востоке. Напомним и другие факты. До 1921 г. корейское социалистическое — чаще именуемое в японских полицейских изданиях коммунистическим — движение явилось зарубежным и кружковым. С 1921 по 1925 г. оно было по-прежнему зарубежным, но уже были партии. Основными из них были Иркутская и Шанхайская. Кроме того, образовался небольшой коммунистический центр в Японии и кружки в самой Корее. Их роль проявилась и в движении 1919 г., именуемом Первоапрельским. Конечно, это народное выступление возникло на базе внутренних условий, порожденных зверствами японского колониального режима, но при этом необходимо отметить и влияние на него революции в России.

В рассматриваемых японских изданиях непосредственно событиям 1919 г. уделено не так много внимания. Кроме упоминаний о том, что они связаны с октябрьскими событиями в России, в материалах изданий говорится о серьёзной тревоге властей, оказавшихся перед необходимостью реформ. Старые методы управления в колонии в новых мировых и внутренних условиях требовали изменений. И реформы были проведены. Они охватывали разнообразные области общественной жизни, урезанные, но вместе с тем и ощутимые. Была провозглашена «эра культурного управления». В качестве самой радикальной реформы объявля-

лось предоставление народу политических свобод. Свобода печати выразилась в том, что разрешался выпуск некоторых новых газет. Свободу организаций власти пытались свести к созданию деловых, спортивных, научных обществ. Но корейские патриоты использовали ситуацию, начав создавать свои объединения. При всей ограниченности реформы вызвали определенную либерализацию режима, облегчив условия освободительной борьбы [1, 1974, с. 53—58]. Реформы, на которые была вынуждена пойти Япония, — одна из побед народного движения 1919 г. Одновременно они показали многоплановость системы мер, принятых Японией, маневренность и гибкость её политики. Хотя время реформ назвали временем «культурного управления», японские издания свидетельствуют, что аппарат подавления японской колониальной администрации ещё более укрепился и в полную меру продолжал функционировать, несмотря на разрекламированную реформу по ликвидации жандармерии [6, 1952, с. 75—78]. По утверждению японской администрации, с введением реформ 1919 г. окончился период военно-полицейских методов; началась «эра культурного управления». Вместе с тем приведенные в источниках данные позволяют судить и о продиктованной недовольством народа необходимости маневрирования, видоизменения форм управления колонией, что японская администрация и делала на основе тщательно продуманной программы.

В Японских изданиях генерал-губернаторства период после реформ 1919 г. именуется периодом «легального движения левых сил». Действительно, появилось немало организаций левой направленности, в корейских газетах стали печататься сообщения о Советской России, о коммунистическом учении, статьи о Ленине. И все же, как следует из служебных изданий, японские власти сосредоточили свое основное внимание не на развернувшейся в Корее после событий 1919 г. легальной деятельности патриотов, а на подпольных организациях, в первую очередь коммунистов и левых.

Первый период левого и коммунистического движения характеризуется японскими источниками как непосредственный перенос, экспорт в Корею из-за границы — в первую очередь из России, а также из Китая и Японии — левого и коммунистического движения. В источниках содержится тезис, что в период 1920—1925 гг. оно «преобладало над националистическим», подавляя его. Думается, что этот тезис требует корректировки. Рассматриваемое пятилетие было временем так называемого культурного управления, реформ, проведенных после движения 1919 г. Несколько расширились возможности легальной деятельности левых сил. В условиях большого влияния на массы идей Октябрьской революции, многие националисты потянулись в коммунистические группы, в марксистские кружки, стали выступать в легальной печати со статьями по вопросам марксистской теории и т. п. То было данью моде. Первые корейские коммунисты были недостаточно зрелы, чтобы, выступая единым фронтом с буржуазно-патриотическими силами в освободительной борьбе, не отступать от своих принципиальных позиций. Думается, что японские издания завышают степень влияния коммунистов в массах; оно было сильным, но не преобладало над националистическим, не подавляло его. Между ними тогда не было четкой границы, одно влияло на другое. В японских изданиях генерал-губернаторства указывается на

создание множества легальных организаций левого толка, которые проводили лекции, митинги, вели широкую агитацию и пропаганду своих идей в массах.

Например, в книге «Состояние общественного спокойствия...» говорится, что коммунистическое движение возникло в Корее в 1920 г.; были созданы различные общественные организации, союзы рабочих, молодежи, женщин, развернувшие широкую деятельность [11, 1939, с. 7]. Указывается на процесс объединения их усилий и их слияния. В частности, в 1924 г. был создан Корейский рабоче-крестьянский союз. Образование таких организаций всегда связывается в исследуемых изданиях с деятельностью коммунистов и левых.

Первые корейские коммунистические группы возникли за рубежами страны — в России, Китае, Японии. Внутренние условия в Корее, в первую очередь полицейские репрессии, делали неизбежным эмигрантский период. Японские источники указывают на создание зарубежных центров в Чите, Иркутске, Шанхае, а также групп студентов, обучающихся в Японии. В вышеуказанной книге «Состояние общественного спокойствия...» говорится, что «все они боролись за руководство в движении, что в течение нескольких лет коммунистические идеи распространились по всей Корее, подавляя националистическое движение» [11, 1939, с. 7]. В апреле 1925 г. в Сеуле коммунистические группы, одна из которых поддерживала связь с Иркутской группой, другая — с корейскими студентами в Токио, создали компартию и комсомол. Последние были признаны Коминтерном и стали руководить движением в Корее [Там же].

В японских изданиях генерал-губернаторства везде без исключения приводится тезис, что левое и коммунистическое движение искусственно насаждалось среди корейцев Москвой и непосредственно, и через Китай. И все же думается, что внутренняя почва — пусть минимальная — для восприятия этих идей все же была. Дело не только в экспорте большевистских идей, но и в инспирировании большевистских действий, на чем настаивают авторы указанных книг, в непосредственном руководстве корейскими коммунистами, в создании для них по своему образцу стратегии и тактики борьбы, в подборе кадров и пр. Под Москвой понимался Коминтерн и его ведущая сила — РКП (б). Но, соглашаясь с тем, что определенное основание для такого утверждения есть, следует учитывать и давние, устойчивые традиции вооруженной борьбы самих корейских патриотов, их приверженность к решительным боевым, насильственным действиям.

Материалы книг о создании компартии Кореи (КПК) позволяют уточнить и дополнить фактическую базу этого вопроса. В них приводятся, в частности, сведения о том, что непосредственным инициатором создания КПК был Ё Унхён — яркая фигура в корейской освободительной борьбе. Он был одним из основных носителей идеи и организатором единого национального антияпонского фронта. Не останавливаясь подробно на деятельности КПК, отметим, что одним из результатов была борьба за единство действий национальных патриотических антияпонских сил. Подтверждение тому — июньская демонстрация 1926 г. Источники свидетельствуют, что многие коммунисты и комсомольцы были арестованы во время подготовки к демонстрации — скорее всего они готовились к ней заранее. Неслучайно и то, что именно против них были обрушены полицейские репрессии. С другой стороны, материалы позволяют предположить, что нацио-

националистические организации — левые и деятели, с которыми блокировались коммунисты, — видели в них надежную патриотическую силу. То обстоятельство, что руководство Чхондогё — основной союзник коммунистов в дни июньской демонстрации — было представлено левым крылом Чхонудан, можно оценить как результат их влияния, весомого места в освободительной борьбе в данный период. Вместе с тем были активны и националисты.

По мнению многих российских востоковедов, началом, зародышем единого фронта стала июньская демонстрация 1926 г., в которую переросли похороны корейского экс-императора. Известно, что религиозные общества играли там значительную политическую роль, в частности Чхондогё (его левое крыло, Чхонудан, было связано с Крестинтерном). Учение Чхондо — «все для человека, для его блага» — сближало его с идеями социализма. Материалы служебных изданий японского генерал-губернаторства указывают, что во время июньских событий националистические организации, религиозные деятели блокировались с левыми и коммунистами. Несмотря на массовые аресты, борьба прогрессивных сил за единство действий, за сотрудничество патриотических организаций продолжалась; на это указывает и деятельность общества Синганхве, созданного в 1927 г., правда действовавшего недолго. Полицейские издания и его называют организацией «бескомпромиссной», т. е. прокоммунистической, также связывая его деятельность с рукой Москвы [11, 1939, с. 9].

Июньское выступление говорит о высоком патриотическом подъёме разных слоёв населения, прежде всего интеллигенции, учащейся молодёжи. Накал анти-японских настроений был настолько велик, что, несмотря на священность похорон, участники нарушили традиции и превратили траурную процессию в демонстрацию. Но она не стала общенациональной, ограничившись Сеулом. И вместе с тем июньская демонстрация 1926 г. явилась заметной вехой в корейском левом движении, так как она продемонстрировала значение и возможность единства действий патриотов разной политической ориентации, в частности, коммунистов, левых и Чхондогё, пользовавшегося большим влиянием в разных слоях общества и имевшего в стране множество филиалов. Дочерними организациями общества Чхондогё были представляющая его левый лагерь Чхонудан («Партия молодых друзей») и Чосон понминса («Корейская крестьянская лига»). Общество Чхондогё было разнородным. В период июньских событий руководство обществом было в руках левого крыла. В целом из материалов японских источников следует, что июньская демонстрация засвидетельствовала новое качество корейского освободительного, в частности левого, движения 1920-х годов: оно было заранее организованным, целенаправленным, для него было характерно взаимодействие разнотипных патриотических сил при активной роли левых и коммунистов.

В рассматриваемых источниках о самом июньском выступлении говорится относительно мало, но материалы свидетельствуют, что японская администрация и карательные органы ответили градом репрессий. Им подверглись не только коммунисты, комсомольцы и актив Чхондогё, но и многие члены христианских и буддийских общин. Японские издания генерал-губернаторства трактуют демонстрацию 1926 г. в основном как выступления корейского студенчества.

«10 июня 1926 г., — говорится в «Вестнике идеологии», — в Сеуле студенты во время похорон экс-императора распространяли листовки, призывавшие к борьбе за независимость Кореи. Были произведены аресты». «Вестник» сообщает, что ранее 5 июня 1926 г. в Сеуле и других районах Кореи был арестован Кан Дальён и еще 176 коммунистов, выступавших за независимость страны и построение коммунистического общества [12, 1937, с. 71 приложений]. Думается, что аресты такой большой группы коммунистов за пять дней до демонстрации не могли не быть с нею связаны. Об активной роли КПК в июньском выступлении красноречиво свидетельствуют процессы над коммунистами. «Словарь тайной полиции» также упоминает о массовых арестах в июне 1926 г. коммунистов, в том числе членов ЦК [10, 1935, с. 229].

«Вестник идеологии» отмечает и другие аресты по делу студентов в период 1926—1928 гг. Так, в феврале 1928 г. в Сеуле был создан студенческий комитет, объединявший ячейки в школах (частных, государственных, муниципальных — средних и высших), где обсуждались вопросы обучения и положение молодежи. Члены организации выступали против «японской политики в Китае». Как пишет «Вестник идеологии», в сентябре были проведены аресты [12, 1937, с. 71 приложений].

Несмотря на массовые аресты участников демонстрации 1926 г., борьба левых сил за единство действий, за сотрудничество и взаимодействие всех патриотических организаций продолжалась, на что указывает создание в 1927 г. общества Синганхве. Служебные издания японского генерал-губернаторства также называют его организацией «бескомпромиссной» — как уже отмечалось, эта была характеристика, используемая полицией в отношении левых и коммунистов. Роспуск общества японские издания связывают с борьбой между сторонниками в самой организации. «Внутри организации возникли разногласия между сторонниками легальных и нелегальных форм борьбы, — отмечается в книге «Состояние общественного спокойствия...», — и в 1931 г. организация Синганхве распалась» [11, 1939, с. 9]. Следует отметить, что ведущую роль в её создании и деятельности в первое время полицейские издания отводят компартии. В то же время их материалы свидетельствуют и о многих ошибках, допущенных его организаторами: стихийный самороспуск массовых организаций, нечеткость программы, видимо в силу отсутствия у руководства опыта в борьбе. Материалы этих книг довольно красноречиво показывают вред, который наносила обществу Синганхве групповая борьба входящих в него организаций, в том числе КПК. Последнее обстоятельство широко использовала полиция для выявления и изоляции коммунистов. В результате КПК, будучи одним из организаторов создания Синганхве, не стала его ведущей силой.

В рассматриваемое время происходили изменения и внутри национал-реформистского лагеря. Его левое крыло, представленное в основном интеллигенцией, хотя и было подвержено колебаниям, утопическим воззрениям, ориентировалось в этот период на укрепление блока с коммунистами. Правые национал-реформисты под сильным давлением низов присоединялись к антияпонским выступлениям, в которых участвовали левые и коммунисты. Говоря о едином корейском антияпонском фронте 1920-х годов, вернее о его зачатках, нужно оха-

рактизовать его как объединение усилий главным образом снизу, как урезанный, неполный народный фронт.

Удар по нему был нанесен решениями VI конгресса Коминтерна 1928 г. В принятых конгрессом тезисах по колониальному вопросу содержались левацкие, сектантские установки. В них предлагалось отвергать любое блокирование с национальной буржуазией; утверждалось, что в колониях она не представляет силы, противостоящей империализму. Конгресс нанес удар и по КПК: на нем фактически (официально это не было закреплено) компартия распускалась, перестав существовать как централизованная организация. На конгрессе произошла парадоксальная ситуация: Коминтерн, утвердив компартию Кореи своей секцией, фактически тут же её распустил. Опять из-за той же «фракционности», не признав её представителей, приехавших на конгресс.

Думается, что фактический роспуск КПК был актом ошибочным, сказавшимся на всем освободительном движении. В период существования КПК в корейском освободительном движении при её активном участии были достигнуты значительные результаты, что проявилось в участии в июньской демонстрации, в создании Синганхве. Последние можно назвать первыми ростками единого антияпонского фронта. Что касается групповых распрей, то можно предположить, что при сохранении партии их легче было бы преодолеть. Главные же доводы относятся к последующей деятельности коммунистов, не имевших своей единой централизованной организации и вынужденных бороться за её воссоздание. Вместе с тем завышенным представляется утверждение некоторых отечественных корееведов, что КПК была авангардом освободительного движения в Корее в этот период. За эту роль она только боролась. На вопрос о том, почему в свое «звёздное трёхлетие» (1925—1928) КПК не стала в общенациональном масштабе во главе освободительного движения, ответ дают японские полицейские издания: из рядов КПК, как и других, в первую очередь левых, организаций, полиция вырывала самые лучшие кадры. «В связи с продолжавшимися арестами корейская компартия была распущена, — говорится в “Состоянии общественного спокойствия...” — VI конгрессом Коминтерна в августе 1928 г. Но исполком Коминтерна в декабре того же года принял тезисы о восстановлении компартии Кореи, которые были адресованы рабочим, крестьянам и другим неимущим слоям общества. Развернулась активная борьба за восстановление партии; расширилось самое левое, радикальное движение» [11, 1939, с. 9].

В издании «Словарь тайной полиции» можно найти материал о «декабрьских тезисах», освещающих положение в компартии Кореи. Там говорится, что Дальневосточный отдел Коминтерна создал «...для стимулирования борьбы народов колоний комиссию по корейскому вопросу и в декабре 1928 г. выработал тезисы о воссоздании корейской компартии» [10, 1935, с. 165]. Декабрьские тезисы, принятые Политическим секретариатом ИККИ в декабре 1928 г., отражали общий курс, взятый VI конгрессом Коминтерна, и его левацкие установки. В тезисах, в частности, говорилось, что национально-освободительное движение в Корее является не только антиимпериалистическим и антифеодальным, но и тесно связано с борьбой пролетариата против национальной буржуазии. Тем самым как-бы отсекались от освободительного движения союзники коммунистов, вме-

сте с ними выступавшие в 1926 г. «Согласно этим тезисам, — говорится в “Словаре тайной полиции”, — Корея являлась важным направлением наступления Японии на азиатский материк. Поэтому необходимо связать лозунги повседневной борьбы с антиимпериалистическими, антияпонскими призывами и, выступая против японского империализма, одновременно вести борьбу с феодальными пережитками в Корее...» [10, 1935, с. 165—166]. Как пишут авторы данного издания, тезисы указывали на необходимость усиления объединений рабочих и крестьян, а также реформаторских организаций типа Панджонгё и таких религиозных организаций, как Синганхве, Хёнпхёнса, Чхондогё и др. Согласно декабрьским тезисам, «коммунистическое движение Кореи в настоящее время находится в состоянии застоя, оно рассеяно и изолировано. Необходимо, чтобы в ближайшем будущем компартия была воссоздана и укреплена». Комментируя эти установки, «Словарь тайной полиции» пишет, что «под влиянием декабрьских тезисов блуждавшая из-за раскола и внутренних распрей компартия быстро “пришла в себя”, и корейские коммунисты активно приступили к сплочению своих рядов» [Там же].

При том что заслугу роспуска КПК полиция приписывает исключительно своему усердию, нельзя не согласиться с тем, что именно террор стал главной причиной прекращения партии в 1928 г. своего существования в качестве единой самостоятельной силы. Фракционная борьба внутри комдвижения нанесла ему серьезный вред, но не явилась главной причиной роспуска компартии. Об этом говорят и японские издания. Во второй половине 1920-х годов террор приобрел в Корее большие масштабы, резко ослабив партию, особенно после 1928 г. «Состояние общественного спокойствия...» приводит следующие данные: с 1928 по 1931 г. произошло 1315 «идеологических преступлений», было арестовано около 11 тыс. участников [11, 1939, с. 13—14].

Любопытно признание авторов исследуемых японских источников, что аресты коммунистов и левых были затруднены в связи с тем, что они и в условиях подполья проявляли гибкую тактику работы в массах, использовали различные методы деятельности, проникали в легальные организации, в вечерние школы и вербовали сторонников, сближались с различными молодежными объединениями. В книге «Состояние общественного спокойствия...» говорится, что «...левые и коммунисты использовали в легальной и подпольной борьбе разного рода праздники, а также рабочие выступления, арендные конфликты и пр. для распространения воззваний, ведения широкой пропаганды, вербовки новых последователей» [11, 1939, с. 10—11].

На корейскую освободительную борьбу 1928—1936 гг. решения VI конгресса Коминтерна отразились остро и крайне болезненно. Возобладал догматизм, забегание вперед, сектанство, а также силовые методы. На первый план стали выдвигаться далекие от реальности задачи социалистической революции и построения социалистического общества. В тени оказалось главное требование национальной независимости. Распались зачатки единого фронта. Новый курс Коминтерна нанес ему тяжелый удар, оттолкнув от левых сил не только союзников. Как известно, VI конгресс Коминтерна, с одной стороны, отметил, что выработанные В.И. Лениным и принятые на XI конгрессе «Тезисы по националь-

ному и колониальному вопросам» в полной мере сохраняют свое значение. Но, с другой стороны, принятые политическим секретариатом Исполкома Коминтерна развернутые тезисы по Корее содержали левацкие установки. Как уже отмечалось, в них говорилось, что национально-освободительное движение в большинстве современных колоний, в том числе и в Корее, является не только антиимпериалистическим и антифеодальным; оно теснейшим образом связывается с классовой борьбой пролетариата как против империалистов и феодалов, так и против национальной буржуазии.

Дальнейшее развитие народной борьбы и деятельности корейских левых и коммунистов проходило в условиях мирового экономического кризиса, нарастающей милитаризации Японии и нового курса Коминтерна. В конце 1920-х годов произошёл ряд крупных выступлений рабочих, крестьян, интеллигенции: знаменитая Вонсанская забастовка, крестьянские волнения в Танчхоне, выступления учащихся Кванджу. Возникнув на базе ухудшающегося положения народных масс, усиливающейся дискриминации корейцев, они вместе с тем в той или иной степени явились результатом деятельности левых, коммунистов и проводимого ими курса на сплочение патриотических сил. Однако в этот период в корейском освободительном движении уже начали ощущаться первые отзвуки левацких установок VI конгресса Коминтерна. Проявлялось смещение акцентов в задачах борьбы с национально-освободительных на классовые, отход от позиций единого антияпонского фронта патриотических сил.

По периоду 1928—1928 гг. служебные издания генерал-губернаторства предоставляют и другую ценную информацию. Так, они указывают, что в 1920-е годы наблюдался рост арендных конфликтов и забастовок. «Вестник идеологии» за 1937 г. приводит следующие данные об этих выступлениях. Надо полагать, что в сводки вошли данные самых крупных и значительных из них. Приведем эти данные: арендных конфликтов в 1921 г. произошло 27 с числом участников 2967 человек; в 1922 г. — 22 и 3539; 1923 г. — 176 и 9060; в 1924 г. — 164 и 6929; 1925 г. — 11 и 2646; 1926 г. — 17 и 2118; 1927 г. — 22 и 3285; 1928 г. — 30 и 3572; 1929 г. — 36 и 2620; 1930 г. — 93 и 10 037 человек, соответственно [12, 1937, с. 93 приложений]. Это же издание приводит сведения и о производственных конфликтах этого периода. Так, в 1921 г. произошло 36 забастовок с 3403 участниками; 1922 г. — 44 и 1809 человек; 1923 — 72 и 6041; 1924 — 45 и 6751; 1925 — 55 и 5700; 1926 г. — 85 и 5980; 1927 г. — 94 и 10 523; 1928 г. — 119 и 7759, 1929 г. — 102 и 8293; 1930 г. — 160 и 18 972 человека, соответственно [Там же].

В рассматриваемых изданиях отмечается, что в этот период набирало силу партизанское движение. Так, книга «Корейская полиция» указывает, что партизаны, действовавшие небольшими группами, усилившие свою борьбу с февраля 1919 г., совершали поджоги, убивали полицейских и жандармов, разрушали полицейские участки, захватывали оружие. «Очень часто местное население содействовало их борьбе, укрывало их и даже помогало разрушать полицейские участки и правительственные учреждения» [13, 1938, с. 65], говорится в издании. В 1920 г., к примеру, насчитывалось 4613 участника нападений; ущерб от их действий составил 115 тыс. иен. «Надзор со стороны колониальных властей усилился, — говорится в том же издании, — особенно вдоль пограничной зоны провин-

ций Южная и Северная Хамгён [13, 1938, с. 278]. В «Вестнике идеологии» также приводятся материалы о партизанских выступлениях в начале 1920-х годов. Авторы изданий указывают, что эти группы были связаны с «патриотическими» элементами в Маньчжурии.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что служебные издания японского генерал-губернаторства дают большой материал для научного исследования и объективного анализа истории колониальной Кореи, национально-освободительного движения её народа в первой половине XX в. В частности, сведения, содержащиеся в них, дают дополнительный фактический материал, расширяющий представление о деятельности левых и коммунистов в период 1918—1928 гг., о борьбе с ними японской администрации.

Библиографический список

- История Кореи. Т. 2. М.: Наука, 1974. 480 с.
- История Кореи (Новое прочтение). М.: РОССПЭН, 2003. 429 с.
- Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI века. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. 680 с.
- Шабшина Ф. И. В колониальной Корее (1940—1945). Записки и размышления очевидца. М.: Наука, 1982. 287 с.
- Шабшина Ф. И. Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945 гг.), М., 1959.
- Шабшина Ф. И. Народное восстание 1919 г. в Корее. М.: АН СССР, 1952, 279 с.
- Lee Chong-Sic. The Politics of Korean Nationalism. Berkeley, 1963, 342 p.
- Scalapino R., Lee Chong-Sic. Communism in Korea. Berkeley, 1972, 685 p.
- Suh Dae-Sook. Documents of Korean Communism. Princeton, 1969, 572 p.
- Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн (Словарь тайной полиции) 高等警察用語辞典. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1935. 258 с.
- Сайкин-ни окэру тё:сэндзиан дзё:кё: (Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время), 最近における朝鮮治安状況. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1939. 480 с.
- Сисо: ихо: (Вестник идеологии), 思想彙報. выпуск 1937 г. № 11. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1937. 321 с.
- Тё:сэн кэйсацугайё: (Корейская полиция), 朝鮮警察概要. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1938. 161 с.

References

- Chousen keisatsu gaiyou, 朝鮮警察概要 [Outline of Korean Police], (1938), Seoul, Governor-general Office Publ., 161 p. (In Japanese)
- Istoria Korei, [History of Korea], Vol. 2, (1974), Moscow, Nauka Publ., 480 p. (In Russian)
- Istoria Korei. Novoe prochtenie, [History of Korea. A New Perspective], (2003), Moscow, ROSSPEN Publ., 429 p. (In Russian)

Koutou keisatsu yougojitèn, 高等警察用語辞典 [Secret Police in Korea. A Dictionary of Terms], (1935), Seoul, Governor-general Office Publ., 1935, 258 p. (In Japanese)

Kurbanov S. O. Istoriia Korei: ot drevnosti do XXI v. [History of Korea: from Old Times to XXI century], St-Petersburg State Univ., 2009, 680 p. (In Russian)

Lee Chong-Sic. The Politics of Korean Nationalism. Berkeley, 1963.

Saikin-ni okeru chousenjian joukyou, 最近における朝鮮治安状況 [Recent Situation of Peace and Order in Korea], (1939) Seoul, Governor-general Office Publ., 480 p. (In Japanese)

Scalapino Robert, Lee Chong-Sic. Communism in Korea. Berkeley, 1972, 685 p.

Shabshina F. I. Iŭzhnaia Koreia 1945—1946. Zapiski ochevidtsa. Moscow, Nauka Publ., 1974, 271 p. (In Russian)

Shabshina F. I. V kolonial'noi Koree (1940—1945). Zapiski i razmyshleniia ochevidtsa. Moscow. Nauka Publ., 1982, 287 p. (In Russian)

Shabshina F. I. Narodnoye vosstanie 1919 g. v Koree. [The 1919 People's Uprising in Korea], Moscow, Institute of Oriental Studies Publ., 1952, 279 p. (In Russian)

Shisou ihou, 思想彙報 [Thought Control in Korea], (1937), № 11, Seoul, Governor-general Office Publ., 321 p. (In Japanese)

Suh Dae-Sook. Documents of Korean Communism. Princeton, 1969. 572 p.

Поступила в редакцию: 29.11.2025
Принята к публикации: 10.02.2026

Received: 29.11.2025
Accepted: 10.02.2026

Н.Н. Терехин

Коммеморация земельной реформы 1946 г. в КНДР: по материалам периодической печати в эпоху Ким Чен Ына (2012—2025)

Аннотация. В статье исследуется, как в эпоху Ким Чен Ына (2012—2025) в публикациях северокорейской печати («Нодон синмун» и «Минчжу Чосон») репрезентируется память о земельной реформе 5 марта 1946 г., а также, как эти тексты выступают инструментом легитимации нынешнего курса в аграрной сфере. Показано, что при сохранении канонической композиции в текстах постепенно меняются смысловые акценты. Повествование становится все более сосредоточенным на восхвалении Ким Чен Ына и привязывается к текущим задачам аграрной политики, фактически становясь историей не о земельной реформе, а об аграрной политике эпохи Ким Чен Ына. Одним из центральных результатов является выявление динамики линии «Ким Ир Сен — Ким Чен Ир — Ким Чен Ын» и образов трех лидеров. Ким Ир Сен закрепляется как основатель, Ким Чен Ир как защитник-модернизатор, а Ким Чен Ын как творец «новой, невиданной ранее эпохи развития». Сам образ Ким Чен Ына постепенно занимает все больше места, обретая все более разработанную систему подкрепления его образа как самостоятельного вождя, опирающегося на образы Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, но не полностью зависящего от них.

Ключевые слова: КНДР, земельная реформа 1946 г., коммеморация, историческая политика, периодическая печать, «Нодон синмун», «Минчжу Чосон», эпоха Ким Чен Ына.

Автор: Терехин Никита Николаевич. Преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: 119017, Москва, М. Ордынка ул., д. 17). ORCID: 0009-0007-2271-250X. E-mail: nterekhin@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования. Терехин Н.Н. Коммеморация земельной реформы 1946 г. в КНДР: по материалам периодической печати в эпоху Ким Чен Ына (2012—2025) // Корееведение. 2026. № 1 (14). С. 30—42.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.50.17.004.

N.N. Terekhin

Commemoration of the Land Reform (1946) in the DPRK Based on Periodical Press Materials in the Kim Jong Un Era (2012—2025)

Abstract. The article examines how, in the Kim Jong Un era (2012—2025), North Korean print media (Rodong Sinmun and Minju Choson) reproduce the memory of the Land Reform of 5 March 1946 and how these texts function as an instrument for legitimising the current agricultural policy line. It shows that, while the canonical compositional framework is retained, the semantic emphases gradually shift. The narrative becomes increasingly focused on praising Kim Jong Un and is aligned with contempora-

ry tasks in agricultural policy, effectively transforming into a story not about the Land Reform but about agricultural governance under Kim Jong Un. A central finding is the identified dynamic of the “Kim Il Sung — Kim Jong Il — Kim Jong Un” lineage and the evolving representation of the three leaders. Kim Il Sung is established as the founding figure, Kim Jong Il as a protector and moderniser, and Kim Jong Un as the architect of a “new and unprecedented era of development”, who progressively occupies greater textual space and is supported by an increasingly elaborate repertoire of legitimising motifs as a distinct leader who draws on but does not fully depend upon the symbolic authority of Kim Il Sung and Kim Jong Il.

Keywords: DPRK, the 1946 Land Reform, commemoration, politics of memory, periodical press, Rodong Sinmun, Minju Josen, the Kim Jong Un era.

Author: Nikita N. Terekhin. Lecturer, HSE University (address: 119017, 1 Moscow, M. Ordynka St. 7). ORCID: 0009-0007-2271-250X. E-mail: nterekhin@hse.ru

Conflict of Interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citations. Terekhin N.N. Kommemoraciya zemel'noj reformy 1946 goda v KNDR po materialam periodicheskoj pechati v epohu Kim Chen Yna (2012—2025) [Commemoration of the Land Reform (1946) in the DPRK Based on Periodical Press Materials in the Kim Jong Un Era (2012—2025)] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 1 (14): 30—42. DOI: 10.48647/ICCA.2026.50.17.004.

Изучение политики памяти Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) в отечественном корееведении преимущественно сосредоточено на анализе учебников истории [Шкатов, 2024] и историографических трудов [Шкатов, 2024; Логиновский, 2024]. При этом значительный пласт источников, прежде всего материалы северокорейской периодической печати, остается вне поля зрения исследователей, несмотря на их важную роль в формировании и распространении исторического нарратива. Анализ же периодики КНДР в отечественной историографии, как правило, ограничивается изучением освещения внешнеполитических событий в сообщениях Центрального телеграфного агентства Кореи (ЦТАК), газетные материалы при этом практически не учитываются [Поленова, Шкатов, 2022; Поленова, 2025]. Между тем периодическая печать КНДР, наряду с учебниками, является одним из ключевых каналов трансляции официальной интерпретации прошлого и важным инструментом легитимации действующей власти. В отличие от академических исследований и школьных учебников, публикуемых с меньшей частотой, пресса позволяет оперативно фиксировать актуальные акценты государственной политики, в том числе в аграрной сфере, через формы коммеморации значимых исторических событий. Следует также отметить, что имеющиеся в отечественном корееведении работы по политике памяти КНДР сосредоточены преимущественно на первом периоде правления Ким Чен Ына и почти не затрагивают изменения в исторической политике во второй половине 2010-х и в 2020-е годы.

Более подробно использование печатных СМИ как инструмента политики памяти в КНДР анализируется в западной историографии. В ряде работ напрямую демонстрируется, как периодическая печать КНДР систематически исполь-

зует ряд исторических событий (например, Корейскую войну) в качестве инструмента легитимации нынешней политики [Aum, 2019; Ballbach, 2015; Boadella-Prunell, Swash, Lim, 2022]. Ряд других исследователей на основе анализа материалов печатных СМИ показывают, что в эпоху Ким Чен Ына усиливается тенденция к расширению репертуара коммеморативных практик, направленных на конструирование преемственности между «революционным» прошлым и современными политическими задачами [Isozaki, 2020].

В южнокорейской историографии этой теме также посвящено достаточно большое количество работ, пожалуй наибольшее среди всех национальных историографий. Например, в статьях Ли Чи Суна и Ли Чи Вона на материале «Нодон синмун» за период с начала существования газеты и до 2010-х годов анализируется постепенное смещение роли международных праздников (1 мая) [Ли, 2018] и национальных праздников (1 марта) [Ли, 2020]. Разбор формирования исторической памяти о земельной реформе дается в статье Им Чху Рака, но он доводит свой анализ лишь до 1960-х годов [Им, 2023].

Настоящее исследование посвящено анализу практик коммеморации земельной реформы 1946 г. в Северной Корее в эпоху Ким Чен Ына (2012—2025). Данное событие выбрано ввиду регулярного упоминания в северокорейских СМИ, что свидетельствует о его высокой значимости в официальном историко-политическом дискурсе. В статье рассматриваются статьи, опубликованные в официальной газете Трудовой партии Кореи «Нодон синмун» (로동신문) в 2013—2025 гг., а также материалы газеты «Минчжу Чосон» (민주조선) за 2019—2025 гг., посвященные годовщине земельной реформы.

Материалы «Минчжу Чосон»

В этом разделе мы анализируем юбилейные тематические публикации газеты «Минчжу Чосон», посвященные коммеморации земельной реформы. Корпус текстов ограничен 2019—2025 гг., поскольку в нашем распоряжении находятся выпуски именно за этот период, т. е. все выводы и обобщения относятся к нему. Зачастую на страницах газеты публиковалось по одной статье, посвященной реформе, но если в какой-то год выходило более одной статьи, то мы отбирали самую объемную, в которой дискурс представлен наиболее концентрированно. Отметим также, что в 2021 г. на страницах «Минчжу Чосон» не публиковалось ни одной статьи, посвященной годовщине земельной реформы.

Статьи в «Минчжу Чосон» в указанный период строятся по определенному канону, и их основная цель заключается в увязке земельной реформы с современными задачами в сфере сельского хозяйства. Одновременно с этим их тексты представляют собой краткое изложение истории сельского хозяйства КНДР по ключевым этапам лидерства трех поколений руководителей.

Начать рассмотрение публикаций стоит с их заглавий: уже там задается торжественный тон, посредством которого память о земельной реформе подается не только как событие историческое, но и неизменно актуальное. При этом почти во всех заглавиях сама земля описывается так, словно она живет, дышит и хранит

прошлое, а потому является связующим звеном между реформой 1946 г. и текущими задачами в области сельского хозяйства. Это видно на примере статьи 2020 г., где уже сам заголовок обещает, что «социалистическая земля сквозь века будет нести летопись великих преобразований»¹.

Однако, несмотря на всю пышность художественных средств, каркас текста год от года остается одинаковым: сначала дается краткая вводная, после чего идет цитата из Ким Чен Ына, далее вспоминается дореформенная ситуация, описывается реформа, после этого — заслуги Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, а оставшуюся и наибольшую часть текста занимает описание деятельности Ким Чен Ына, и уже в конце звучит призыв к выполнению нынешних задач, поставленных партией. Другими словами, тексты статей к годовщине земельной реформы дают нам устойчивую форму, где прошлое служит не столько самостоятельным объектом описания, сколько моральной основой настоящего. Эта устойчивость особенно хорошо видна при анализе начальных абзацев. Например, в 2022 г. текст прямо открывается ссылкой на решение 4-го пленума ЦК ТПК и установку выполнить цель по производству зерна², а в 2024 г. автор сразу привязывает «весну страны» к решению 9-го пленума ЦК ТПК³, показывая, что реформа по умолчанию является первоосновой нынешних задач в области сельского хозяйства.

Центральное место в этих материалах занимает связка образов трех поколений вождей, т. е. связка «Ким Ир Сен — Ким Чен Ир — Ким Чен Ын», причем каждый из них получает свой устойчивый образ. Ким Ир Сен почти всегда вводится как основатель, чья заслуга заключается не только в провозглашении реформы, но и в личном участии, описываемом с подчеркнутой конкретностью. Например, он «разбирал феодальные земельные отношения», выслушивал крестьян, а затем «по пунктам завершал текст закона», после чего 5 марта 1946 г. «издал Закон о земельной реформе»⁴. Интересно также отметить, что само событие встраивается в набор определенных «мест памяти», таких как, например, безымянная деревня, где Ким Ир Сен будто бы «считывает» реальность из самой земли, и этим оправдывается его право быть источником нового порядка, что особенно отчетливо видно в статье 2020 г., где перечисляются места и одновременно утверждается, что именно он «собственноручно составил» Закон о земельной реформе⁵. При этом роль Ким Ир Сена как основателя не заканчивается лишь проведением реформы, другой частью его образа «основателя» является на-

¹ 조은혜. 사회주의대지는 위대한 전변의 력사 길이 전해가리 [Чо Ын Хэ. Социалистическая земля сквозь века будет нести летопись великих преобразований] // 민주조선. 05.03.2020. С. 2.

² 최성철. 사회주의대지는 불멸의 그 업적 길이 전해가리 [Чхве Сон Чхоль. Социалистическая земля из века в век будет передавать память о его бессмертных деяниях] // 민주조선. 05.03.2022. С. 2.

³ 한철민. 부강은 대지여 불멸의 그 업적 길이 전해가리 [Хан Чхоль Мин. О могучая земля, неси сквозь века его бессмертные заслуги!] // 민주조선. 05.03.2024. С. 2.

⁴ 오평숙. 복받은 대지여, 절세위인들의 혁명업적 천만년 길이 전해가라: 땅의 영원한 주인으로 내세워주시여 [О Пхён Сук. О благословенная земля, пронеси через бесчисленные тысячелетия революционные свершения великих вождей, сделавших свой народ вечным хозяином родной земли!] // 민주조선. 05.03.2019. С. 2.

⁵ 조은혜. 사회주의대지는 위대한 전변의 력사 길이 전해가리 [Чо Ын Хэ. Социалистическая земля сквозь века будет нести летопись великих преобразований] // 민주조선. 05.03.2020. С. 2.

писание им «Тезисов по социалистическому аграрному вопросу в нашей стране» и разработка новых методов руководства и чучейского метода земледелия.

Образ Ким Чен Ира в этих текстах проявляется по-другому. Если Ким Ир Сен является основателем, то Ким Чен Ир предстает продолжателем и защитником линии Ким Ир Сена, а также проводником модернизации сельского хозяйства в годы трудностей, вызванных внешним давлением империалистов и стихийными бедствиями. При этом авторы закрепляют за образом Ким Чен Ира не просто абстрактную «верность линии Ким Ир Сена», но приводят вполне конкретные примеры, которые сами по себе становятся узловыми событиями в истории сельского хозяйства КНДР. Во всех статьях упоминается программа по землеустройству, строительство ирригационных сооружений, проведение «семенной» и «картофельной» революций и внедрение системы двухурожайного земледелия. При этом могут приводиться конкретные примеры руководства на месте Ким Чен Ира. Например, в статье 2020 г. дается эпизод посещения пров. Сев. Пхённан, где северокорейский лидер дает объяснение смысла и направления работ¹. С точки зрения внутренней логики статьи Ким Чен Ир становится фигурой, через которую «тяжелое время», или «период Трудного похода», переходит в образ «модернизации сельского хозяйства и упорства», что позволяет сохранить оптимистическую линию даже при упоминании кризиса, не изменяя общей похвальной тональности статей.

Наиболее же важным и даже центральным является образ Ким Чен Ына. При этом постепенно происходят сдвиги в том, как данный образ строится и становится центральным. Если для образов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира все же характерны более общие мазки при описании их деятельности, то при описании деятельности Ким Чен Ына всегда перечисляются конкретные решения с привязкой к съездам, пленумам, а также руководству на месте. Например, в статье 2019 г. Ким Чен Ын вводится как тот, кто «еще больше прославляет историю золотых полей», обозначая сельское хозяйство «главным ударным направлением», а затем отправляя «историческое письмо» участникам Общереспубликанского слета звеньевых в области сельского хозяйства², т. е. он не просто наследует риторике предшественников, но выступает как источник актуальных указаний. Начиная с 2022 г. образ Ким Чен Ына заметно расширяется за счет подробного перечисления его выступлений. Например, текст напоминает, что на VIII съезде партии северокорейский лидер обозначил путь развития сельского хозяйства, затем на 2-м пленуме ЦК ТПК назвал подъем сельского хозяйства делом «государственной важности», а на 5-й сессии ВНС 14-го созыва в программной речи сформулировал задачи ускоренного роста сельскохозяйственного производства³. Вместе с перечислением выступлений образ конструируется через руководство

¹ 조은혜. 사회주의대지는 위대한 전변의 력사 길이 전해가리 [Чо Ын Хэ. Социалистическая земля сквозь века будет нести летопись великих преобразований] // 민주조선. 05.03.2020. С. 2.

² 오영숙. 복받은 대지여, 절세위인들의 혁명업적 천만년 길이 전해가라: 땅의 영원한 주인으로내세워주시여 [О Пхён Сук. О благословенная земля, пронеси через бесчисленные тысячелетия революционные свершения великих вождей, сделавших свой народ вечным хозяином родной земли!] // 민주조선. 05.03.2019. С. 2.

³ 최성철. 사회주의대지는 불멸의 그 업적 길이 전해가리 [Чхве Сон Чхоль. Социалистическая земля из века в век будет передавать память о его бессмертных деяниях] // 민주조선. 05.03.2022. С. 2.

на месте. Например, в той же публикации 2022 г. Ким Чен Ын показан как лидер, который при осмотре полей «сам взвешивает на руке» тяжесть созревших зерен и который, случись природная катастрофа, «лично ведет машину», пробиваясь по грязи к пострадавшей деревне, и решает вопросы восстановления¹. Другими словами, Ким Чен Ын выступает не только как создатель идей, но и как лидер, присутствующий в момент кризиса в гуще событий и тем самым превращающий управление сельским хозяйством в реальную заботу о простых гражданах, что отвечает линии на усиление принципа «народные массы — превыше всего» (인민대중제일주의) в идеологии КНДР.

При этом линия преемственности «Ким Ир Сен — Ким Чен Ир — Ким Чен Ын» также усиливается. Например, в тексте 2023 г. прямо говорится, что «путь самоотдачи», пройденный «великим вождем и великим полководцем», является путем, который сегодня продолжает Ким Чен Ын². С другой стороны, именно в 2023 г. резко повышается роль Ким Чен Ына не просто как продолжателя, но и как создателя новой эпохи преобразований в сельском хозяйстве через упоминание Программы аграрной революции в новую эпоху³. В 2024 г. эта линия усиливается. Например, автор пишет, что «прошлые десять с лишним лет» принесли перемены «настолько крупные и яркие, что трудно поверить», перечисляя проекты по ирригационному строительству, усилению механизации и строительство современных домов на селе, которые «выросли как лес», после чего делает вывод, что земля под руководством Ким Чен Ына «становится еще моложе»⁴.

В 2025 г. эта линия усиливается через достаточно интересный прием. Дата реформы напрямую соотносится с датой принятия одного из решений Ким Чен Ына, который, желая удовлетворить «вековую мечту о воде» для сельских жителей ряда районов, подписал 5 марта 2020 г. указ о строительстве Хванчжу-Гиндынско-го оросительного канала, а затем в повествовании демонстрируется результат, когда канал «в сотни ли» превращает большие поля в «землю, наполненную живой водой», способную давать стабильный урожай, «несмотря на капризы природы»⁵.

Итак, тексты статей, опубликованные в «Минчжу Чосон» за указанный период, сохраняя узнаваемую форму, показывают заметный сдвиг в распределении внимания. Если Ким Ир Сен и Ким Чен Ир остаются в роли основателей и защитников-модернизаторов, о чьих заслугах говорится крупными мазками, то образ Ким Чен Ына раскрывается гораздо подробнее, через конкретные выступления и политические программы, а также через сцены руководства на месте. Все это создает Ким Чен Ыну образ руководителя, который и формулирует, и исполняет, и защищает, связывая линию «Ким Ир Сен — Ким Чен Ир — Ким Чен Ын»

¹ Там же.

² 리영일. 사회주의대지는 하늘같은 그 은덕 세세년년 전해가리 [Ли Ён Иль. Социалистическая земля будет сквозь века нести его благодать, возвышенную, словно небеса] // 민주조선. 05.03.2023. С. 2.

³ 리영일. 사회주의대지는 하늘같은 그 은덕 세세년년 전해가리 [Ли Ён Иль. Социалистическая земля будет сквозь века нести его благодать, возвышенную, словно небеса] // 민주조선. 05.03.2023. С. 2.

⁴ 한철민. 부강은 대지여 불멸의 그 업적 길이 전해가라 [Хан Чхоль Мин. О могучая земля, неси сквозь века его бессмертные заслуги!] // 민주조선. 05.03.2024. С. 2.

⁵ 리영일. 사회주의대지여, 하늘같은 그 은덕 길이 전해가라 [Ли Ён Иль. О социалистическая земля, пусть его благодать, высокая, как небеса, живет в тебе вечно!] // 민주조선. 05.03.2025. С. 2.

не только общими словами, но и конкретными действиями, доказывающими то, что «социалистическая земля» продолжает «передавать историю преобразований» уже в новой, более предметной, почти отчетной форме.

Материалы «Нодон синмун»

Далее перейдем к анализу юбилейных тематических публикаций «Нодон синмун». Корпус «Нодон синмун» охватывает 2013—2025 гг., поскольку в 2012 г. на страницах газеты не публиковалось ни одной статьи о годовщине земельной реформы. Отметим, что в период 2010-х ежегодно в этот день на страницах «Нодон синмун» публиковалось сразу множество статей, но для анализа мы берем только самые объемные, поскольку в них, как и в аналогичных публикациях «Минчжу Чосон», наиболее плотно сконцентрирован дискурс.

На страницах главной газеты КНДР «Нодон синмун», как и на страницах «Минчжу Чосон», посвященные годовщине земельной реформы статьи задают определенную рамку исторической памяти, представляя саму реформу как отправное событие в истории сельского хозяйства. Причем как собственно событие, так и вся история развития сельского хозяйства КНДР представляются результатом деятельности «великих людей».

Заголовки статей почти всегда используют ярко выраженную патетически окрашенную лексику. В них почти всегда повторяются слова «великий», «бессмертный», «небесный», «исторический», и тем самым еще до чтения текста задается торжественный тон, что видно, например, из заголовков за 2019, 2020, 2024 и 2025 гг.¹:

- 2019 г. — Социалистическая земля воспеваает тот великий подвиг (사회주의대지는 위대한 그 업적 노래한다);
- 2020 г. — О социалистическая земля, храни и передавай в веках его бессмертные заслуги (사회주의대지여, 불멸의 그 업적 길이 전하라);
- 2024 г. — Запечатленная на социалистической земле история великих людей и преобразований (사회주의대지에 새겨진 위대한 사람과 전변의 력사);
- 2025 г. — Великое событие, начавшее новую эпоху на земле Родины (땅의새럭사를 펼쳐준 위대한 사변).

В самом тексте статей, на уровне применяемых художественных средств, наиболее устойчивы образы весны, посева, грома и «говорящей земли». Например, в описании земельной реформы в 2016 г. в тексте появляется формула «Весенний гром прогремел на этой земле»². Также достаточно часто в тексте встречается опи-

¹ 채희성. 사회주의대지는 위대한 그 업적 노래한다 [Чхэ Хи Сон. Социалистическая земля воспеваает тот великий подвиг] // 로동신문. 05.03.2019. С. 3; 강원남. 사회주의대지여, 불멸의 그 업적 길이 전하라 [칸 Вон Нам. О социалистическая земля, храни и передавай в веках его бессмертные заслуги] // 로동신문. 05.03.2020. С. 2; 고철명. 사회주의대지에 새겨진 위대한 사람과 전변의 력사 [코 Чхоль Мён. Запечатленная на социалистической земле история великих людей и преобразований] // 로동신문. 05.03.2024. С. 2; 림정호. 땅의 새 력사를 펼쳐준 위대한 사변 [림 Чжон Хо. Великое событие, начавшее новую эпоху на земле Родины] // 로동신문. 05.03.2025. С. 2.

² 채희성. 절세위인들께서 펼쳐주신 황금벌의 새 력사 대대손은 빛내여가자 [Чхэ Хи Сон. Прославим из поколения в поколение новую историю золотой равнины, начатую великими вождями!] // 로동신문. 05.03.2016. С. 2.

сание оживления природы, когда земля как бы «поет» и «дышит» вместе с людьми. Иногда для усиления эффекта и воздействия на читателя, в тексте статей встречаются выдержки из «народных песен», появившихся в годы реформы, например в статьях за 2014 и 2017 гг.¹, которые должны связать память о реформе с мотивом утраты и возвращения достоинства, а также благодарности «великим людям».

Если говорить о типичной структуре юбилейной статьи, то она почти никогда не меняется и трансформации происходят лишь за счет увеличения или уменьшения объема разных частей. Саму структуру можно представить следующим образом: сначала идет напоминание о годовщине и цитата Ким Чен Ына; после дается короткий исторический очерк о реформе, часто сопровождающийся каким-то эпизодом деятельности Ким Ир Сена; в следующей части кратко описывается деятельность Ким Ир Сена и Ким Чен Ира; последние части посвящены фигуре Ким Чен Ына и текущим задачам на аграрном фронте. Причем связь с текущими задачами наиболее предметна, т. е. связана с конкретными текстами или выступлениями Ким Чен Ына. Например, в 2018 г. упоминается его письмо к участникам Общереспубликанского слёта звеньевых в области сельского хозяйства², а с 2023 г. стандартно начинает упоминаться Программа аграрной революции в новую эпоху³.

Ким Ир Сен в публикациях «Нодон синмун» представлен как основатель, который «самолично творит земельную реформу». При этом авторы почти всегда связывают его деятельность в период антияпонской партизанской борьбы и проведение земельной реформы⁴. Кроме того, сам образ Ким Ир Сена всегда показан как образ «вождя, который близок народным массам». Например, описывается, как он заходит в деревню, расспрашивает крестьян и узнает их нужды и т. д. Ярким и повторяющимся почти во всех публикациях является сюжет о том, как Ким Ир Сен собственноручно дает бывшему батраку новый дом и пишет на табличке его имя⁵. При этом проговаривается, что Ким Ир Сен «не мог отдыхать», пока народ страдает, и именно поэтому он поставил земельную реформу как главнейшую и первейшую меру после освобождения страны⁶. Однако интересно, что в 2025 г. такая персоналистская формула «единственного автора» реформы немного меняется, поскольку в тексте усиливается внимание к тому, что саму ре-

¹ См.: 김인선. 농민들을 땅의 영원한 주인으로 내세워주시어 [Ким Ин Сон. Даровав крестьянам право быть вечными хозяевами земли] // 로동신문. 05.03.2014. С. 2; 리금분. 수령님 주신 땅에 세세년년 풍년나락파도치리라 [Ли Гым Бун. На земле, дарованной вождем, из поколения в поколение будут волнами колыхаться богатые урожаи риса] // 로동신문. 05.03.2017. С. 2.

² 김인선. 농민들의 세기적숙망을 풀어주신 불멸의 업적 [Ким Ин Сон. Бессмертный подвиг, осуществивший вековую заветную мечту крестьян] // 로동신문. 05.03.2018. С. 2.

³ 고철명. 우리 농민들의 세기적숙망을 풀어주신 하늘같은 그 은덕 세세년년 길이 전해가리 [Ко Чхоль Мён. Небесная милость, исполнившая вековую мечту наших крестьян, будет жить во веки веков] // 로동신문. 05.03.2023. С. 2.

⁴ См.: 강철남. 농민들의 세기적념원을 실현한 위대한 영도 [Кан Чхоль Нам. Великий руководитель, осуществивший вековые чаяния крестьян] // 로동신문. 05.03.2013. С. 3.

⁵ См.: 김철혁. 대지에 울려 퍼진 민주개혁의 첫 포성 [Ким Чхоль Хёк. Первый громкий залп демократических реформ, эхом разнесшийся по родной земле] // 로동신문. 05.03.2015. С. 2.

⁶ См.: 강원남. 사회주의대지여, 불멸의 그 업적 길이 전하라 [Кан Вон Нам. О социалистическая земля, храни и передавай в веках его бессмертные заслуги] // 로동신문. 05.03.2020. С. 2.

форму крестьяне стали изначально проводить на местах еще до провозглашения закона. Также подчеркивается, что Ким Ир Сен верил в то, «что земельная реформа должна проводиться самими крестьянами и что законы и постановления должны разрабатываться и издаваться с учетом их чаяний и стремлений»¹. Конечно, в более ранних публикациях мотив того, что к крестьянам стоит прислушиваться, также присутствует, но если ранее этот мотив был не очень заметным, то в 2025 г. эта линия фактически становится главенствующей при описании образа Ким Ир Сена. Однако земельной реформой образ Ким Ир Сена не ограничивается, и кратко упоминаются написанные им «Тезисы по социалистическому аграрному вопросу в нашей стране». Фактически выстраивается своеобразная формула, согласно которой Ким Ир Сен «даровал» крестьянам землю и «сделал» их хозяевами земли во время земельной реформы, а после «закрепил» их статус через написание вышеуказанных «Тезисов»².

Образ Ким Чен Ира в публикациях «Нодон синмун» всегда представлен как образ защитника в годы тяжелых испытаний и того, кто преобразил землю в «социалистическую» через проведение кампании по землеустройству и ирригационному строительству. Типичной формулой здесь выступает то, что «бессмертные заслуги Ким Ир Сена» прославлял и развивал именно «великий полководец Ким Чен Ир» через кампанию по землеустройству, ставшую «новой страницей в истории земли» и «крутым переломом» для всего сельского хозяйства³. При этом, так же как и с Ким Ир Сеном, постоянно упоминаются конкретные места его личного руководства. Однако образ Ким Чен Ира не настолько устойчив, как образ Ким Ир Сена. Если в статьях начала 2010-х годов его образ как прямого продолжателя «линии Ким Ир Сена» еще достаточно силен⁴, то в 2020-х годах его образ смещается в область роли защитника в эпоху испытаний и начинают преобладать сюжеты постоянного упоминания трудностей и Трудного похода⁵, что делает его образ скорее не как «создателя новых идей», а больше как защитника-модернизатора, причем образ защитника выходит на передний план. Однако этим образ Ким Чен Ира в текстах не ограничивается, ведь он представляется важным связующим звеном между Ким Ир Сеном и Ким Чен Ыном. Например, в тексте статьи за 2021 г. прямо говорится, что земля, которую «великий вождь вручил народу», «в ходе грандиозных перемен кампании по землеустройству, начатых вели-

¹ 립정호. 땅의 새 역사를 펼쳐준 위대한 사변 [Лим Чжон Хо. Великое событие, начавшее новую эпоху на земле Родины] // 로동신문. 05.03.2025. С. 2.

² 고철명, 서주성. 전변의 역사 끝없이 펼쳐지는 내 조국의 전야는 하늘같은 그 은덕 세세년년 전해가리라 [Ко Чхоль Мён, Со Чжу Сон. На бескрайних полях Родины, где вновь и вновь раскрывается история великих перемен, будет вечно жить и передаваться сквозь века небесная милость вождя] // 로동신문. 05.03.2022. С. 2.

³ 김인선. 농민들의 세기적숙망을 풀어주신 불멸의 업적 [Ким Ин Сон. Бессмертный подвиг, осуществивший вековую заветную мечту крестьян] // 로동신문. 05.03.2018. С. 2.

⁴ См.: 강철남. 농민들의 세기적념원을 실현한 위대한 영도 [Кан Чхоль Нам. Великий руководитель, осуществивший вековые чаяния крестьян] // 로동신문. 05.03.2013. С. 3.

⁵ См.: 고철명, 서주성. 전변의 역사 끝없이 펼쳐지는 내 조국의 전야는 하늘같은 그 은덕 세세년년 전해가리라 [Ко Чхоль Мён, Со Чжу Сон. На бескрайних полях Родины, где вновь и вновь раскрывается история великих перемен, будет вечно жить и передаваться сквозь века небесная милость вождя] // 로동신문. 05.03.2022. С. 2.

ким полководцем, улучшилась», а уже сегодня «под мудрым руководством уважаемого генерального секретаря» продолжает молодеть и улучшаться¹.

Интересно отметить, что на страницах «Нодон синмун» в период до середины 2010-х появляется и образ Ким Чен Сук, которая представлена как «героическая революционерка», помогающая Ким Ир Сену и воздействующая на крестьян через наставление и моральный пример. Например, в статье за 2015 г. она призывает крестьян «быть вечными хозяевами земли», защищая ее, или быть готовыми «снова потерять и отдать ее врагу»².

В отличие от образов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, образ Ким Чен Ына является наиболее динамически меняющимся. Уже в начале 2010-х годов упоминается, что Ким Чен Ын организовал Общереспубликанский слёт звеньевых в области сельского хозяйства и направил им письмо, чем снова сделал сельское хозяйство центральной проблематикой для государства³. При этом само письмо постоянно упоминается в публикациях до конца 2010-х и описывается не только как теоретический труд, показавший новые ориентиры, но и как основанный на «классическом труде Ким Ир Сена», причем фактически давший Ким Чен Ыну возможность объяснять, что именно из наследия «классиков кимирсенизма-кимчениризма» является главным и применимым для настоящей действительности. С конца 2010-х годов к образу Ким Чен Ына также добавляется мотив «близости» к народу, которая сходна с «близостью» Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. При этом, например, в тексте 2018 г. напрямую говорится, что Ким Чен Ын олицетворяет собой ярчайший пример стиля руководства Ким Ир Сена и Ким Чен Ира⁴.

В 2020-х годах образ начинает меняться. Все чаще, когда говорится о деятельности Ким Чен Ына, начинают перечисляться конкретные объекты, возведенные под его руководством, места его руководства, а также его труды и выступления на партийных съездах и пленумах. Например, в тексте 2022 г. говорится, что «от далеких северных районов до современных тепличных хозяйств горячо запечатлены следы его руководства», после чего приводится ряд конкретных примеров руководства северокорейского лидера⁵. В этом же тексте показано усиление роли Ким Чен Ына как автора новой программы развития сельского хозяйства, а именно Программы аграрной революции в новую эпоху, принятой на 4-м пленуме ЦК ТПК⁶. После 2022 г. её упоминание становится каноном для текстов. Например, в публикации 2024 г. упоминается, что сельские труженики

¹ 김성남. 농민들의 세기적숙망을 풀어주는 위대한 은인 [Ким Сон Нам. Великий благодетель, осуществивший вековую мечту крестьян] // 로동신문. 05.03.2021. С. 2.

² 본사기자. 땅의 주인된 자각을 심어주시며 [Собственный корреспондент. Прививая крестьянам сознание того, что они хозяева земли] // 로동신문. 05.03.2015. С. 2.

³ 김인선. 농민들을 땅의 영원한 주인으로 내세워주시여 [Ким Ин Сон. Даровав крестьянам право быть вечными хозяевами земли] // 로동신문. 05.03.2014. С. 2.

⁴ 김인선. 농민들의 세기적숙망을 풀어주는 불멸의 업적 [Ким Ин Сон. Бессмертный подвиг, осуществивший вековую заветную мечту крестьян] // 로동신문. 05.03.2018. С. 2.

⁵ 교철명, 서주성. 전변의 력사 끝없이 펼쳐지는 내 조국의 전야는 하늘같은 그 은덕 세세년년 전해 가리라 [Ко Чхоль Мён, Со Чжу Сон. На бескрайних полях Родины, где вновь и вновь раскрывается история великих перемен, будет вечно жить и передаваться сквозь века небесная милость вождя] // 로동신문. 05.03.2022. С. 2.

⁶ Там же.

«не забывают строки» этого труда, а также приводятся решения 6-го и 7-го пленумов ЦК ТПК, которые расширили Программу¹. Также упоминается и «исторический» приказ Ким Чен Ына о начале строительства Хванчжу-Гиндынского оросительного канала².

Одновременно с этим образ Ким Чен Ына все больше подкрепляется не только ссылками на его труды и руководство на месте, но и на описание того, как именно меняется сельская местность после принятия Программы³. Также постепенно в его образе появляется и мотив защитника, который напрямую связывается с борьбой против стихийных бедствий. Например, в том же тексте 2024 г. приводятся слова Ким Чен Ына, что «ни одной пяди земли, полученной и преобразованной предшественниками и пропитанной кровью революционеров, нельзя потерять из-за стихии»⁴.

Если говорить о линии «Ким Ир Сен — Ким Чен Ир — Ким Чен Ын» в публикациях «Нодон синмун», то она представлена как единая история сельского хозяйства КНДР, где каждое поколение руководителей исполняет свою роль. Ким Ир Сен закрепляется как основатель аграрной политики, Ким Чен Ир — как защитник-модернизатор с большим упором в 2020-х годах на роли защитника, а Ким Чен Ын — как тот, кто творит новую эпоху в истории сельского хозяйства КНДР. В этой линии видна и формула преемственности: земля, дарованная народу и преобразования прошлыми руководителями, в настоящий момент становится тем местом, где «расцветают мечты и идеалы народа». Сами тексты статей держатся устойчивой формулы, но внутри нее постепенно все большую и большую роль отдают описанию эпохи Ким Чен Ына и его деятельности, что фактически делает память о земельной реформе фоном для прославления и легитимации нынешней линии как естественного продолжения и развития линии «Ким Ир Сена — Ким Чен Ира». Другими словами, читатель должен вспомнить заслуги предшественников и идти за нынешним руководителем «вписывать новую страницу в историю деревни».

Заключение

Подводя итог нашему анализу, можно сделать следующие выводы. Все рассмотренные материалы строятся на устойчивом и почти неизменном шаблоне. Прошлое в этих публикациях подается читателю как основа нынешнего политического курса, при этом акцент постепенно меняется, переходя от рассказа о самой реформе 1946 г. к прославлению нынешней линии в аграрной политике. Стоит также отметить, что сами публикации фактически являются стандартизированной и немного абстрактной версией истории сельского хозяйства КНДР, в которой все большее внимание уделяется эпохе Ким Чен Ына. Особенно нагляд-

¹ 곽철명. 사회주의대지에 새겨진 위대한 사람과 전변의 력사 [Ко Чхоль Мён. Запечатленная на социалистической земле история великих людей и преобразований] // 로동신문. 05.03.2024. С. 2.

² 강원남. 사회주의대지여, 불멸의 그 업적 길이 전하라 [강원 남. О социалистическая земля, храни и передавай в веках его бессмертные заслуги] // 로동신문. 05.03.2020. С. 2.

³ 곽철명. 사회주의대지에 새겨진 위대한 사람과 전변의 력사 [Ко Чхоль Мён. Запечатленная на социалистической земле история великих людей и преобразований] // 로동신문. 05.03.2024. С. 2.

⁴ Там же.

но это видно из того, как выстраиваются образы трех руководителей и связь их по линии «Ким Ир Сен — Ким Чен Ир — Ким Чен Ын». Ким Ир Сен предстает в публикациях как основатель аграрной политики, Ким Чен Ир — как защитник-модернизатор, а Ким Чен Ын — как продолжатель линии «Ким Ир Сена — Ким Чен Ира» и тот, при котором сельское хозяйство КНДР вступает в «ранее невиданный период процветания». При этом именно образ Ким Чен Ына оказывается наиболее изменчивым и к 2020-м годам становится центральным в публикациях.

В итоге политика памяти в данном случае проявляется как практический инструмент, удерживающий неизменным представление об истоках «правильного» порядка и системы и усиливающий роль нынешнего руководителя, показывая курс Ким Чен Ына как естественное продолжение и укрепление традиции, при этом постепенно все более и более прославляющий Ким Чен Ына и его политику как новую «великолепную и ранее невиданную» страницу в истории сельского хозяйства КНДР.

Библиографический список

Логиновский Е.Л. Северокорейская историография истории внешней политики КНДР: сопоставительный анализ сочинений Ким Ир Сена и научного комментария к ним // Кореистика. 2024. № 2 (7). С. 14—39. DOI: 10.48647/ISSA.2024.97.66.003.

Поленова А.Л. СМИ КНДР о зарубежных новостях в 2024 г. // Современные проблемы Кореянского полуострова. 2025. № 1. С. 116—122. DOI: 10.48647/ISSA.2025.23.23.012.

Поленова А.Л., Шкатов Д.Е. СМИ КНДР о событиях в мире // Аналитические записки ИККА РАН. 2022. № 2. С. 51—53. DOI: 10.48647/IFES.2022.72.80.04.

Шкатов Д.Е. «Ревизионизм» и «великодержавность»: потенциальные источники исторических обид в советско-северокорейских отношениях в 1950—1960-е гг. // Кореистика. 2024. № 4 (9). С. 42—53. DOI: 10.48647/ISSA.2025.75.74.005.

Шкатов Д.Е. Взгляд на историю России XX века в школьных учебниках КНДР // Кореистика. 2024. № 1 (6). С. 26—36. DOI: 10.48647/ISSA.2024.53.60.004.

Aum Daniel. The More Avid Historian? A Comparison Between Kim Jong-Il's and Kim Jong-Un's Uses and Usage Rates of the Korean War as a Heuristic in KCNA, 1998—2018 // North Korean Review. 2019. Vol. 15, № 2. P. 38—58.

Ballbach Eric. The History of the Present: Foundational Meta-Narratives in Contemporary North Korean Discourse // S/N Korean Humanities. 2015. Vol. 1, № 2. P. 79—100. DOI: 10.17783/INU.2015.1.2.79.

Boadella-Prunell Queralt, Swash Sam & Lim Sojin. Struggle on Demand: Shaping Contemporary North Korea's Public Sphere through Memory Politics // Journal of Peace and Unification. 2022. No. 12 (1). P. 5—27. DOI: 10.31780/jpu.2022.12.1.5.

Isozaki Atsuhito. Characteristics of Kim Jong-Un's Leadership: Analyzing the Tone of Official North Korean Media // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. Vol. 9, No. 1. P. 50—64. DOI:10.1080/24761028.2020.1752425.

이지순. 기념일의 경험과 문학적 표상 [Ли Чи Сун. Опыт проживания памятных дат и их литературные репрезентации] // 아시아문화연구. 2018. Т. 47. С. 225—266. (На кор.) DOI: 10.34252/acsri. 2018.47.008.

이지원. 북한 정부의 3·1 운동 기념과 표상 [Ли Чи Вон. Коммеморация и репрезентация Первоапрельского движения в северокорейском государственном дискурсе] // 동방학지. 2020. № 190. С. 323—356. (На кор.) DOI: 10.17788/dbhc.2020.190.013.

임추락. 북한-중국 토지개혁서사에 나타난 반봉건적 성격 [Им Чу Рак. Антифеодальная специфика нарративов о земельной реформы в Северной Корее и Китае] // 통일인문학. 2023. Т. 93. С. 121—158. (На кор.). DOI: 10.21185/jhu.2023.03.93.121.

References

- Loginovskii E.L.* (2024). Severokorejskaja istoriografija istorii vneshnej politiki KNDR: сопоставительный анализ сочинений Kim Ир Sena i nauchnogo kommentarija k nim [North Korean Research in History of DPRK's Foreign Policy: A Study of Key Features Represented in an Academic Commentary on Kim Il Sung's Works]. *Koreevedenie*. No. 2 (7): 14—39. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.97.66.003.
- Polenova A.L.* (2025). SMI KNDR o zarubezhnyh novostjah v 2024 g. [North Korean Media on Situation Abroad in 2024]. *Sovremennye problemy Korejskogo poluostrova*. No. 1: 116—122. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.23.23.012.
- Polenova A.L., Shkatov D.E.* (2022). SMI KNDR o sobytijah v mire [North Korean Media on Situation Abroad]. *Analiticheskie zapiski IKSA RAN*. No. 2: 51—53. (In Russian). DOI: 10.48647/IFES.2022.72.80.04.
- Shkatov D.E.* (2024). «Revizionizm» i «velikoderzhavnost'»: potencial'nye istochniki istoricheskikh obid v sovetsko-severokorejskikh otnosheniyah v 1950—1960-e gg. [“Revisionism” and “great-powerness”: potential sources of historical grievances in Soviet-North Korean relations in the 1950s—1960s.]. *Koreevedenie*. No. 4 (9): 42—53. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.75.74.005.
- Shkatov D.E.* (2024). Vzgljad na istoriyu Rossii XX veka v shkol'nyh učebnikah KNDR. [The Portrayal of Russian History of the 20th century in DPRK School Textbooks]. *Koreevedenie*. No. 1(6): 26—36 (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.53.60.004.
- Aum Daniel* (2019). The More Avid Historian? A Comparison Between Kim Jong-II's and Kim Jong-Un's Uses and Usage Rates of the Korean War as a Heuristic in KCNA, 1998—2018. *North Korean Review*. Vol. 15, No. 2: 38—58.
- Ballbach Eric* (2015) The History of the Present: Foundational Meta-Narratives in Contemporary North Korean Discourse. *S/N Korean Humanities*. Vol. 1, No. 2: 79—100. DOI: 10.17783/IHU.2015.1.2.79.
- Boadella-Prunell Queralt, Swash Sam & Lim Sojin* (2022). Struggle on Demand: Shaping Contemporary North Korea's Public Sphere through Memory Politics. *Journal of Peace and Unification*. Vol. 12, No. 1: 5—27. DOI: 10.31780/jpu.2022.12.1.5.
- Isozaki Atsuhito* (2020). Characteristics of Kim Jong-Un's Leadership: Analyzing the Tone of Official North Korean Media. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. Vol. 9, No. 1: 50—64. DOI:10.1080/24761028.2020.1752425.
- 이지순(2018). 기념일의 경험과 문학적 표상 (Lee Ji-sun. Ginyeomil-ui gyeongheomgwa munhakjeok pyosang) [Lee Ji-sun. Experience and Literary Representation of Anniversary]. *Asian Cultural Studies*, Vol. 47: 225—266. (In Korean). DOI: 10.34252/acsri.2018.47.008.
- 이지원(2020). 북한 정부의 3·1 운동 기념과 표상 (Lee Ji-won. Bukhan jeongbu-ui 3·1 undong ginyeomgwa pyosang) [Lee Ji-won. Memorial and Representation of the North Korean Government's March 1st Independent Movement]. *Dongbang Hakji*, No. 190: 323—356. (In Korean). DOI: 10.17788/dbhc.2020.190.013.
- 임추락(2023). 북한-중국 토지개혁서사에 나타난 반봉건적 성격 (Im Chu-rak. Bukhan-Jungguk toji gaehyeok seosa-e natanan banbonggeonjeok seonggyeok) [Im Chu-rak. Anti-feudal Characteristics the Land Reform Narratives of North Korea and China]. *The Journal of the Humanities for Unification*, 2023. Vol. 93: 121—158. (In Korean). DOI: 10.21185/jhu.2023.03.93.121.

В.И. Волощак

Направления военной политики Республики Корея при президенте Ли Чжэме

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений военной политики Республики Корея, сформулированных после прихода к власти летом 2025 г. администрации Ли Чжэме. С опорой на представленный новой администрацией план «123 задачи государственной политики», предвыборную программу и другие заявления южнокорейского президента, а также материалы СМИ, автор дает характеристику и раскрывает контекст основных приоритетов военной политики Южной Кореи после президентских выборов 2025 г., а также оценивает перспективы реализации основных объявленных инициатив. Автор заключает, что в военной политике находит свое отражение тенденция на «центристский» сдвиг политических программ Ли Чжэме: ее ключевые направления представляют собой комбинацию инициатив, предлагавшихся демократом Мун Чжэном в рамках Военной реформы 2.0 в 2017—2022 гг. и консерватором Юн Согёлем в рамках плана «Военные инновации 4.0» в 2022—2025 гг. К числу проблем, находящихся в особом фокусе новой президентской администрации, можно отнести возврат оперативного командования ВС РК в военное время, увеличение численности военнослужащих сержантского состава и достижение Южной Кореей позиции в числе четырех крупнейших экспортеров вооружений в мире.

Ключевые слова: Южная Корея, военная политика, внешняя политика, военная промышленность, вооруженные силы, экспорт вооружений.

Автор: Волощак Валентин Игоревич. Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Лаборатория азиатских и тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (адрес: 690001, Приморский край, Владивосток, Пушкинская ул., 89). ORCID: 0000-0001-7557-7494.
E-mail: vvoloshchak@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках темы государственного задания 1023110200001-7-5.6.1 «Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях соперничества Запада и Большого Востока за формирование нового мирового порядка».

Для цитирования. Волощак В.И. Направления военной политики Республики Корея при президенте Ли Чжэмыне // Корееведение. 2026. № 1 (14). С. 43—58. DOI: 10.48647/ICCA.2026.90.98.005.

V.I. Voloshchak

Directions of Republic of Korea's Defense Policy under President Lee Jae-myung

Abstract. The article analyzes the key directions of the Republic of Korea's defense policy, formulated after the Lee Jae-myung administration came to power in the summer of 2025. Drawing from the “123 National Policy Tasks” plan presented by the new administration, Lee Jae-myung's election policy pledges and other statements, media reports etc., the author characterizes and contextualizes the key priorities of South Korea's military policy after the 2025 presidential election and assesses the prospects for implementing the key announced initiatives. The author concludes that defense policy reflects a trend toward a “centrist” shift in Lee Jae-myung's political programs — its key directions represent a combination of initiatives proposed by progressive president Moon Jae-in as part of his “Defense Reform 2.0” in 2017—2022 and by conservative president Yoon Suk-yeol as part of “Defense Innovation 4.0” plan in 2022—2025. Among the issues that will be a particular focus for the new presidential administration are the wartime operational control transfer, an increase in the number of non-commissioned officers in the ROK armed forces and achieving the position among the four largest global arms exporters.

Keywords: South Korea, defense policy, foreign policy, defense industry, armed forces, arms exports.

Author: Valentin I. Voloshchak. PhD (history), research fellow, Laboratory of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 690001, Primorsky Krai, Vladivostok, Pushkinskaya St., 89). ORCID: 0000-0001-7557-7494. E-mail: vvoloshchak@gmail.com

Conflict of Interests. The author declares that there is no conflict of interest.

Acknowledgements. The paper was prepared under the federal assignment topic 1023110200001-7-5.6.1 “The Asia-Pacific region in the context of rivalry between the West and the Greater East for the formation of a new world order.”

For citations: Voloshchak V.I. Napravleniya voennoy politiki Respubliki Koreya pri prezidente Li Chzhemyone [Directions of Republic of Korea's Defense Policy under President Lee Jae-myung] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 1 (14): 43—58. DOI: 10.48647/ICCA.2026.90.98.005.

В результате процесса, касающегося импичмента президента Южной Кореи Юн Согёля, летом 2025 г. новым лидером государства стал Ли Чжэмын. Последние годы двух лидеров связывала активная политическая борьба, они являлись ключевыми фигурами в противостоянии двух конкурирующих партий — «Сила народа» и Демократической партии «Тобуро» — и имели разнящиеся позиции по парадигмальным направлениям внешней политики Южной Кореи. Так, Юн Согель — сторонник военного сближения с США и Японией, занимавший жесткую антикитайскую и антисеверокорейскую позицию и солидаризировавшийся с основными западными внешнеполитическими концепциями (в частности, при

нем была принята первая южнокорейская Индо-Тихоокеанская стратегия). Действующий президент Ли Чжэмён придерживается идеи «прагматичной дипломатии», приоритизирующей экономические интересы государства в противовес его политической ориентации, а также призывает «не антагонизировать» Китай и компромиссно настроен к КНДР¹.

Вероятно, что эти направления найдут по меньшей мере частичное отражение в военно-политическом курсе новой администрации, характере международных связей Республики Корея (РК) в области обороны и безопасности и подходах к развитию военного потенциала. Ожидания от Ли Чжэмёна связаны с его ролью «преемника» Мун Чжэина как лидера демократического лагеря. В годы президентства Мун Чжэина (2017—2022) была осуществлена Военная реформа 2.0, предполагавшая реализацию таких мер, как сокращение численности вооружённых сил (ВС) и срока службы по призыву, увеличение численности гражданских служащих в ВС, социальную поддержку военнослужащих и др. Ли Чжэмён во время своей первой президентской кампании в 2021—2022 г. высказывал схожие тезисы, в частности — предлагал дальнейшее сокращение численности ВС путем снижения количества служащих по призыву с целью компенсации демографических рисков. В духе Мун Чжэина были и объявленные стремления противодействовать созданию антикитайского военного блока США — Южная Корея — Япония и осуществить передачу от США оперативного командования ВС РК в военное время².

Однако к президентским выборам 2025 г. на фоне усложнившейся обстановки в мире и на Корейском полуострове Ли Чжэмён стал высказываться гораздо более нейтрально. В его официальных предвыборных обещаниях инициативы, относящиеся к военно-политическому курсу государства, зафиксированы в весьма лаконичном виде: среди них упоминается содействие росту экспорта вооружений и укрепление сотрудничества в рамках военного альянса США и Южной Кореи [제21대 대통령선거 당선인공약].

В августе 2025 г. была обнародована (а месяцем позднее официально утверждена) программа «123 задачи государственной политики». Несмотря на то, что по состоянию на октябрь 2025 г. не представлен детальный план военной реформы Ли Чжэмёна, содержание названной программы позволяет составить представление об основных приоритетах военно-политического курса Южной Кореи при новой администрации.

Пять задач военной политики администрации Ли Чжэмёна

План «123 задач государственной политики» предусматривает всего пять пунктов, посвященных развитию ВС и военного потенциала и обеспечению обо-

¹ Park Chan-kyong. South Korea's presidential candidates clash over China and US, 'pragmatic' policy // South China Morning Post. 19.05.2025. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3310905/south-koreas-presidential-candidates-clash-over-china-and-us-pragmatic-policy> (accessed: 26 October, 2025)

² Ji Da-gyum. Lee Jae-myung envisions efficient, powerful military for future warfare // The Korea Herald. 02.03.2022. URL: <https://www.koreaherald.com/article/2804048> (accessed: 26 October, 2025).

роноспособности государства. За выполнение четырех из них ответственно Министерство обороны РК, еще одна задача находится в компетенции Управления программ оборонных закупок.

Задача № 109 «Строительство элитных ВС, готовых к меняющейся военной среде». В рамках этой задачи предполагается технологическое совершенствование ВС с опорой на искусственный интеллект (ИИ) и другие высокие технологии [이재명정부 123대 국정과제, с. 171]. Прежде всего, внимание уделяется развитию «трехосной» системы противоракетной обороны (системы Korean Air and Missile Defense, а также программ Kill Chain и Korea Massive Punishment and Retaliation) — традиционной задаче последних лет, связанной с обеспечением обороноспособности против северокорейских ракетных вооружений. Также предполагается создание стратегического космического командования в средне- или долгосрочной перспективе. Данный шаг продолжает тенденцию на формирование новых межродовых командований в ВС, ответственных за проведение операций, связанных с новыми технологиями. Так, в 2023—2024 гг. было сформировано Стратегическое командование и Командование беспилотных операций, в ведении которых находится противодействие ракетно-ядерным угрозам и операции с использованием дронов, соответственно. Задачей же стратегического космического командования, по всей видимости, станет проведение разведывательных операций с использованием военных спутников, которые в последние три года были построены и успешно испытаны Южной Кореей [Калинин, с. 65—66].

Среди других приоритетов в рамках задачи № 109 — разработка и внедрение в ВС беспилотных систем, в том числе на уровне мелких подразделений; работа над обеспечением кибербезопасности и угроз в электромагнитном спектре; создание системы командования и контроля нового поколения; увеличение объемов инвестирования в военную ИИ-инфраструктуру и управление данными в оборонной сфере.

Задача № 110 «Передача оперативного командования ВС РК в военное время на основе всестороннего потенциала сдерживания альянса США—РК» посвящена различным аспектам взаимодействия РК с США в рамках двустороннего военного альянса. С точки зрения администрации Ли Чжэмёна деятельность альянса будет сосредоточена в рамках двух основных направлений. Первое посвящено совместным усилиям по обеспечению расширенного ядерного сдерживания КНДР и предполагает развитие взаимодействия в рамках двусторонней Консультативной группы по ядерному сдерживанию — органе, созданном при администрации Юн Согёля. Также союзники планируют проводить совместные учения по интеграции конвенциональных и ядерных сил, развивать сотрудничество в области передовой науки и технологий и в целом стремиться к построению «всестороннего стратегического альянса, ориентированного на будущее» [이재명정부 123대 국정과제, с. 172].

Второе направление связано с решением вопроса об оперативном командовании над ВС РК в военное время, которое осуществляется американо-южнокорейским Командованием объединенными силами во главе с четырехзвездным генералом ВС США [Пугачева, с. 86]. В отличие от консервативных администра-

ций, которые старались отложить возвращение оперативного командования южнокорейской стороне или иным способом снизить приоритетность этого вопроса, Ли Чжэме́н продолжает характерную линию демократических администраций Но Мухёна и Мун Чжэина, намереваясь до конца своего президентского срока в 2030 г. осуществить возврат оперативного командования. Подход Ли Чжэме́на будет опираться на поэтапный план, «основанный на выполнении условий», который был согласован союзниками в 2014 г. без указания на определенные сроки реализации, но предполагающий выполнение трех этапов: 1) развитие РК достаточного военного потенциала для самостоятельного противодействия внешним военным угрозам; 2) развитие потенциала противоракетной и противовоздушной обороны; 3) наличие благоприятной региональной обстановки в области безопасности [Пугачева, с. 87]. Особую значимость вопроса оперативного командования подчеркивает тот факт, что он вынесен в качестве главной инициативы политики в отношении альянса США—РК в формулировке соответствующей задачи государственной политики новой администрации. Помимо этого, Ли Чжэме́н планирует разработать нормативную основу управления совместной обороной в новых условиях после возвращения Южной Кореи оперативного командования.

В рамках задачи № 111 «Создание военной системы, сосредоточенной на выполнении боевых функций, путем проведения военной реформы» закреплено намерение провести реформу ВС, которая позволит оптимизировать использование труда военнослужащих для решения сугубо военных задач. Прежде всего, это направление связано с серьезным сокращением уровня рождаемости в Южной Кореи: каждый год снижается количество молодого населения, необходимого для комплектации личного состава вооруженных сил. Согласно расчетам, количество мужского населения призывного возраста сократится с 334 тыс. человек в 2020 г. до 127 тыс. человек к 2045 г. [김신숙, с. 12].

Детальный план проведения военной реформы по оптимизации использования человеческого ресурса ВС в условиях демографических ограничений пока еще не обнародован Министерством обороны, однако правительство уже определило ряд мер в этом направлении. Прежде всего, они связаны с поддержкой унтер-офицерского (сержантского) состава — востребованной категории военнослужащих, от квалификации, мотивации и численности которых зависит боеготовность рядового состава ВС [이재명정부 123대 국정과제, с. 173]. В последние годы на фоне снижения привлекательности военной службы сократилось и общее число офицеров и сержантов в ВС РК: процент отбора офицеров (число офицеров относительно запланированных показателей) снизился с 94,1 % в 2019 г. до 64,9 % в 2024 г., а среди сержантов этот показатель за этот же период упал с 93,5 до 51,2 %¹. Таким образом, приоритетными задачами правительства Южной Кореи названы повышение процента отбора военных, проходящих дол-

¹ 조수빈. 국군 45만명, 6년새 11만명 줄어...사단급 부대 17곳 사라졌다 [Чо Субин. ВС РК численностью 450 тыс. человек сократились на 110 тыс. человек за шесть лет, потеряв 17 подразделений уровня дивизии] // 중앙일보. 11.08.2025. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/25358069> (дата обращения: 26.10.2025). (На кор.)

госрочную службу по контракту, и внедрение новых методов рекрутирования профессиональных военных.

Помимо этого, в рамках задачи № 111 предложены такие инициативы, как активное привлечение гражданского персонала на работу ВС для выполнения невоенных задач в области логистики, образования, управления кадрами и материальными ресурсами и т. п., а также дальнейшая оптимизация организационной структуры ВС и выведение Корпуса морской пехоты в отдельный четвертый род войск.

Задача № 112 «Улучшение условий военной службы и повышение морального духа» направлена на улучшение благосостояния солдат и гражданских служащих, а также их семей для обеспечения баланса между военной службой и семейной жизнью. Особое внимание уделено мерам поддержки унтер-офицерского состава, которые включают повышение зарплат и финансовую поддержку при аренде жилья, проведение полных медицинских обследований, улучшение питания, содействие получению образования в дистанционном формате во время прохождения службы. Также предполагается улучшить инструменты поддержки солдатских семей, пересмотреть систему оплаты труда при выполнении служебных обязанностей с целью минимизировать объем ненужной работы и расширить возможности для работы по гибкому графику. Наконец, в числе приоритетов находится повышение безопасности военной службы: меры по предотвращению и оперативному реагированию на несчастные случаи, обеспечению защиты прав военнослужащих, борьба с сексуальными преступлениями. В целом ключевой целью задачи № 112 является привлечение и сохранение на долгосрочной военной службе профессиональных кадров, обладающих высокой квалификацией [이재명정부 123대 국정과제, с. 174].

Последняя задача № 113 *«Продвижение военной промышленности РК и внедрение инноваций в процесс закупок вооружений с целью войти в топ-4 мировых экспортеров вооружений»* связана со стимулированием роста экспорта вооружений, который в последние годы стал не только важной статьёй экспортных доходов, но и элементом национального престижа Южной Кореи как передовой технологической и промышленной державы. Ключевой целью политики в этом направлении объявлено занятие 4-й позиции в рейтинге крупнейших мировых экспортеров вооружений и военной техники, для чего предложен комплекс мер [이재명정부 123대 국정과제, с. 175]. Их можно условно разделить на две категории.

Во-первых, к ним относится государственная поддержка бизнеса. Администрация Ли Чжэмёна обещает расширить налоговые и финансовые стимулы для компаний — экспортеров военной продукции, оптимизировать процесс закупок и проведения военных НИОКР, а также создать «контрольную башню» — единый государственный орган для реализации мер государственной поддержки и в целом координации взаимодействия государства и предприятий оборонной промышленности. В целях обеспечения стабильности процесса производства и поставок военной продукции предполагается также создать базу данных карт цепочек поставок компонентов и материалов для 100 ключевых систем вооружений РК.

Во-вторых, важным аспектом развития военной промышленности обозначено содействие развитию инноваций и появлению в Южной Корее так называемых компаний класса «супер-Б» — т. е. компаний, занимающих ключевые пози-

ции в глобальных цепочках поставок за счет большого технологического преимущества¹. Для этого правительством запланирована поддержка компаний малого и среднего бизнеса на всех стадиях их роста и расширение инфраструктурных инвестиций в разработку и производство полупроводников, двигателей для авиатехники, космических технологий, робототехники, беспилотных технологий и технологий ИИ. В числе других объявленных инициатив — реализация программ поддержки венчурных проектов и проведение конкурса стартапов «100 предприятий в области военных инноваций». Наконец, администрация Ли Чжэме анонсировала принятие закона «О поддержке и продвижении передовой военной промышленности» для того, чтобы более эффективно осуществлять стандартизацию и сертификацию продукции, созданной на основе новейших технологий с целью облегчить их быстрый выход на рынок.

Кроме того, ряд важных мер, связанных с выработкой военно-политического курса государства, обозначен в других смежных задачах государственной политики. К примеру, задача № 2 «Укрепление демократического и институционального контроля над ВС» предполагает расширение мер по обеспечению политического нейтралитета ВС и контроля со стороны органов государственной власти [이재명 정부 123대 국정과제, с. 18]. Очевидно, в качестве реакции на введение Юн Согёлем в декабре 2024 г. военного положения задача закрепляет ряд таких инициатив, как усиление контроля над отдачей несправедливых приказов, совершенствование процедур парламентского контроля при объявлении военного положения, реорганизация органов военной разведки, роспуск Командования военной контрразведки и др. В логике усиления гражданского контроля над ВС лежит и решение о назначении первого более чем за полвека гражданского министра обороны Ан Гюбэка². Еще более красноречивыми проявлениями этой тенденции является объявленная кадровая реформа Объединенного комитета начальников штабов ВС, предполагающая перевод большей части офицеров среднего и высшего звена в Министерство обороны или другие структуры ВС³, а также увольнение ряда высокопоставленных офицеров, связанных с инцидентом объявления военного положения⁴. Данные меры можно расценивать не только как часть стандартной

¹ Термин «супер-Б» (кор. 슈퍼 울(乙)) предполагает наличие у компании монопольных позиций на рынке конкретной технологии или продукта, за счет которых она может оказывать влияние на компании класса «супер-А» (кор. 슈퍼 갑(甲)) — мировых лидеров в данной отрасли. В качестве примера в документе «123 задачи государственной политики» правительства Ли Чжэме приводится нидерландская компания ASML, являющаяся монополистом на рынке литографического оборудования для производства микроэлектроники. От поставок ASML зависимы крупнейшие производители полупроводников из Китая, США, Тайваня и т. д.

² Nam In-soo. S. Korea to have 1st civilian defense minister in decades, career technocrats // The Korea Economic Daily. 23.06.2025. URL: <https://www.kedglobal.com/business-politics/newsView/ked202506230007> (accessed: 26 October, 2025).

³ Кирьянов О. Отголоски введения военного положения. В рядах высших офицеров Южной Кореи готовится чистка // Российская газета. 07.11.2025. URL: <https://rg.ru/2025/11/07/v-vyss-hem-voennom-komandovanii-iuzhnoj-korei-griadut-massovye-perestanki.html> (дата обращения: 21.02.2026).

⁴ Ji Da-gyum. 14 generals dismissed in martial law probe, more pending // The Korea Herald. 18.02.2026. URL: <https://www.koreaherald.com/article/10677752> (accessed: 21 February, 2026).

политики по усилению гражданского контроля над ВС, но во многом и как проявление политической борьбы, направленной на ослабление позиций консервативного лагеря.

Также в контексте военной политики важное значение имеет закрепленное в рамках задачи № 114 «Восстановление межкорейских отношений на основе примирения и сотрудничества и институционализация мирного сосуществования» намерение восстановить каналы коммуникации между военным руководством КНДР и РК, а также восстановить действие межкорейского Соглашения о реализации исторической Пханмунджомской декларации в военной сфере 2018 г. [이재명 정부 123대 국정과제, с. 179] Соглашение, регулировавшее установление мирных зон в водном пространстве и предполагавшее отказ от применения военной силы в отношении друг друга, было заключено на встрече Ким Ченына и Мун Чжэина в сентябре 2018 г. и де-факто расторгнуто обеими сторонами в 2023 г. на фоне охлаждения отношений Пхеньяна и Сеула. Также одной из мер, которую можно расценить в качестве примирительного шага в отношении КНДР, можно считать анонсированный в январе 2026 г. роспуск Командования беспилотных операций. Однако официально объявленной причиной этого является «неэффективность и дублирование функций»¹ данным органом. Ликвидация Командования имеет прежде всего политическое значение и связана с серией скандалов вокруг взаимной отправки беспилотников Сеулом и Пхеньяном на территорию друг друга в последние годы. Широко обсуждаемая в СМИ связь администрации Юн Согёля с несколькими инцидентами запуска дронов в КНДР с территории РК также стали дополнительным стимулом для правящей демократической администрации пойти на подобный шаг.

Центризм Ли Чжэмёна и вызовы военной политики новой администрации Южной Кореи

Так как Ли Чжэмён в последние несколько лет является лидером демократического лагеря, можно было бы назвать обоснованными предположения о том, что он будет придерживаться характерной для демократов линии на повышение самостоятельности в военных вопросах от США, а также продолжит курс Мун Чжэина на социальную поддержку военнослужащих. В свете заявлений о приверженности «прагматичной дипломатии» и критики сближения с Японией как не соответствующего национальным интересам Южной Кореи направления внешней политики², логично было и ожидать демонтажа «кэмп-дэвидского» направления на активное развитие военно-политического сотрудничества в треугольнике США — Южная Корея — Япония, во многом инициированного в свое время Юн Согёлем [Мишин, с. 38—39]. Свойственная Юн Согёлю политика по

¹ Hwang Joo-young. Drone command should disband: ministry study // The Korea Herald. 20.01.2026. URL: <https://www.koreaherald.com/article/10659214> (accessed: 23 February, 2026).

² Kang Jae-eun. DP says trilateral summit at Camp David beneficial only to U.S. and Japan // Yonhap News. 21.08.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230821004900315> (accessed: 26 October, 2025).

поддержке крупного бизнеса для стимулирования роста экспорта вооружений также не вполне ассоциировалась с левой риторикой Ли Чжэме́на.

Однако к началу 2025 г. южнокорейский президент стал выражать более нейтральные позиции по многим значимым вопросам, смещаясь из прогрессистского лагеря ближе к центру [Асмолов, Соловьев, с. 100]. Эта тенденция нашла отражение и в военно-политическом курсе: ярким тому примером является поддержка военного сближения в треугольнике Вашингтона, Сеула и Токио, нетипичная для южнокорейских демократов и персонально для Ли Чжэме́на, известного своей антияпонской критикой¹. Анализ объявленных новой администрацией приоритетов военной политики государства показывает, что подход Ли Чжэме́на представляет собой комбинацию инициатив, предлагавшихся демократом Мун Чжэином в рамках Военной реформы 2.0 в 2017—2022 гг. и консерватором Юн Согёлем в рамках плана «Военные инновации 4.0» в 2022—2025 гг.

В числе идей, заимствованных из программы Мун Чжэина, — «огражданствление» ВС, т. е. увеличение доли гражданских служащих, выполняющих вспомогательные функции, а также привлечение женщин на военную службу. Социальная поддержка солдат и их семей, развитие благоприятной для создания семьи инфраструктуры в ВС и т. д. также являлись важной частью Военной реформы 2.0 и нашли отражение в задачах военной политики Ли Чжэме́на. Центральным же вопросом социальной поддержки военнослужащих для новой администрации станет повышение численности сержантского состава. Ли Чжэме́н намерен исправить ошибку Юн Согёля, который во время своего президентства реализовал реформу по двукратному повышению денежного довольствия рядовых военнослужащих. Эта политика привела к выравниванию уровня дохода рядовых и младших унтер-офицеров и, как следствие, к снижению мотивации для перспективных и обладающих квалификацией кадров продолжать военную службу на сержантских должностях. Основные усилия администрации Ли Чжэме́на, таким образом, будут направлены на поддержку именно этой категории военнослужащих. Однако решение данной проблемы связано не только с расширением финансовой поддержки, поскольку современные демографические тренды обуславливают необходимость реформирования организационных принципов и устоявшихся иерархических структур в ВС. Как показывает ряд исследований, поколения миллениалов и, в особенности, зумеров, родившихся в начале 2000-х и составляющих основу личного состава ВС, отдают приоритет развитию горизонтальных связей, личному росту и высоким стандартам качества жизни, а также более продвинуты в использовании новых технологий [이주용, с. 225—226]. Еще одним фактором, влияющим на необходимость построения более инклюзивных и эгалитарных ВС, эксперты называют активное внедрение высоких технологий и цифровых решений во все управленческие процессы в ВС, что требует от офицеров осуществлять командование на основе убеждения и согласия, а не дисциплинарного воздействия [Kim Insoo, pp. 515—516]. Таким образом, для эффектив-

¹ 이영규. 이재명 "침략국인 일본이 분단됐어야 했는데..." [Ли Ёнгу. Ли Чжэме́н: «Япония, нация агрессор, должна была быть разделена...»] // 아시아경제. 02.03.2018. URL: <https://www.asiae.co.kr/article/2018030207170053898> (дата обращения: 26.10.2025). (На коп.)

ной интеграции новых поколений в условиях падения уровня рождаемости и сокращающегося количества призывников необходимы изменения и в структуре организации ВС, механизмах рекрутирования и продвижения карьеры профессиональных военных, которые будут предполагать совместное принятие решений, создание гибких условий работы, развитие цифровых компетенций.

Еще одна инициатива военной политики, фигурировавшая в планах Мун Чжэина и в целом характерная для представителей демократического лагеря, — это обещание вернуть оперативное командование ВС РК в военное время. Ли Чжэмён отдает особый приоритет этому вопросу, намереваясь решить его до конца президентского срока, что представляется достаточно амбициозным, учитывая, что Мун Чжэину не удалось в свое время реализовать поэтапный план передачи командования. Особую сложность для успешного выполнения поэтапного плана придает расплывчатость критериев третьего этапа, предполагающего наличие благоприятной обстановки безопасности в регионе. При этом, в сравнении с периодом конца 2010-х годов, когда РК при Мун Чжэине активно вела переговоры по вопросу оперативного командования с американской стороной, нынешний градус напряженности на Корейском полуострове представляется значительно более высоким и не располагающим к выполнению условий плана.

Но все же решение вопроса оперативного командования прежде всего зависит от политической воли США и РК. Инициатива Ли Чжэмёна может встретить позитивный отклик в Вашингтоне на фоне подхода Д. Трампа к вопросу увеличения вклада союзников в совместные интересы безопасности и слухов о возможном сокращении американского военного контингента в Южной Корее¹. В последней Стратегии национальной обороны США, выпущенной в январе 2026 г., зафиксировано признание способности Южной Кореи взять на себя основную ответственность за осуществление сдерживания Северной Кореи при более ограниченной поддержке со стороны США [2026 National Defense Strategy, p. 20]. Можно судить о том, что вопрос выполнения Южной Кореей условий плана передачи оперативного командования носит преимущественно политический характер, и критерии соответствия необходимым условиям могут быть пересмотрены согласно новым стратегическим установкам Сеула и Вашингтона. В последние месяцы союзники активизировали двусторонние встречи по линии оборонных ведомств по вопросу выполнения плана передачи оперативного командования, подтвердив, что стороны добились «значительного» прогресса на пути к выполнению условий плана, а затем — договорившись завершить второй этап плана (достижение «полной оперативной готовности») в течение 2026 г.² Данные обстоятельства можно считать благоприятными для реализации задачи по передаче оперативного командования в обозначенный Ли Чжэмёном срок, несмотря на трудности, с которыми стороны сталкивались в прошлые годы.

¹ Song Sang-ho. U.S. considers withdrawing thousands of troops from S. Korea: report // Yonhap News. 23.05.2025. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250523000451315> (accessed: 26 October, 2025).

² Kang Gahui. '2nd-stage transfer of wartime control from US to come by 2026' // Korea.net. 17.11.2025. URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=282356> (accessed: 22 February, 2026).

Что касается направлений, заимствованных у консервативной администрации Юн Согёля, то к ним относится прежде всего развитие передовых военных технологий и внедрение ИИ- и беспилотных решений в ВС. Ли Чжэме продолжает и дальше развивать эту линию (в частности, обозначив задачу по внедрению ИИ не только в отдельных образцовых подразделениях, но и на уровне всех подразделений ВС), однако не делает из нее главного приоритета военной политики, каковым она являлась при Юн Согёле в рамках его титульной инициативы «Военные инновации 4.0». С точки зрения администрации Ли Чжэме технологическая модернизация ВС — это лишь часть общей стратегии для компенсации демографических рисков, которую необходимо сочетать с мерами социальной поддержки и «огражданствления» ВС.

Наконец, предложенный комплекс мер по поддержке экспорта вооружений и связанному с ним ускоренному внедрению инноваций в ВПК во многом является продолжением политики администрацией Юн Согёля. Ли Чжэме поставил цель, заявленную ранее Юн Согёлем, — достичь четвертой позиции в рейтинге крупнейших мировых экспортеров вооружений. Новая администрация будет использовать и развивать те инструменты, которые были разработаны при Юн Согёле: административная и налоговая поддержка бизнеса, отбор перспективных проектов компаний малого и среднего бизнеса и содействие их встраиванию в глобальные цепочки поставок и сотрудничеству с иностранными партнерами, а также меры по усовершенствованию регулирования инновационной деятельности для ускорения выхода на рынок новой высокотехнологичной продукции.

Стоит отметить, что, несмотря на значительные успехи, достигнутые Южной Кореей в этом направлении в последние годы (крупные сделки с Польшей, Саудовской Аравией, Австралией, странами Юго-Восточной Азии и др.), Сеулу еще далеко до того, чтобы войти в четверку мировых лидеров экспорта вооружений. Согласно данным Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ), по итогам 2024 г. РК занимает только 10-е место в мире среди крупнейших экспортеров вооружений [George, Djokic, Hussain, Wezeman, Wezeman, p. 2]. Для дальнейшего роста экспорта необходимо устранить ряд проблем и ограничений. Так, существующие лимиты Экспортно-импортного банка Кореи, не предусматривающие выделение кредитов на сумму более 40 % собственного капитала банка, стали одним из камней преткновения в реализации заключенного с Польшей в 2023 г. соглашения на поставку самоходных артиллерийских установок K9. После одобрения Национальной ассамблеей РК увеличения уставного капитала Экспортно-импортного банка с 15 до 25 трлн вон в январе 2024 г., возможности по финансированию сделок были расширены [Губин, с. 59]. Тем не менее трудности с финансовыми расчетами в совокупности с разногласиями вокруг локализации и модернизации техники существенно замедлили процесс подписания исполнительных соглашений в рамках контракта на поставку Польше южнокорейских танков K2¹.

¹ Кирьянов О. Южная Корея поставит Польше рекордную партию боевых танков // Российская газета. 10.06.2025. URL: <https://rg.ru/2025/06/10/iuzhnaia-koreia-postavit-polshe-rekord-nuiu-partiiu-boevyh-tankov.html> (дата обращения: 26.10.2025).

Также препятствием для расширения географии поставок продукции южнокорейского ВПК является наличие ряда торговых барьеров. Например, в августе 2024 г. страны — участницы партнерства AUKUS (США, Великобритания, Австралия) договорились о снятии взаимных требований по выдаче лицензий на значительную часть вооружений и технологий, что сделало возможным осуществление 70—80 % оборонных поставок Великобритании и США в Австралию без лицензий¹. Несмотря на то, что Южная Корея рассматривалась как один из наиболее вероятных кандидатов на вступление в альянс и имела значительный интерес для участия в проектах сотрудничества в высокотехнологичных отраслях в рамках повестки «Столпа 2» AUKUS, присоединение Сеула к трехстороннему партнерству США, Великобритании и Австралии так и не состоялось. Отсутствие РК в структуре безлицензионной торговли вооружениями в рамках AUKUS может ослабить уже наработанные позиции Сеула на рынке вооружений Австралии.

Пожалуй, один из наиболее проблемных вопросов, связанных с торговлей вооружениями для Сеула сегодня, — это перспектива заключения соглашения о взаимных оборонных закупках с США (Reciprocal Defense Procurement Agreement). Диалог по этому соглашению, которое позволит получить упрощенные условия доступа на рынки военной продукции двух стран, ведется с конца 1980-х годов, однако Сеул и Вашингтон по-прежнему далеки от его заключения. В современных условиях будущее соглашение принесет как потенциальные риски, так и выгоды для Южной Кореи. С одной стороны, устранение барьеров поможет лучше закрепиться южнокорейским судостроителям на американском рынке в рамках программы инвестиций MASGA (Make American Shipbuilding Great Again)², получив выгодные заказы по обучению специалистов, совместному производству судов на территории США, а также по обслуживанию и ремонту военно-морской техники. С другой стороны, присоединение к соглашению о взаимных оборонных закупках может ограничить или даже полностью отсечь для РК один из главных инструментов развития собственной производственной базы — офсетных обязательств, налагаемых на импортера вооружений и военной техники и предполагающих трансфер технологий, выбор местных компаний для производства или сборки, реализацию программ обучения для местных специалистов и т. д. Кроме того, южнокорейские компании могут проиграть конкуренцию на внутреннем рынке, поскольку РК все еще активно закупает американские образцы вооружений и технологий, которые также пытается производить и самостоятельно. К таковым относятся бортовые радары для авиатехники, беспилотные летательные аппараты, авиационные двигатели, различные виды ракетных вооружений, корабельная артиллерия, вертолеты и т. д. [Arms transfers database; Мотявин, Степанов, с. 41—45] США же, хотя фактически и стараются минимизировать воздействие офсетных договоренностей на собственную военную про-

¹ Needham K. Australia, Britain, US drop defence trade barriers to propel AUKUS // Reuters. 15.08.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/australia-britain-us-drop-defence-trade-barriers-propel-aucus-2024-08-15/> (accessed: 26 October, 2025).

² Hwa Yu, Hobbs B. Taking cooperative alternatives to reciprocal procurement // Korea Joongang Daily. 29.09.2025. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2025-09-29/opinion/columns/Taking-cooperative-alternatives-to-reciprocal-procurement/2409875> (accessed: 26 October, 2025).

мышленность, в целом испытывают интерес к заключению соглашений о взаимных оборонных закупках с партнерами с высоким уровнем технологического развития [Hwa Yu, Hobbs, pp. 8—9]. К таковым в том числе относятся Япония и Южная Корея, и значимость их для США только повысилась на фоне нарастания технологической конкуренции с КНР [Захарова, с. 29—30].

Таким образом, обе стороны имеют опасения по поводу возможного устранения барьеров в двусторонней торговле вооружениями. Как результат — переговоры по заключению соглашения о взаимных оборонных закупках, в последний раз наиболее активно проходившие в последний год президентства Дж. Байдена, к настоящему моменту закончились безрезультатно¹. При Д. Трампе перспективы его заключения представляются еще менее вероятными ввиду его общего протекционистского проекта [Зуева]. В частности, трения по вопросу торговли вооружениями иллюстрируют отказ США летом 2025 г. экспортировать в РК боевую информационную систему СЕС (Cooperative Engagement Capability) для кораблей с системой Aegis².

Этапным событием в отношениях Южной Кореи и США и для военной политики РК в целом стал саммит АТЭС 2025 г. По его итогам Сеул и Вашингтон заключили тарифную сделку, предусматривающую снижение тарифов до 15 % в обмен на пакет южнокорейских инвестиций в объеме 350 млрд долл., осуществление РК закупок американских вооружений и техники на сумму 25 млрд. долл., выплату 35 млрд долл. на комплексную поддержку американского военного контингента на Корейском полуострове, а также — обещание Южной Кореи повысить свой оборонный бюджет на 3,5 % от ВВП. При условии реального выполнения этих договоренностей выплаты станут весьма значительным бременем для экономики государства, в частности объем выплат для поддержки войск США в РК в несколько раз превышает достигнутую сторонами годом ранее сделку по распределению расходов на совместную оборону. Тем не менее в рамках новых договоренностей с Трампом Южной Корее удалось добиться серьезных стратегических преимуществ. Помимо осязаемых перспектив закрепиться на судостроительном рынке в США, РК также получила разрешение Вашингтона на строительство атомных подводных лодок (АПЛ) и договорилась о поставках американской стороной ядерного топлива, что ранее было ограничено условиями двустороннего соглашения об использовании мирного атома. Хотя на пути к успешной разработке и производству собственных АПЛ Южной Кореей есть ряд препятствий (необходимость больших инвестиций, большой срок реализации проекта, неопределенность локации строительства субмарин, возможная негативная реакция со стороны КНР), потенциальное обладание подобным видом вооружений поможет повысить РК уровень своей военной самостоятельности. Ключевое стратегическое преимущество для РК здесь заключается не столько в

¹ Song Sang-ho. Talks on S. Korea-U.S. defense procurement pact face setback: source // Yonhap News. 19.06.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240619004200315> (accessed: 26 October 2025).

² Roh Suk-jo. U.S. Navy Denies South Korea Aegis CEC Export Request // The Chosun Daily. 19.10.2025. URL: <https://www.chosun.com/english/national-en/2025/10/19/6CDILSRPYNE45N6G6FLR75PSTM/> (accessed: 26.10.2025).

укреплении военного потенциала, сколько в самом доступе к передовым технологиям. Если ранее Южная Корея принадлежала к числу потенциальных кандидатов на вступление в партнерство AUKUS, то теперь в перспективе она сама может стать партнером для других государств, заинтересованных в развитии атомного флота.

Заключение

Анализ предложенных новой южнокорейской администрацией инициатив показывает, что в военной политике находит свое отражение тенденция на «центристское» смещение политических программ Ли Чжэмна. Основные направления военной политики РК представляют собой комбинацию инициатив, предлагавшихся демократом Мун Чжэном в рамках Военной реформы 2.0 в 2017—2022 гг. и консерватором Юн Согёлем в рамках плана «Военные инновации 4.0» в 2022—2025 гг. Ли Чжэмен пытается задействовать лучшее из обоих инициатив, а также исправить некоторые ошибки своего предшественника.

К числу наиболее важных задач, объявленных Ли Чжэмом, можно отнести возврат оперативного командования ВС РК в военное время, увеличение численности военнослужащих сержантского состава в ВС и достижение Южной Кореей позиции в числе четырех крупнейших экспортеров вооружений в мире. Первая из задач больше зависит от политической воли и вполне может быть решена в ближайшие пять лет. Реализация вторых двух инициатив потребует долгосрочной программы действий, результаты которой, вероятно, не будут видны в рамках срока президентских полномочий Ли Чжэмна. Еще более трудной задачей можно назвать обещание по восстановлению действия межкорейского военного соглашения 2018 г., которое выглядит достаточно амбициозным ввиду весьма напряженной обстановки на полуострове сегодня. Наконец, одним из наиболее сложных вопросов, связанных с задачей по увеличению объемов экспорта вооружений РК, являются переговоры о заключении соглашения о взаимных оборонных закупках с США. Перспективы этого пока что остаются достаточно ограниченными ввиду протекционистских мер администрации Д. Трампа и наличия у обеих сторон опасений о целесообразности устранения барьеров в двусторонней торговле вооружениями и военной техникой.

Библиографический список

Асмолов К.В., Соловьёв А.В. Что воля, что неволя (народа) // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 4. С. 89—101. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-4-89-101.

Губин А.В. Перспективы выхода Республики Корея в лидеры на мировом рынке вооружений // Корееведение. 2024. № 4 (9). С. 54—71. DOI: 10.48647/ICCA.2025.13.28.006.

Захарова М.С. Развитие технологического сотрудничества США с Республикой Корея и Японией в контексте американско-китайского соперничества // США и Канада: экономика, политика, культура. 2025. № 8 (668). С. 29—37. DOI: 10.31857/S2686673025080038.

Зуева А.Г. Оборонно-промышленный комплекс Республики Корея: тенденции и перспективы // Россия и Америка в XXI веке. 2025. № 7. DOI: 10.18254/S207054760035853-5.

Калинин Р.Р. Космическая программа Южной Кореи: аспекты международной безопасности // Корееведение. 2023. № 2 (3). С. 60—71. DOI: 10.48647/ICCA.2022.46.13.015.

Мишин В.Ю. Блоковая политика президента РК Юн Сок Ёля и её место в архитектуре сетевых альянсов США в АТР // Россия и АТР. 2024. № 4 (126). С. 30—46. DOI: 10.24412/1026-8804-2024-4-30-46.

Мотавин М.М., Степанов А.С. Военное сотрудничество США и их союзников в Северо-Восточной Азии: угрозы Тихоокеанскому флоту РФ // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 11. С. 38—48. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-38-48.

Пугачева О.С. Вопрос передачи Республике Корея оперативного контроля в военное время: история и перспективы // Современные проблемы Корейского полуострова. 2025. № 1. С. 84—95. DOI: 10.48647/ICCA.2025.10.57.009.

2026 National Defense Strategy. US Department of War, 2026. 25 p.

Arms transfers database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/TransferData> (accessed: 25 October, 2025).

George M., Djokic K., Hussain Z., Wezeman P.D., Wezeman S.T. Trends in International Arms Transfers, 2024 // SIPRI Fact Sheet. March 2025. 12 p. DOI: 10.55163/XXSZ9056.

Hwa Yu, Hobbs B. Reciprocal Defense Procurement: The Missing Element in U.S.-ROK Relations // International Journal of Korean Studies. 2025. Vol. XXVI. No. 1. Pp. 1—16.

Kim Insoo. Reformist Cultural Inertia and Prospects for Defense Innovation 4.0 in South Korea // The Korean Journal of Defense Analysis. 2023. Vol. 35. No. 4. Pp. 501—519. DOI: 10.22883/kjda.2023.35.4.001.

김신숙. 인구감소시기 강한 국방을 위한 병역제도 설계: 군인력 정책의 질적 전환을 위한 제안 [Kim Синсук. Разработка политики управления человеческими ресурсами для обеспечения надежной обороны в период демографического спада] // 국방정책연구. 2023. 제142호. С. 7—32. DOI: 10.22883/jdps.2024.39.4.001. (На кор.)

이재명정부 123대 국정과제 [123 задачи государственной политики правительства Ли Чжэммёна]. Сеул: Правительство Республики Корея, 2025. 191 с. (На кор.)

이주용. 군 조직의 간부 유치 및 유지를 위한 민간 방식 인사관리 방법 도입 전략 [Ли Чжэммён. Стратегии внедрения методов управления гражданским персоналом для отбора и сохранения офицеров в военных организациях] // The Journal of the Convergence on Culture Technology. 2024. Vol. 10. No. 5. С. 219—227. DOI: 10.17703/JCCT.2024.10.5.219. (На кор.)

제21대 대통령선거 당선인공약 [Обещания кандидатов на 21-х президентских выборах] // Национальная избирательная комиссия Республики Корея. URL: <https://policy.nec.go.kr/> (дата обращения: 25.10.2025). (На кор.)

References

2026 National Defense Strategy. US Department of War, 2026. 25 p.

Arms transfers database, *Stockholm International Peace Research Institute*, URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/TransferData> (accessed: 25 October, 2025).

Asmolv K.V., Solovyov A.V. (2025). Will or No Will (of the People), *Russia in Global Affairs*, vol. 23, no. 4, pp. 89—101. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-4-89-101 (In Russian).

George M., Djokic K., Hussain Z., Wezeman P.D., Wezeman S.T. (2025) Trends in International Arms Transfers, 2024, *SIPRI Fact Sheet. March 2025*, 12 p. DOI: 10.55163/XXSZ9056.

Gubin A.V. (2024). The prospects for the Republic of Korea's leadership in the global arms market, *Koreanology*, no. 4 (9), pp. 54—71. DOI: 10.48647/ICCA.2025.13.28.006. (In Russian)

Hwa Yu, Hobbs B. (2025). Reciprocal Defense Procurement: The Missing Element in U.S.-ROK Relations, *International Journal of Korean Studies*, vol. XXVI, no. 1, pp. 1—16.

Kalinin R.R. (2023). South Korea's space program: aspects of international security, *Koreanology*, no. 2 (3), pp. 60—71. DOI:10.48647/ICCA.2022.46.13.015. (In Russian)

Kim Insoo. (2023). Reformist Cultural Inertia and Prospects for Defense Innovation 4.0 in South Korea, *The Korean Journal of Defense Analysis*, vol. 35, no. 4, pp. 501—519. DOI: 10.22883/kjda.2023.35.4.001.

Mishin V.Yu. (2024). The Bloc Policy of South Korean President Yoon Suk-yeol and Its Place in US Network Alliances in Asia-Pacific Region, *Russia and the Pacific*, no. 4 (126), pp. 30—46. DOI: 10.24412/1026-8804-2024-4-30-46. (In Russian)

Motyavin M.M., Stepanov A.S. (2024). U.S. Military Cooperation with Its Allies in Northeast Asia: Threats to Russian Pacific Fleet, *World Economy and International Relations*, vol. 68, no. 11, pp. 38—48. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-38-48. (In Russian)

Pugacheva O.S. (2025). The Issue of Transferring Wartime Operational Control to the Republic of Korea: History and Prospects, *Contemporary Problems of Korean Peninsula*, no. 1, pp. 84—95. DOI: 10.48647/ICCA.2025.10.57.009. (In Russian)

Zakharova M.S. (2025). The Development of US Technological Cooperation with the Republic of Korea and Japan in the Context of US-China Rivalry, *USA & Canada: economics, politics, culture*, no. 8 (668), pp. 29—37. DOI: 10.31857/S2686673025080038. (In Russian)

Zueva A.G. (2025). The Military-Industrial Complex of the Republic of Korea: Trends and Prospects, *Russia and America in the 21st Century*, no. 7. DOI: 10.18254/S207054760035853-5. (In Russian)

김신숙. (2023). 인구감소시기 강한 국방을 위한 병역제도 설계: 군인력 정책의 질적 전환을 위한 제안 [Kim Shin-suk. Designing Military Manpower Policies for a Strong Defense in a Time of Demographic Decline], *Defense Policy Research*, no. 142, pp. 7—32. DOI: 10.22883/jdps.2024.39.4.001. (In Korean)

이재명정부 123대 국정과제 [Lee Jae-myung administration's 123 major national tasks], Seoul: *The Government of the Republic of Korea*, 2025: 191. (In Korean)

이주용. (2024). 군 조직의 간부 유치 및 유지를 위한 민간 방식 인사관리 방법 도입 전략 [Lee Ju-Yong. Strategies for Implementing Civilian Personnel Management Methods to Recruit and Retain Officers in Military Organizations], *The Journal of the Convergence on Culture Technology*, vol. 10, no. 5, pp. 219—227. DOI: 10.17703/JCCT.2024.10.5.219. (In Korean)

제21대 대통령선거 당선인공약 [21st Presidential Election Candidate's Pledges], *The National Election Commission of the Republic of Korea*, URL: <https://policy.nec.go.kr/> (accessed: 25 October, 2025). (In Korean)

Поступила в редакцию: 27.10.2025

Received: 27.10.2025

Принята к публикации: 24.02.2026

Accepted: 24.02.2026

И.В. Балицкая, Э.Х. Лим

Путь к пониманию Родины: развитие гражданской и этнической идентичностей сахалинских корейцев¹

Аннотация. Цель данной статьи — исследовать процессы, механизмы и факторы формирования гражданской (российской) и этнической идентичностей разных поколений сахалинских корейцев. В работе представлен краткий исторический анализ истории проживания корейцев на Сахалине; исследованы проблемы аккультурации сахалинских корейцев-репатриантов в Республике Корея; выявлены трудности, осложняющие их интеграцию и социокультурную адаптацию (незнание литературного языка, поведенческие и ментальные отличия). В результате нарушения ожиданий единения с исторической родиной произошло осознание смешанной идентичности и ассоциация чувства родины с двумя странами. На основе анализа интервью сахалинских корейцев показано, как представители разных поколений идентифицируют себя в контексте российской и южнокорейской культур. Авторами исследованы причины формирования смешанной идентичности; показано, как переосмысливается отношение к понятию «родина» в результате репатриации и миграции.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская (российская) идентичность, смешанная идентичность, социокультурная адаптация, репатриация, ценности.

Авторы: Балицкая Ирина Валериановна. Доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранного языка и страноведения, ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет» (адрес: 693000 г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, д. 290). ORCID: 0000-0002-9325-9729. E-mail: balitskaya_i@mail.ru

Лим Эльвира Хаммоковна. Кандидат педагогических наук, директор института истории, филологии и востоковедения ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет» (адрес: 693000 г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, д. 290). ORCID: 0000-0002-7707-2833. E-mail: elviralim@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Автор выражает благодарность Дин Юлии Ивановне, кандидату исторических наук, доценту Сахалинского государственного университета за возможность изучения ее публикаций, широко освещающих проблему нашего исследования, а также всем участникам интервью и анкетирования.

Для цитирования: Балицкая И.В., Лим Э.Х. Путь к пониманию Родины: развитие гражданской и этнической идентичностей сахалинских корейцев // Корееведение. 2026. № 1 (14). С. 59—77. DOI: 10.48647/ICCA.2026.76.66.006.

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России № FEFF-2024-0009 («Современные направления взаимодействия университета и этнических диаспор в социокультурном трансграничном пространстве») для ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет».

I.V. Balitskaya, E.H. Lim

The path to understanding the homeland: the development of civic and ethnic identities of Sakhalin Koreans¹

Abstract. This article aims to explore the processes, mechanisms, and factors shaping the civic (Russian) and ethnic identities of different generations of Sakhalin Koreans. It presents a brief analysis of the history of Korean settlement on Sakhalin Island and examines issues of acculturation among Sakhalin Korean repatriates in the Republic of Korea. Difficulties that complicate their integration and sociocultural adaptation are identified, including a lack of knowledge of the literary language, as well as behavioral and mental differences. The disruption of expectations regarding unity with their historical homeland has resulted in the recognition of a mixed identity and a sense of belonging to two homelands: Russia (Sakhalin) and the Republic of Korea. An analysis of interviews demonstrates how representatives of different generations identify themselves within the context of Russian and South Korean cultures. The authors examine the causes behind the formation of a mixed identity and illustrate how attitudes toward the concept of “homeland” are being rethought as a consequence of repatriation and migration.

Keywords: ethnic identity, civic identity, acculturation, repatriation, mixed identity, sociocultural adaptation, values

Authors: Irina V. Balitskaya. Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Foreign languages and Regional Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Sakhalin State University” (address: 693000, Yuzhno-Sakhalinsk, Lenin St. 1. 290). ORCID: 0000-0002-9325-9729.
E-mail: balitskaya_i@mail.ru

Elvira K. Lim. Candidate of Pedagogical Sciences, Director of the Institute of History, Philology, and Oriental Studies, Sakhalin State University (address: 693000, Yuzhno-Sakhalinsk, Lenin St. 1. 290). ORCID: 0000-0002-7707-2833.
E-mail: elviralim@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interests.

Acknowledgments. The author would like to thank Yulia Ivanovna Din, PhD in history and associate professor at Sakhalin State University, for the opportunity to review her publications, which provide extensive coverage of our research topic, as well as all interview and survey participants.

For citations: Balitskaya I.V., Lim E.H. Put' k ponimaniyu Rodiny: razvitie grazhdanskoj i ehtnicheskoj identichnostej sahalinskih korejcev [The path to understanding the homeland: the development of civic and ethnic identities of Sakhalin Koreans] // Koreevedenie [Koreanology]. 2026. № 1 (14). 59—77.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.76.66.006.

Общей характеристикой менталитета большинства сахалинских корейцев является отождествление своей этнической группы с народом Республики Корея, что в разной степени проявляется у разных поколений сахалинских корейцев. Долгое ожидание репатриации, рассказы родителей о далекой родине, их мечты о

¹ This article was prepared as part of the Russian Ministry of Education and Science's state assignment No. FEF-2024-0009 (“Modern Directions of Interaction between the University and Ethnic Diasporas in the Sociocultural Transborder Space”) for Sakhalin State University.

возвращении и страдания разлученных семей сыграли важную роль в формировании образа далекой и долгожданной родины — Кореи. Борьба за репатриацию также повлияла на сильное стремление к единству с исторической родиной и идентификации себя как части южнокорейского общества. Подобное восприятие родины передается как историческая память из поколения в поколение.

Единение сахалинских корейцев с исторической родиной, их воссоединение с семьями, репатриация послужили толчком к осмыслению ряда уникальных социокультурных явлений и вызывали живой интерес и отклик у исследователей. Работы последних базируются на изучении трудов ряда сахалинских ученых-историков (Бок Зи Коу, А.Т. Кузин, Пак Сын Ы, Ю.И. Дин и др.), посвященных истории сахалинских корейцев и затронувших вопросы гражданства, мобильности, сохранения языка и культуры. В свою очередь, эти труды основаны на детальном изучении архивных материалов и личном опыте проживания на территории Сахалинской области (большинство из них являются представителями диаспоры сахалинских корейцев). Анализ исторических аспектов проживания корейцев на территории России позволяет рассмотреть условия, при которых происходило их взаимодействие с государством. Данные труды послужили основой для изучения вопроса формирования этнической идентичности сахалинских корейцев в процессе их интеграции в принимающее общество.

Методы исследования

Статья основана на данных, полученных в результате полевых этнографических исследований в общинах сахалинских корейцев, проживающих как в южнокорейских городах (Сеул, Инчхон, Пусан), так и на Сахалине. Полевые исследования включали опросы и интервью 30 сахалинских корейцев от первого до четвертого поколений. Были использованы следующие методы: интервью, опросы и краткое эссе на тему «Какую страну я считаю своей Родиной». Сахалинским корейцам-репатриантам было предложено заполнить анкету, состоящую из 30 вопросов, включающую задания открытого типа. Интервью проводились с респондентами, заинтересованными в дальнейшем обсуждении предложенной темы. Интервьюируемых попросили рассказать, как они ощущали себя, проживая в России и в Республике Корея. Им было предложено описать становление и особенности их этнокультурной идентичности в период жизни на Сахалине, а также рассказать об опыте жизни в Республике Корея. В ходе собеседования среди прочих были заданы следующие вопросы: а) какую страну они считают своей родиной; б) как они воспринимали себя, проживая в России; в) как они относятся к переезду в Республику Корея; г) что означает для них «быть корейцем». Кроме того, респондентов попросили объяснить своими словами, какую страну они считают своей родиной — подразумевая не место рождения или эвфемизированное понятие, а то место, которое они считают домом. Представителям четвертого поколения было предложено написать сочинение, в котором они могли бы выразить в свободной форме свои чувства по отношению к понятию «родина». Все респонденты были поделены на три группы (1, 2 и 3 и последующие поколения),

и эта категоризация используется для представления результатов исследования. Интервью были проведены на русском языке, который является родным языком сахалинских корейцев от второго до четвертого поколений. Возраст опрошенных — от 20 до 80 лет.

Эмпирическую базу исследования составили опубликованные материалы интервью с представителями корейской диаспоры Сахалина, собранные и изданные Ю.И. Дин в книге «Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграции в советское и российское общество» (2015). Данные интервью рассматривались как первичные источники, позволяющие реконструировать события прошлого.

Вопросы идентичности

Вопросы множественной идентичности иммигрантов изучены в трудах ряда российских и зарубежных ученых (С.А. Арутюнов, Ю.В. Бромлей, В.А. Тишков, D. Bell, J. Cogan, R. Dericott, K. Kwan, S. Ott, T. Shibutani, TG. De Vos), которые считают, что иммигранты могут придерживаться нескольких этнических идентичностей. Под этнической идентичностью понимается сложная социальная категория, определяемая социальной/расовой динамикой, социально-экономическим статусом и геополитическим контекстом. В широком смысле этническая идентичность может трактоваться как чувство принадлежности к другим членам этнической группы, основанное на общих этнических особенностях. [Shibutani & Kwan, 1965]. Она может также пониматься часть самооценки, основанной на том, как человек определяет себя по отношению к своей этнической группе и представителем какой этнической группы он воспринимается окружающими.

Этническая идентичность развивается в контексте общих закономерностей культуры, религии, географии и языков, принадлежащих к одной и той же группе на базе сходных традиций, поведения, убеждений и ценностей [Uba, 1994, с. 89]. На групповом уровне этническая идентичность является основой внутригрупповой солидарности и коллективной мобилизации внутренних ресурсов в противовес представителям иных этнических групп [Peterson, 1980]. Конфликт этнической идентичности по отношению к доминирующей группе наиболее ярко проявляется в процессе иммиграции. [DeVos, 1980].

Существуют способы измерения уровня этнической идентичности, определяющие, в какой степени человек поддерживает солидарность с другими членами собственной этнической группы, разделяет общие ценности и модели поведения. Данное явление называется «этнической привязанностью» (ethnic attachment). В некотором смысле этническая идентичность и этническая привязанность являются двумя сторонами одной медали: чем сильнее этническая идентичность человека, тем сильнее его эмоциональная и поведенческая привязанность к своей этнической общности.

Опыт людей, чья идентичность формируется на стыке культур, характеризуют понятием «смешанная идентичность» (в зарубежных исследованиях получив-

шая название *mixed identity*), описывающим состояние принадлежности к нескольким этническим группам (Л.Р. Назимова).

Важным для понимания вопросов формирования идентичности сахалинских корейцев являются понятия «гражданская идентичность» и его форма «российская идентичность». Гражданская идентичность предполагает осознание своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства, имеющего для него значимый смысл. Российская идентичность рассматривается как конкретная форма гражданской идентичности, реализуемая в Российской Федерации. Это понятие более широкое, включающее не только юридическое гражданство, но и социокультурную интеграцию, принятие русской культуры и языка как основы межнационального общения, ощущение себя частью единой исторической общности — российской нации. Таким образом, соотношение гражданской и российской идентичности можно определить как единство формы и содержания: гражданство обеспечивает юридическую принадлежность к государству, а российская идентичность наполняет эту принадлежность реальным культурно-историческим и ценностным содержанием, делая корейскую диаспору не только частью населения, а органической составляющей российского общества.

Так как сахалинские корейцы идентифицируют себя и интерпретируют свою идентичность множеством способов. Исследование этих процессов является достаточно сложным и требует учета всех особых обстоятельств, оказывающих сильное влияние на жизнь корейской диаспоры.

История сахалинских корейцев

Массово корейцев начали завозить на Сахалин в качестве подневольных работников во время Второй мировой войны. В 1905 г., после поражения России в русско-японской войне, о. Сахалин был разделен между Россией и Японией. Так как остров был богат месторождениями угля, лесными угодьями, рыбными промыслами, он представлял значительную ценность и интерес для бедной ресурсами Японии. Однако для реализации подобных экономических проектов требовалась дешевая рабочая сила, и она была найдена в Корее [Lankov, 2010]. Корейцы начали прибывать на остров в растущем количестве начиная с 1930-х годов. Сначала это была добровольная миграция, так как корейцев привлекали на Сахалин высокой заработной платой. В начале 1940-х годов все больше корейских рабочих стали привозить в качестве мобилизованной рабочей силы. К 1945 г. на острове проживало около 23 500 корейцев. В последние годы оккупации Кореи около 40 тыс. корейцев было отправлено на юг Сахалина, а затем на территорию Японии [Дин, 2015, с. 58].

На Сахалине японское правительство в отношении корейского населения проводило жесткую ассимиляционную политику. Корейцы выполняли самую опасную низкооплачиваемую работу на шахтах, в лесодобывающей, рыбопромышленной отраслях промышленности. Корейские дети посещали японские школы, где преподавание велось на японском языке и был введен запрет на использова-

ние родного языка. Детей строго наказывали за то, что они разговаривали между собой на корейском языке. Таким образом предполагалось ассимилировать корейских детей в японскую культуру. Строгие правила в японских школах очень сильно повлияли на характер корейского народа.

По итогам Второй мировой войны в 1945 г. южная часть Сахалина была возвращена Советскому Союзу. Политические обстоятельства не позволили корейцам, проживающим на Сахалине, вернуться на родину, при этом по ряду исторических и политических причин они не получили советское гражданство. Сложившаяся политическая ситуация сделала репатриацию в южную часть Корейского полуострова практически невозможной. В результате корейцы постепенно принимали правила жизни принимающего общества: «Интеграция в советское общество в тот период предполагала адаптацию к жизни элементов своей культуры, в том числе отказ от ее некоторых составляющих (например, языка) и восприятие особенностей русской культуры» [Дин, 2022, с. 305]. Принятие русских имен, обучение на русском языке в школе способствовали ассимиляции корейцев в советском обществе. «В результате корейцы вынуждены приспосабливаться к окружающим их обстоятельствам, обучаться новому языку, осваивать чуждую им культуру и стиль мышления» [Пак Сын Ы, 2019, с. 144]. Корейцы не отличаются от местных русских в таких аспектах, как использование языка, образ жизни, и в то же время они полностью поддерживают этнические предпочтения в браке, рационе питания и ритуалах.

Постсоветская социальная трансформация в 1990-е годы сняла все старые ограничения для сахалинских корейцев. Принятие большинством из них российского гражданства повлекло за собой увеличение потока переселенцев в континентальную часть страны. Рост мобильности корейского населения Сахалина был обусловлен комплексом причин, среди которых ключевую роль сыграла либерализация режима внутренней миграции и усиление экономических позиций корейцев в регионе. В этот период начинают создаваться корейские культурные центры и ассоциации, языковые курсы, кружки традиционного корейского искусства, в которых ощущалась острая потребность. Корейский язык и смежные с ним дисциплины страноведческого характера были включены в образовательные программы учебных заведений. В 1991 г. в Южно-Сахалинском государственном педагогическом институте на базе корейского и японского отделений был образован восточный факультет, где готовили учителей корейского языка и специалистов в области литературы Кореи [Бок Зи Коу, 1993, с. 160—161].

Демократизация всех сфер жизни российского общества, снятие запретов на межгосударственные контакты, возможность личных поездок за границу, а также установление дипломатических отношений позволили России и Республике Корея открыть полноценный диалог на межгосударственном уровне, в том числе и по проблемам сахалинских корейцев [Дин, 2015, с. 190]. Для корейской общины СССР последствия перестройки и установление дипломатических отношений ознаменовали начало нового этапа: советские корейцы (в том числе сахалинские) получили возможность репатриации и начали переселяться в Республику Корея.

Большинство респондентов указали, что в период проживания на Сахалине не сталкивались с серьезными материальными и социальными трудностями. Основным мотивом их переезда стало стремление вернуться на историческую родину. Среди веских причин переезда они называли следующее: «тоска по родине» и «желание быть похороненным в Корее». В интервью один из репатриантов первого поколения объяснил, в чем заключалась основная причина его решения поехать в Корею:

«Я родился на Карафуте в 1942 г. в корейской семье. С детства я увлекался языком и культурой предков. Мои родители и бабушка рассказывали о нашей далекой родине, мечтали вернуться туда. Но их мечты не сбылись. Наши бабушка и дедушка умоляли нас не забывать нашу историческую родину. Они просили нас переехать в Южную Корею на постоянное место жительства при первой возможности. Это повлияло на мое решение переехать в Южную Корею» (Интервью с Пак Сын Ы. Инчхон, 18.11.2018).

Репатриация и адаптация в южнокорейском обществе

В конце 1990-х правительство Республики Корея совместно с организацией Красного Креста развернули программу репатриации сахалинских корейцев. После долгих переговоров, которые велись с начала 1990-х годов, трехсторонняя комиссия (Республика Корея, Япония, Россия) приступила к реализации данной программы. Япония, взяв на себя ответственность за насильственное переселение ею корейцев на Сахалин, выделила финансовые средства на программу переселения для выразивших желание вернуться в Корею. Однако участвовать в программе репатриации могли только корейцы первого поколения [Дин 2015, с. 196].

Начиная с середины 1990-х первые группы репатриантов начали прибывать в Южную Корею. Общество Красного Креста Японии и РК выделило 3 млрд 26 млн йен на строительство и оборудование дома престарелых на 100 мест в г. Инчхон и специального квартала «Кохян маыл» (Родная деревня) на 500 квартир в г. Ансане, куда после 2000 г. вселилось более 800 репатриантов с Сахалина [Пак Сын Ы, 2019, с. 95].

Репатрианты селились компактно в специально построенных кварталах в городах Сеул, Ансан, Инчхон и др. Они получили компенсации за невыплаченную заработную плату во время работы на территории японского Сахалина. Переселенцам были предоставлены частично меблированные и оборудованные всем необходимым для жизни квартиры. Также им назначались месячные выплаты в размере 700 йен и некоторые компенсации, в том числе выплата стоимости билетов на Сахалин (один или два раза в год). Комфортные условия проживания, высокий уровень медицинского обслуживания, чувство уверенности в будущем явились причиной оттока около 4200 корейцев первого поколения, которые в настоящее время проживают в 19 городах Южной Кореи [Пак Сын Ы, 2019, с. 96].

Несмотря на то, что русскоязычные корейцы возвращаются к своему родному этносу, они испытывают социальные и культурные трудности. Проблема

адаптации русскоязычных корейских иммигрантов в среде иностранной культуры была изучена корейскими учеными [Lee, 2012; Park, 2019; Yoon, 2000]. Современные исследования посвящены вопросам правового обеспечения репатриантов и анализу процессов их адаптации в принимающем обществе. Ученые Республики Корея обнаружили, что адаптация русскоязычных корейских иммигрантов представляет собой набор сложных многогранных процессов и является неоднозначным явлением. В трудах российских исследователей подчеркивается, что существующие институциональные различия, психическая и социально-практическая удаленность усложняют процесс интеграции репатриантов в принимающее общество [Соколова, 2012].

Осуществление мечты возвращения и проблемы интеграции: первое поколение

Вернувшись «домой» в рамках программы репатриации, сахалинские корейцы первого поколения осознали, что их мечта осуществилась. После многих лет, прожитых на Сахалине, большинство из них называли свою новую жизнь в Корее «раем». Они осознали, что осуществили мечту своих родителей и выполнили важную миссию единения с исторической родиной: многие из них встретили своих родственников и посетили могилы предков.

«Первая встреча с Кореей была, как глоток свежего воздуха. Мы получили двойное гражданство, пособие на проживание и медицинскую страховку. Люди относились к нам как к жертвам японских колонизаторов» [П., мужчина, 1942, Инчхон, 18.11.2018].

Несмотря на общую удовлетворенность уровнем жизни, репатрианты, тем не менее, испытывают ряд трудностей. Основной из них они считают языковой барьер, препятствующий интеграции в сплоченное общество Республики Корея. В интервью репатрианты подтвердили, что наиболее серьезной проблемой интеграции является недостаточное знание современного литературного корейского языка, мешающее им войти в социокультурный «мейнстрим» южнокорейского общества. В советский период корейцы утратили знание родного языка, на нем говорили только в семье, к тому же диалект, на котором говорили сахалинские корейцы, сильно отличался от современного языка Южной Кореи. «По итогам переписи 1989 г., из проживающих в Сахалинской области 35,2 тыс. корейцев своим родным языком считали корейский 12, 9 тыс., или 36,6 %, тогда как в 1959 г. — 39,7 тыс., или 93,8 %» [Кузин, 2010, с. 7].

Важную проблему составляет участие репатриантов в социальной жизни страны. Многие из опрошенных отмечали, что пытаются активно в ней участвовать, общаться с местными жителями, но чаще эта деятельность ограничивается сообществом сахалинских корейцев. Респонденты указывали на отсутствие возможности устроиться на работу, поскольку получение пенсии в Республике Корея возможно при отсутствии работы, но если она есть, то это приводит к сокращению размера пособий. Одна из участниц интервью отмечает, что ей надоела

беззаботная жизнь в Южной Корее и ей хочется вернуться обратно на Сахалин, но ее мужу нравится жить в Корее и он не хочет возвращаться назад.

«Мы живем здесь, конечно, очень хорошо. Наша квартира хорошо оборудована и в ней есть все необходимое; нам даже не нужно часто выходить на улицу. Но даже когда мы выходим, нам нечего делать. Наша жизнь на Сахалине была другой — мы работали все время! Теперь мне не нужно работать в саду ... Скучно! Я не хочу оставаться здесь, я просто думаю о том, как вернуться. Но моему мужу это нравится, и пути назад нет» [Т., женщина, 1943, Инчхон, 18.11.2018].

Прожив некоторое время в Корее, репатрианты начали понимать, что годы, проведенные на Сахалине, оказали большое влияние на их жизнь и менталитет. Многие респонденты признались, что испытывают чувство тоски по Сахалину, с которым у них связаны все жизненные воспоминания. Некоторые в интервью упоминали, что скучают по своему привычному на Сахалине образу жизни, занятиям, отдыху. Им нравится вспоминать, как они ловили рыбу, собирали травы и ягоды, встречались с людьми из местных общин. На вопрос, чувствуют ли они тоску по своей жизни на Сахалине, большинство из них отвечали утвердительно.

«Да, конечно. Ведь вся моя жизнь прошла на Сахалине. Наши дети и внуки остались там. Большая часть воспоминаний связана с Сахалином» [П.И., женщина, 1943, Инчхон, 18.11.2018].

Самой болезненной проблемой для репатриантов — представителей первого поколения оказалась разлука с родственниками, оставшимися на Сахалине, невозможность часто видеть детей и внуков. С этим связаны чувства ностальгии и тоски, по этой причине репатрианты стремятся выезжать на Сахалин один или два раза в год, чтобы навестить своих родственников.

«Мы стараемся хотя бы раз в год ездить на Сахалин: ведь мы прожили там почти 70 лет, и там живут наши дети и внуки. Сахалин — наша маленькая родина» [Там же].

Возможность репатриации только первого поколения сахалинских корейцев обозначило еще одну проблему, которую они называли «новым разделением семей». Группа сахалинских корейцев обратилась в парламент Республики Корея с просьбой принять закон о репатриации на историческую родину других поколений сахалинских корейцев. После ряда обращений в 2020 г. были внесены поправки в закон о репатриации сахалинских корейцев, что усилило правовую основу для постоянного возвращения и обустройства в Республике Корея. В марте 2023 г. был принят Акт о содействии сахалинским корейцам (Special Act on Assistance to Sakhalin Koreans), который консолидировал и усилил предыдущие законы по репатриации. Ключевыми его положениями являются содействие сахалинским корейцам и членам их семей в постоянном возвращении в Республику Корея, поддержка их обустройства и совершенствование процесса репатриации¹.

¹ Special Act on Assistance to Sakhalin Koreans. Act no. 17305, May 26, 2020. Amended by Act no. 19228, March 4, 2023. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=64657&type=part&key=44 (accessed: 11.01.2026)

Тем не менее внесенные поправки полностью не решили всех проблем сахалинских корейцев, желающих поддерживать связи с исторической родиной.

«Сейчас можно поехать и другим поколениям. Государство оказывает помощь по приезду, помогают устроиться, получить пособия, но есть и ограничения, наш уровень жизни в Корее должен соответствовать статусу репатрианта, иначе можно лишиться всех пособий» [Елена Ч., 1965 г., Южно-Сахалинск, 12.12.2025].

Осознание смешанной идентичности

Живя в Корее, репатрианты стараются поддерживать российскую и корейскую идентичности. Это отражается в их желании отмечать как русские, так и корейские праздники. В общинах сахалинских корейцев-репатриантов популярны клубы корейской культуры, в которых они изучают национальные корейские костюмы, учатся играть на музыкальных инструментах, петь корейские народные песни и т. д. В то же время репатриантам нравится отмечать российские государственные праздники, такие как День Победы, Новый год, Международный женский день, напоминающие им о жизни в России.

В интервью многие репатрианты отмечали, что не чувствуют себя гражданами Республики Корея из-за ментальных и поведенческих различий с южнокорейцами. В результате нарушения ожиданий чувства единения с исторической родиной возникло чувство отчужденности и тоски по привычной среде, в которой они прожили много лет. Некоторые репатрианты признали, что испытали некоторое разочарование после встречи с родственниками, поскольку ожидали совершенно иных отношений. Некоторые респонденты сказали, что им не удается поддерживать близкие отношения со своими родственниками: *«С ними сложно поддерживать отношения из-за очень разного менталитет»; «У них своя жизнь, они всегда заняты».*

«С бабушкой мы всегда поддерживали связь, а что касается остальных, с которыми не были знакомы, по рассказам отца, — они не особо горели желанием начать с нами общаться и восстанавливать отношения [Игорь К., мужчина, 1989, Инчхон, 10.12.2025].

В проведенных исследованиях проблем репатриации сахалинских корейцев южнокорейскими учеными отмечается, что репатрианты испытывают серьезное психологическое напряжение [Baik, 2007, p. 13]. Нередки случаи, когда дети, оставшиеся жить на Сахалине, забирают старых родителей, зная о приближении их кончины. Некоторые респонденты признавались в интервью, что они хотели бы вернуться на Сахалин, чтобы быть в окружении более близких людей и быть похороненными на Сахалине.

Многие репатрианты отметили, что они переосмыслили понятие «родина». Представители первого поколения сахалинских корейцев всю свою жизнь считали Корею своей родиной, но только после репатриации они начали ощущать, что родина — это то место, где они провели всю жизнь и где остались их дети.

«Я чувствую себя потерянным “внуком”, который родился за границей и вернулся в семью деда. Я понимаю слово “родина” как место, куда вы всегда хотите вер-

нуться, где вас могут понять и принять. Но я чувствую, что жизнь в Корее — это не мое. Это похоже на раздвоение личности: мой разум — корейский, но не покидает ощущение, что я не понимаю, кто я» [П., мужчина, 1942, Инчхон, 18.11.2018].

После истечения пятилетнего срока проживания в Южной Корее репатрианты должны решить, принять ли им гражданство Республики Корея или оставить российское. Многие из них склоняются к принятию южнокорейского гражданства, однако определенный процент репатриированных в Южную Корею решили вернуться на Сахалин из-за проблем адаптации.

Второе поколение

Сахалинские корейцы второго поколения выросли с осознанием принадлежности к корейской культуре; они тщательно соблюдают корейские ритуалы и традиции и могут говорить по-корейски в повседневной жизни, несмотря на то что русский является их первым языком. Они воспитывались в закрытых сообществах и в основном общались с корейскими сверстниками. На формирование их идентичности большое влияние оказала память о семейных связях с родственниками на Юге и Севере Корейского полуострова, стремление сохранить среду корейской культуры, история и положение их этнокультурной группы в контексте российского общества, а также взаимодействие с Южной Кореей в составе сахалинской диаспоры [Lee, 2011].

Проживая за пределами исторической родины в течение всей жизни, представители второго поколения прошли различные стадии аккультурации [Berry, 2003]: от насильственного подавления этнической идентичности (период японской оккупации Сахалина) и сепарации (изолированное проживание в обособленных районах населенных пунктов) до полной интеграции в общегосударственную культуру.

В диаспоральных сообществах люди часто связывают свою идентичность с чувствами принадлежности и отчуждения как к стране своего проживания и гражданства, так и к этнической родине. Этническое самосознание зависит от того, насколько важна этническая культура в повседневной жизни, а также от возможности ее сохранения и интеграции в культуру этнического большинства. Эмоциональная связь с образом исторической родины обеспечивает набор общих идентификаций — в языке, еде, музыке, именах, — тогда как другие социальные роли становятся более абстрактными и безличными [Bell, 1975]. Необходимость адаптации для улучшения социального статуса и уровня жизни, для получения образования ведет к осознанию необходимости овладеть русским языком как основным и, как следствие, к принятию стиля поведения доминирующей группы для адаптации к советскому/российскому обществу.

Различия в жизненном опыте, равно как и такие особенности, как пол, социальный уровень и поколение, влияют на определение людьми своей идентичности. Кроме того, контуры развития идентичности со временем меняются. Таким образом, этническая идентичность не является ни статичной, ни однородной категорией. Соответственно, сахалинские корейцы по-разному интерпретируют и

определяют свою идентичность [Lee, 2011, p.71]. Мировоззрение сахалинских корейцев второго поколения, образ жизни и социальное поведение, приобретенные в СССР/России, впоследствии стали камнем преткновения при попытке интегрироваться в современное южнокорейское общество. На этническую идентификацию корейцев оказал влияние их отказ в отъезде вместе с родителями на постоянное проживание в Республику Корея.

Восприятие Республики Корея как страны благополучия формирует идентичность сахалинских корейцев и играет ключевую роль в самосознании диаспоры. Традиция подчинения родителям, типичная для конфуцианской культуры, также оказала должное влияние на формирование этнической идентичности сахалинских корейцев второго поколения. Например, один из интервьюируемых сказал, что желание его отца поехать в Южную Корею сильно повлияло на его решение покинуть Россию.

«В любом случае, жить в Корее лучше, чем здесь! ... Мы не понимали его в то время. Мы родились здесь, а он стремился поехать в Корею, потому что это было его место рождения. Мы бы тоже поехали с ним, конечно, если бы была возможность» [Л., мужчина, 1951, Углезаводск, 01.02.2009]. [Дин, 2015)].

Однако были и другие мнения среди корейцев второго поколения.

«Сначала я думал, что я тоже кореец... Как туда поехал, увидел, насколько мы разные, уже не думаю так... Я вроде и кореец по национальности, но раз на настоящих корейцев не похож, значит, уже вроде как и не кореец... Я вот с братом двоюродным — он кореец — разговаривал. Он мне сказал, что вот есть у него фирма, и даже если он захочет иностранца поставить начальником отдела, другие все возмутятся и не будут подчиняться ему. Иностранцы считаются аутсайдерами, ниже корейцев.

«А что там делать? По своей специальности ты не устроишься никак. Поэтому нечего делать сахалинским корейцам там. Только кто в возрасте, тем можно. Добиваться ничего не нужно, доживай тихо» [Д., мужчина, 1952, Южно-Сахалинск, 12.04.2009] [Дин, 2015, с. 219].

Плохое знание литературного корейского языка, русский менталитет и стиль поведения, отсутствие признаваемого в Корее образования и трудности в построении карьеры изменили отношение корейцев второго поколения к своей исторической родине. Кроме того, как утверждает сахалинский историк, исследователь корейской диаспоры на Сахалине Ю.И. Дин, «... сахалинские корейцы достаточно успешно смогли вписаться в новые капиталистические реалии России..., оказавшись в других социально-культурных условиях, [однако] многие сахалинские корейцы испытали разочарование и предпочли вернуться в Россию» [Дин, 2019, с. 265]. В процессе интеграции в южнокорейское общество они сталкиваются с проблемами, и на первый план выходит русская культура и российская идентичность.

«Я здесь родилась, [у меня] семья, дети ... Я считаю, родина там, где ты живешь, правильно я говорю? Так что, я знаю, что я по национальности кореянка, да, но я здесь родилась» [Ли И., женщина, 1965, Южно-Сахалинск, 15.06.2019] [Дин, 2015, с. 219].

Сахалинские корейцы второго поколения по-разному выражают свою идентичность. По мнению Ю. И. Дин, отношение к проявлению собственной этнической идентичности может быть выражено по-разному: некоторые из них чувствуют себя подобно корейцам, любящим своих родителей, но живущим далеко от своей родины; некоторые считают, что они русские без привязанности к какой-либо этнической группе. Часть из них воспринимают себя людьми, не имеющими четкой этнической привязанности: они родились, выросли и живут на Сахалине, соблюдают корейские и русские обычаи, говорят на двух языках, живут по российским законам и при этом их интересует все, что связано с Республикой Корея.

Третье и последующие поколения

Сахалинские корейцы третьего поколения во многом отличаются от первого и второго поколений. Им 35—40 лет, они не учились в корейских школах и практически не знают корейский язык (за исключением немногих, кто изучал его специально): «К 1990 г. более двух третей сахалинских корейцев имели ограниченные знания или вообще не владели родным языком, в то время как их культурные традиции сохранились на острове» [Park, 2019, p. 266]. Они не испытывали проблем с получением советского/российского гражданства; они общаются равно как с русскими, так и с корейцами. В интервью представители третьего поколения замечали, что редко задумываются о своей идентичности.

«На самом деле редко задумываюсь, кто я. Только когда я приезжаю в Корею или когда в окружении корейцев из Южной Кореи.

Очень редко, например когда я отвечаю на этот вопрос» [Л., мужчина, 1977, Южно-Сахалинск, 14.08.2010].

Юлия Дин утверждает, что вследствие отсутствия внутренних конфликтов в процессе самоидентификации у корейцев не возникает более глубоких размышлений об идентичности. Практически все опрошенные представители третьего поколения, независимо от того, как их предки оказались на Сахалине, идентифицируют себя как «местные корейцы», подчеркивая тем самым их отличие от южнокорейцев.

«Раньше я думал, кто я — русский или кореец, и решил, что я — отдельная национальность, я в первую очередь сахалинский кореец. Я не чувствую себя хангуком¹. Я думаю и говорю по-русски. Менталитет и мировоззрение никогда не изменятся. Мне нравятся корейцы, но я не чувствую связи с ними. Они для меня, как японцы, американцы, — просто другая нация. Не такие, как мы, а если такие, то я не кореец [К., мужчина, 1990, Южно-Сахалинск, 23.08, 2010], [Дин, 2015].

На этническую идентичность влияют различные жизненные обстоятельства. Этническая идентичность изменчива и не является постоянной категорией. Степень, в которой человек идентифицирует себя как члена этнической общности,

¹ Хангук (Hanguk) — слово, которым сахалинские корейцы называют жителей Южной Кореи, подчеркивая таким образом их отличие.

одинакова для всех, но различна для групп людей, живущих в разных социальных средах [Cogan and Dericott, 2000].

Когда представители третьего и четвертого поколений размышляют о концепции родины, они также связывают ее с Республикой Корея. Их образ родины связан с предками и возможностью их собственной репатриации. В своих очерках «Моя Родина» сахалинские корейцы третьего и четвертого поколений отметили, что их мысли о родине всегда связаны с образом Кореи, ее культурой и традициями.

«Как сахалинский кореец третьего поколения, я думаю, что Корея также является моим домом. Я не различаю Южную и Северную Корею, говоря о Родине. Корея для меня — это Корейский полуостров с его древней и разнообразной культурой, которая мне дорога и интересна» [П., мужчина, 1995 г., сентябрь 2013 г.].

Отношение к родине сахалинских корейцев третьего поколения в целом отличается от ее восприятия вторым поколением. Всех респондентов можно разделить на две группы: те, кто считает себя корейцами и готовы уехать на постоянное место жительства в Республику Корея, и те, для кого Россия и Сахалин стали единственной родиной. Мигранты, которые не смогли адаптироваться экономически и социально, понимают, что они могут жить в России более успешно. Они не ощущают себя «настоящими корейцами» и не считают необходимым преодолевать трудности и проблемы, связанные с возможным переездом в Южную Корею. Такая важная часть этнической самобытности, как определение понятий «родина» и «дом», для большинства сахалинских корейцев третьего поколения определяется прагматично:

«Родина — это дом. Тот дом, откуда ты вышел и куда хочешь всегда вернуться. Моя Родина — Сахалин» [Т., женщина, 1989, 14.08.10., Южно-Сахалинск] [Дин, 2015, с. 221].

Некоторые сахалинские корейцы третьего поколения делали попытки переехать в Южную Корею, но они столкнулись с еще более серьезными проблемами, включая трудности в общении и дискриминацию, а иногда неприятие местными жителями, и вернулись на Сахалин. Многие из них отмечают, что уровень владения языком также является серьезным препятствием для жизни в Корее.

«Думая о своей принадлежности к одной из этих стран, я бы выбрал Россию. Сформированный в России менталитет часто противоречит взглядам южнокорейских граждан. Я думаю, что родина — это место, где ты родился» [С., мужчина, 1992, 10.10.2016, Южно-Сахалинск].

Многие представители третьего поколения осознали невозможность полной интеграции и улучшения своего социально-экономического положения в Республике Корея и заявили, что не ощущают себя частью южнокорейского общества. Интересно, что, отвечая на вопрос о родине, они называют не Россию, а Сахалин. Они идентифицируют себя как сахалинских корейцев, подчеркивая их отличие от южнокорейских и корейцев материковой части России.

Отдельная группа сахалинских корейцев смогла адаптироваться в южнокорейском обществе (в основном это представители третьего поколения). Это те, кто имеет высшее образование и знает корейский или свободно говорит по-английски. Их переезд обычно связан с профессиональным продвижением или биз-

несом. Эти корейцы переехали на работу в Республику Корея, но не определились с планами своего дальнейшего пребывания в стране. Они признают, что могут вернуться в Россию или переехать в другую страну, если этого потребуют их жизненные интересы. Возможно, по этой причине они упоминают, что не хотят, чтобы их дети полностью ассимилировались в корейском обществе.

«Как минимум хотелось, чтобы они знали русский язык и своих родственников на Сахалине» [Игорь К., мужчина, 1989, Инчхон, 10.12.2025].

Респонденты отмечают, что для их детей предпочтительнее ходить в корейский детский сад, но для дальнейшего образования они выбрали бы международные школы. Кроме того, они отмечают, что никогда не испытывали особой тоски по дому, объясняя это тем, что из-за близкого территориального расположения они могут легко вернуться на Сахалин в любое время. Посещая Сахалин довольно часто, они не теряли связи с друзьями и родственниками. Однако в последнее время, когда прямое авиасообщение между Сахалином и Южной Кореей было нарушено, представители этой группы замечают, что испытывают потребность приезжать на Сахалин чаще.

«Еще ни разу не выезжал. Конечно, хотелось бы чаще, раз в год на месяц хотя бы. В первую очередь хочется навестить семью и друзей» [Игорь К., мужчина, 1989, Инчхон, 10.12.2025].

Представители этой группы имеют в Южной Корее статус легальных резидентов и, следовательно, пользуются всеми правами и преимуществами. В интервью они говорят, что вполне удовлетворены уровнем жизни в Корее:

«У нас есть такие же льготы, как медицинское страхование и т. д., поскольку многие льготы доступны для иностранцев, которые живут в стране» [Тен А., жен., 1982, Сеул, 20.11.2018].

Социокультурная адаптация этой группы проходит намного легче. Они хорошо осведомлены о причинах социокультурных различий, и это помогает им легко адаптироваться к жизни в принимающем обществе. Эти корейцы смотрят на отношения с местными жителями более реалистично и принимают свой новый образ жизни, пытаясь понять разные стили существования южнокорейского общества и узнать о различных традициях и истории. Такой подход позволяет им лучше осознавать свою личность, глубже понимать различия в менталитете:

«Я всегда стараюсь понять особенности поведения местных корейцев и быть терпимым» [Ким М., мужчина, 1979, Сеул, 21.11.2018].

«Я постоянно общаюсь с местными. В 80 % случаев все понимаю. Не понимаю только, если [приходится] общаться на глубокие философские темы или разговариваю по телефону с автоответчиком» [Игорь К., мужчина, 1989, Инчхон, 10.12.2025].

Представители этой группы считают принимающее сообщество достаточно дружелюбным и позитивным. В интервью они отмечали, что никогда не сталкивались с какими-либо предрассудками. Респонденты этой группы подчеркивают, что не считают себя настоящими корейцами. Один из участников интервью отметил, что местные жители обычно мало знают о сахалинских корейцах и воспринимают их как этнических корейцев из другой страны.

Заключение и выводы

Полностью осознать свою идентичность сахалинские корейцы смогли только в результате репатриации или миграции. Согласно данным ученых, изучающих процессы социокультурной адаптации сахалинских корейцев-репатриантов, большинство из них успешно усваивают новые правила и ценности и действуют в соответствии с правилами принимающего общества, тем самым сокращая дистанцию культурных различий. С другой стороны, институциональные различия, социальная и практическая удаленность возвращающихся, ряд объективных и субъективных факторов усложняют процесс адаптации. Представители первого поколения, считавшие Корею своей родиной на протяжении всей своей жизни, легче интегрируются в принимающем обществе. Эффективный процесс аккультурации связан с наличием четких адаптационных систем, основанных на идеальном образе исторической родины, сформировавшемся в годы вынужденной эмиграции. Тем не менее они столкнулись с рядом трудностей, усложняющих их полную интеграцию и социокультурную адаптацию: незнание литературного языка, разлука с детьми и внуками. В таких условиях они начали осознавать смешанную идентичность и связывать мысли о родине с Сахалином, в результате многие пришли к пониманию того, что родина — это место, где они прожили всю свою жизнь и где остались их дети. Многие из них не пришли к четкому осознанию, какая страна в большей степени может считаться их родиной.

Второе и третье поколение сахалинских корейцев по сравнению с первым испытали больше трудностей с адаптацией после их миграции в Южную Корею. Они сталкивались с трудностями интеграции в рыночную экономику и урбанизированное общество Республики Корея. Незнание литературного языка, норм, правил и законов южнокорейского общества, культурных различий привело к тому, что сахалинские корейцы больше не воспринимают себя как «настоящие корейцы» и как часть южнокорейского общества. Некоторые из них испытывали серьезные трудности в общении с местными жителями и даже неприятием последними (местные жители считают их иностранцами).

Именно проблемы адаптации часто являются причиной возвращения на Сахалин. Российская идентичность у корейцев формировалась через глубинные культурные процессы и является доминирующей для большинства представителей этой общности.

Представители второго и третьего поколения сахалинских корейцев, проживающие в Южной Корее, обычно поддерживают российскую идентичность. Осознав практическую невозможность полной интеграции в корейское общество, они изменили свое отношение к «исторической родине», образ которой формировался на основе идеализированных рассказов людей старшего поколения. Они часто связывают понятие родины с местом своего постоянного проживания, а именно с Сахалином, и идентифицируют себя как сахалинские корейцы. Так, некоторые сахалинские ученые (Дин, 2015) говорят о появлении нового этнонима — «сахалинские корейцы».

Некоторые представители третьего поколения сахалинских корейцев успешно интегрировались в южнокорейское общество, но они не считают себя его частью и не испытывают особой привязанности ни к одной стране.

Представители четвертого поколения, проживающие на Сахалине и имеющие опыта долгого проживания в Южной Корее, называют Корею своей родиной, но при этом подразумевают некий абстрактный, идеализированный образ как воплощение их желания понять собственную этническую идентичность.

Для современных сахалинских корейцев характерно сложное соотношение разных уровней идентичностей: этнической, региональной, российской (гражданской). Восприятие родины сахалинских корейцев неоднозначно в зависимости от поколения и их опыта проживания в Республике Корея, а также способности адаптироваться и чувствовать себя комфортно в новых условиях жизни. Образ исторической родины и чувство этнической принадлежности по-прежнему сильно влияют на приверженность той или иной стране, которую они считают своей родиной. Однако сформировавшиеся привычки жизни в другой стране являются причиной смешанной идентичности, привязанности и лояльности к двум странам. Пройдя трудный путь адаптации в российском обществе, большая часть представителей сахалинской корейской диаспоры не захотела менять страну проживания, столкнувшись в Южной Корее с явными трудностями, проблемами и неясными перспективами их социально-экономической мобильности.

Библиографический список

Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинский государственный педагогический институт, Сахалинский центр документации новейшей истории, 1993. 222 с.

Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: ОАО «Сахалинская областная типография», 2015. 332 с.

Дин Ю.И. Влияние пореформенного и постреформенного периода на жизнедеятельность и миграцию сахалинских японцев и корейцев // Реформы конца XX—начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. 2020. № 1. С. 261—267. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-poreformennogo-i-postreformennogo-perioda-na-zhiznedeyatelnost-i-migratsiyu-sahalinskih-yapontsev-i-koreytssev> (дата обращения: 10.01.2026).

Дин Ю. И. Интеграция сахалинских корейцев в советское общество (1940-е—1960-е годы) // Современные проблемы Корейского полуострова / Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 299—307.

Ким Г. Н. Материковые и сахалинские корейцы: различия и сходства // ЦЕНТР КОРЕЕВЕДЕНИЯ. 2020. С. 146.

Кузин А.Т. Сахалинские корейцы: из истории национальной школы (1925—2000-е гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. № 4. С. 3—8.

Пак Сын Ы. Сахалинские корейцы в поисках идентификации. Монография. М.: Перо, 2019. 324 с.

Соколова Д.А. Особенности процессов социокультурной адаптации русскоговорящих корейских репатриантов в Республике Корея (1998—2011 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12 (1). С. 387—389.

Balitskaya I., Park J. Education and mobility of Korean diaspora in Sakhalin //International Journal of Comparative Education and Development. 2015. Vol. 17. (2). P. 82–96.

Baik, Seung-min. History of the Sakhalin Koreans //Korean Minjok Leadership Academy international program. 2007.

Bell, D. Ethnicity and Social Change. Ethnicity: Theory and Experience, In N.Glazer, D.P.Moynhon (Eds.), Ethnicity: theory and experience (pp. 141–176), Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1975. P. 161.

Cogan, J. & Dericott, R. Citizenship for the 21st century: an International Perspective on Education (rev). London: Kogan Page Limited. 2014.

DeVos G. A. Ethnic adaptation and minority status //Journal of Cross-Cultural Psychology. 1980. Vol. 11. № . 1. pp. 101–124.

Lankov, A. N. Forgotten People: The Koreans of Sakhalin Island. 1945–1991.// Transactions: Royal Asiatic Society, 2010. 85(1), p. 13–28.

Lee D. Sakhalin Korean Identity & Engagement in the 21 st. Century Korean Diaspora // Unpublished Senior Thesis, Pomona College, Claremont, California. 2011.

Ott, S. The Organizational Culture Perspective. Chicago: The Dorsey Press. 1989.

Park J., Balitskaya I. Power relations and education of the Korean minority in the Japanese Karafuto and Soviet/Russian Sakhalin // Education, ethnicity and equity in the multilingual Asian context. Singapore: Springer Nature Singapore, 2019. P. 255–273.

Park J., Balitskaya I. Power relations and education of the Korean minority in the Japanese Karafuto and Soviet/Russian Sakhalin //Education, ethnicity and equity in the multilingual Asian context. Singapore: Springer Nature Singapore, 2019. P. 255–273.

Shibutani T., Kwan K.M., Billigmeier R.H. Ethnic stratification: A comparative approach. New York: Macmillan, 1965. P. 117–120.

Uba, L. Asian Americans: Personality Patterns, Identity, and Moral Health. New York: Guilford Press.1994.

Yoon I. J. Forced relocation, language use, and ethnic identity of Koreans in Central Asia // Asian and Pacific Migration Journal. 2000. Vol. 9. № 1. P. 35–64.

References

Bok Zi Kou (1993). Koreitsy na Sakhaline [Koreans on Sakhalin] Yuzhno-Sakhalinsk.: YUSGPI – Sakhalinskii tsentr dokumentatsii i sovremennoi istorii, 1993. 222 p. (In Russian)

Balitskaya I., Park J. (2015) Education and mobility of Korean diaspora in Sakhalin, International Journal of Comparative Education and Development. Vol. 17. (2): 82–96.

Baik, Seung-min (2007). History of the Sakhalin Koreans. Korean Minjok Leadership Academy international program.

Bell, D. (1975). Ethnicity and Social Change. Ethnicity: Theory and Experience, In N.Glazer, D.P.Moynhon (Eds.), Ethnicity: theory and experience: 141–176.

Cogan, J. & Dericott, R. (2000). Citizenship for the 21st century: an International Perspective on Education (rev). London: Kogan Page Limited.

De Vos, G. (1980). Ethnic adaptation and minority status, Journal of Cross-Cultural Psychology. 11: 101–124.

Din YU.I. (2015). Koreiskaya diaspora Sakhalina: problema repatriatsii i integratsiya v sovetskoe i rossiiskoe obshchestvo. [Korean diaspora of Sakhalin: the problem of repatriation and integration into Soviet and Russian society] Yuzhno-Sakhalinsk: OAO "Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya", 2015. 332 p. (In Russian)

Din YU. I. (2020) Vliyanie poreformennogo i postreformennogo perioda na zhiznedeatel'nost' i migratsiyu sakhalinskikh yapontsev i koreitsev [The influence of the post-reform and post-reform period on the life and migration of Sakhalin Japanese and Koreans] //Reformy kontsa XX—nachala XXI v. na postsovetskom prostranstve: regional'nyi aspekt. 2020. № 1.: 261—267. (In Russian)

Din YU. I. (2022) Integratsiya sakhalinskikh koreitsev v sovetskoe obshchestvo (1940-e—1960-e gody) [Integration of Sakhalin Koreans into Soviet society (1940s—1960s)], *Sovremennye problemy Koreiskogo poluostrova*, Ros. akad. nauk; In:t Kitaya i sovr. Azii RAN. M.: IKSA RAN: 299—307. (In Russian)

Kim G. N. Materikovskie i sahalinskie korejcy: razlichiya i shodstva [Mainland and Sakhalin Koreans: Differences and Similarities] //Centr Koreevedeniya. 2020. S. 146. (In Russian)

Kuzin, A. T. (2010). Sakhalinskie koreitsy: iz istorii natsional'noi shkoly (1925—2000-e gg.) [Sakhalin Koreans: From the History of the National School (1925—2000)], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, (4): 3—8. (In Russian)

Lankov, A.N. (2010). Forgotten People: The Koreans of Sakhalin Island. 1945—1991. *Transactions: Royal Asiatic Society*, 85(1): 13—28.

Lee, D. (2011). Sakhalin Korean Identity & Engagement in the 21 st Century Korean Diaspora. Unpublished Senior Thesis, Pomona College, Claremont, California.

Ott, S. (1989). *The Organizational Culture Perspective*. Chicago: The Dorsey Press.

Pak Syn Y (2019) Y Sakhalinskie koreitsy v poiskakh identifikatsii [Sakhalin Koreans in search of identification], *Monografiya*. M.: Izdatel'stvo "Pero": 324. p.

Park, J., Balitskaya, I. (2019). Power relations and education of the Korean minority in the Japanese Karafuto and Soviet/Russian Sakhalin. In *Education, ethnicity and equity in the multilingual Asian context* (pp. 255—273). Singapore: Springer Nature Singapore.

Peterson, W. (1980). Concept of Ethnicity in Stephen Thernstorm (ed.) *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Sokolova D.A. (2012). Osobennosti protsessov sotsio-kul'turnoi adaptatsii russkogovoryaikh koreiskikh repatriantov v Respublike Koreya (1998—2011 gg.), [Features of the processes of socio-cultural adaptation of Russian-speaking Korean repatriates in the Republic of Korea (1998—2011)] *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. № 12 (1): 387—389.

Shibutani, T., Kwan, K. (1965). *Ethnic stratification*. New York: Macmillan.

Uba, L. (1994) *Asian Americans: Personality Patterns, Identity, and Moral Health*. New York: Guilford Press.

Yoon, In-Jin (2000). Forced Relocation, Language Use, and Ethnic Identity of Koreans. *Central Asia and Pacific Migration Journal*, 9 (1): 35—64.

Поступила в редакцию: 19.01.2026
Принята к публикации: 03.03.2026

Received: 19.01.2026
Accepted: 03.03.2026

А.Л. Поленова

Ранние советско-корейские гуманитарные связи на примере пролетарской литературы

Аннотация. Статья исследует советско-корейские гуманитарные связи на материале развития пролетарской литературы в 1920—1930-е годы. Идеи Октябрьской революции и левая общественно-политическая мысль стали проникать на Корейский полуостров, встречая благодатную почву в виде традиционной социальной ангажированности корейской литературы. В центре исследования — сравнительный анализ организованного пролетарского движения в СССР (Пролеткульт, РАПП и др.) и Корею (КАРФ [Корейская федерация писателей-пролетариев]). Отмечается идеологическое сходство их задач, но и выявляются ключевые различия, обусловленные колониальным статусом Кореи: КАРФ было менее директивно, а само движение занимало периферийное положение в международных структурах. Рассматриваются также судьбы писателей, чьё творчество так или иначе было связано с Советским Союзом и идеями пролетарской литературы.

Ключевые слова: корейская литература, пролетарская литература, СССР, КАПФ, РАПП, культурное сотрудничество, гуманитарное сотрудничество, политика в сфере культуры.

Автор: Поленова Анна Львовна, старший преподаватель Восточного факультета ГАУГН (адрес: 19049, Москва, Мароновский пер., д. 26).
ORCID: 0000-0003-1854-6733. E-mail: polenova.a.l.@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»).

Для цитирования: Поленова А.Л. Ранние советско-корейские гуманитарные связи на примере пролетарской литературы // Корееведение. 2026. № 1 (14). С. 78—87. DOI: 10.48647/ICCA.2026.24.80.007.

A.L. Polenova

Early Soviet-Korean cultural ties: case of proletariat literature

Abstract. The article examines Soviet-Korean humanitarian ties through the lens of the development of proletarian literature in the 1920s and 1930s. The ideas of the October Revolution and left-wing socio-political thought began to penetrate the Korean Peninsula, finding fertile ground in the form of the traditional social engagement of Korean literature. The research focuses on a comparative analysis of the organized proletarian movements in the USSR (Proletkult, RAPP, etc.) and Korea (KAPF). It notes their ideological similarities in goals but also reveals key differences stemming from Korea's colonial status: KAPF was less directive, and the movement itself held a peripheral position within international structures. The fates of writers whose work was in one way or another connected with the Soviet Union and the ideas of proletarian literature are also examined.

Keywords: Korean literature, proletarian literature, Soviet Union, KAPF, RAPP, cultural relations, humanitarian ties, cultural politics.

Author: Anna L. Polenova. Senior Lecturer, Faculty of Oriental Studies, Russian State University for the Humanitie (address: 19049, Moscow, 26 Maronovsky Lane).
ORCID: 0000-0003-1854-6733. E-mail: polenova.a.l.@yandex.ru

Conflict of Interests. The author declares that there is no conflict of interest.

Acknowledgements: The article was prepared at the State Academic University for the Humanities in the framework of a government research assignment funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic № FZNF2023-0003 “Traditions and values of societies: mechanisms of formation and transformation in the context of global history”).

For citations: Rannie sovetsko-korejskie gumanitarnye svyazi na primere proletarskoj literatury [Early Soviet-Korean cultural ties: case of proletariat literature]. Koreevedenie [Koreanology], 2026, 1 (14): 78—87. DOI: 10.48647/ICCA.2026.24.80.007.

КНДР и Россию, а до этого Советский Союз соединяет долгая история политических и экономических отношений. Однако сложно отрицать, что советский опыт интересовал корейцев и до формирования независимого государства на севере полуострова. Идеи, которые легли в основу Октябрьской революции, вдохновили борцов за освобождение Кореи и авторов Декларации независимости; философская и общественно-политическая мысль левого толка распространялась по полуострову и логичным образом захватывала разные сферы жизни — в том числе литературу и искусство.

Художественная литература в Корее (и не только там) редко воспринимается лишь как отражение творческого «я» автора. В Корее традиционный текст должен был прежде всего показывать картину мира правильную — или предпочтительную — с точки зрения социальных отношений. Эта дидактичность или по меньшей мере нормативность заметна в произведениях почти всех классических жанров — от ранней поэзии до романов и повестей. Авторы, часто чиновники или философы, имели выраженную позицию по вопросам политического и общественного развития [Троцевич]. Наследуя сложившейся традиции социально

значимой фикшн-литературы, по сути представляющей собой развёрнутый, облечённый в художественные образы комментарий на тему актуальных проблем, корейская проза и поэзия первой половины XX в. развились и начали по-новому участвовать в формировании общественных представлений о должном устройстве государства и социума. В результате синтеза корейских традиций политической окрашенности литературных текстов и новых для полуострова направлений общественно-политической мысли, отвечавших интересам значительной части населения, в Корее сформировалось пролетарское искусство и в его рамках — пролетарская литература. В рамках статьи предполагается рассмотреть советско-корейские культурные связи в этой сфере, совпадение идейных ориентиров пролетарской литературы СССР и Кореи на материале творческих манифестов, сходство и различие политических задач, которые авторы стремились решить в своих произведениях. Хронологические рамки исследования ограничены зарождением пролетарской литературы в Корее, с одной стороны, и провозглашением независимых корейских государств — с другой, т. е. с 1920-х годов по 1945 г.

Историография изучаемого вопроса делится на два тематических блока. Первый — исследования, посвящённые непосредственно пролетарской литературе в двух странах. Среди отечественных корееведов эта тема особенно подробно рассмотрена В.Н. Ли [Ли], М.В. Солдатовой [Солдатова] и затронута Чо Хигён [Чо]. Здесь стоит отметить прежде всего монографию Пак Сонён [Park Sunyoung] о пролетарской литературе и искусстве Кореи в колониальный период, а также исследования Квон Ёнмина [Квон Ёнмин].

Разумеется, прекрасно описано специалистами развитие советской пролетарской литературы: как минимум стоит отметить труды Е. Ковальчик из ранних авторов [Ковальчик] и Д. Московской из более современных [Московская, Вагифов], а также исследования Э. Брауна [Brown]. Отдельно необходимо упомянуть работу Г.А. Белой по исследованию конкретно развернувшейся в 1920-х годах дискуссии о задачах литературы [«О политике партии...»].

Пролетарская литература как явление культурной жизни зародилась ещё в конце XIX в. в связи с трансформациями в экономике и обществе — и в широком смысле может означать произведения о рабочем классе, написанные непосредственно его представителями [Mullen] (возможно, но не обязательно имеющими выраженную политическую позицию), — и в этом смысле «ареал распространения» пролетарской прозы становится огромен, разрастается как число авторов, так и хронологические рамки жизни этого литературного направления [Beja].

Впрочем, термин можно трактовать более узко и относить к пролетарской литературе преимущественно произведения авторов, состоящих непосредственно в организациях пролетарских писателей — в представленной статье использован этот подход. Период активной жизни направления в таком случае приходится на 1920—1930-е годы [Пролетарская литература].

Пространство пролетарской литературы в СССР был крайне разнообразно. В 1917 г. основан Пролеткульт, из которого впоследствии вышли деятели ключевых творческих групп. В начале 1920-х годов большое влияние на развитие литературного пространства — и шире, культуры — оказывали эстетические взгляды Л.Д. Троцкого (изложенные в отдельных статьях, опубликованных в 1923 г. сово-

купно в сборнике «Литература и революция»). Говоря вкратце, он писал о фактической невозможности формирования собственно пролетарской культуры на пути к культуре бесклассовой, а также о необходимости усвоения достижений буржуазного искусства для успешного построения искусства нового образца. Троцкий также активно использует для описания авторов, произведений, литературных направлений категории политические, а не художественные — практика, которая стала едва ли не основной в первой половине 1920-х годов [Троцкий]. В художественной среде разворачивалась дискуссия об отношении к писателям-«попутчикам», о возможности аполитичного искусства, о допустимости экспериментов с формой и т. д., приведшая к проведению в 1924 г. совещания Отдела печати ЦК РКП (б) «О политике партии в художественной литературе». Противоборствующие стороны представляли, в частности, журналы «Красная новь» и «На посту» [«О политике партии...»]. В следующем 1925 г. было принято постановление Политбюро ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы», предписывавшее в том числе поддержку крестьянских писателей, бережное отношение к «попутчикам», а также борьбу с «комчванством» среди пролетарских авторов [Постановление Политбюро..., 1925]. Последующие годы характеризовались усилением роли РАПП, на первый план вышли вопросы организации литературного процесса, а не его эстетических основ [Московская]. К этому времени относится и активное развитие связей пролетарской литературы СССР с литературами зарубежными, в частности в 1930 г. проходит знаковая Харьковская конференция революционных писателей, окончательно оформляется Международное объединение революционных писателей (МОРП; ранее — Международное бюро революционной литературы, МБРЛ).

Так или иначе, по мере развития литературы и продолжения неконструктивной политической борьбы выделение пролетарских писателей в отдельную категорию перестало казаться необходимым, их структуры (прежде всего Российская и Всероссийская ассоциации пролетарских писателей, РАПП и ВАПП соответственно) были демонтированы и заменены Союзом писателей СССР [Постановление Политбюро..., 1932]. Пролетарская литература стала эпизодом в истории советского искусства.

Что же касается корейского литературного пространства в рассматриваемый период, то оно было весьма эклектичным, и пролетарская литература была лишь одним из фрагментов сложной художественной мозаики. Тем не менее даже в этих условиях *пролетлит* — федерация писателей в Корее — был представлен целой плеядой организаций. С 1920 по 1926 г. выходил журнал «Новое начало» (кор. 개벽), на страницах которого публиковались произведения пролетарских писателей; в 1922 г. появляется организация «Искра» (кор. 염군사), а в 1924 г. — группа PASCULA, которые стали важным звеном на пути к пролетарской литературе [Хан Сер Я], сформировав в 1925 г. ядро KAPF (эсперанто: Korea Artista Proleta Federacio, кор.: 조선프롤레타리아예술가동맹, или 카프). Решение о создании этой организации принимается на съезде, призванном сплотить представителей прогрессивного искусства. Таким образом, хотя корейская культура и находилась под постоянным давлением в условиях японского колониального управления, она всё же находила возможности реагировать на запросы общества. Более

того, KAPF развивается, в 1927 г. принимает творческую программу, а также открывает филиалы в крупных городах (например, Пхеньян, Вонсан), в том числе за пределами полуострова (Токио). В 1930-е годы федерация также переживает реорганизацию — и с этого времени курирует работу творческих объединений работников разных сфер: литературы, театра, музыки и т. д. У неё отсутствует единый печатный орган, хотя есть целая плеяда журналов, например «Коллектив» (кор. 집단). Таким образом, несмотря на принципиально разный опыт и условия развития, организационный путь пролетарской литературы в Корее был схож с советским: слияние разномастных объединений, укрупнение. В то же время нельзя не обратить внимание и на специфику пути корейского пролетарского писателя: писательская организация была не полностью независимой, а включённой в более общую зонтичную структуру. Кроме того, обозначение искусства как «пролетарского» для Советского Союза в начале 1930-х годов уже стало неактуальным, в то время как в Корее отказа от термина за ненадобностью не произошло: он сохранялся в названии организации деятелей искусств вплоть до её роспуска японскими властями в 1935 г.

Интересно применительно к KAPF рассмотреть принятые ею в 1927 г. в ходе так называемого первого поворота в развитии (кор. 제1차 방향전환) творческие принципы [Ли], которые примерно можно соотнести с текстами манифестов, созданными советскими пролетарскими организациями. С учётом необходимости марксизма в пролетарском движении, корейские авторы нацеливались искоренить феодальные и капиталистические элементы, сопротивляться власти господствующего класса и развернуть движение за воспитание классового сознания в массах:

1. Окончательно искоренять из жизни феодальные и капиталистические элементы.
2. Сопrotивляться власти господствующего класса.
3. Развертывать движение за воспитание классового сознания в массах [Ли].

Сразу заметно, что в приведённой цитате нет положений, посвящённых вопросу пролетарского искусства как такового или вопросам соотношения формы и содержания. Действительно, ключевая идея KAPF в 1927 г. — идеологизация произведений, сопряжение творческой и политической работы. Впрочем, это не значит, что в корейской литературе не происходило внутреннего обсуждения того, как должно писать. Напротив, разворачивалось активное противостояние «дидактов» против сторонников «искусства ради искусства», да и в рядах самих пролетарских писателей не было единства во мнении по поводу того, какими чертами должна обладать литература. В частности, активно участвовали в дискуссии по этим вопросам Ким Кичжин (в пользу придания произведениям наиболее привлекательной для читателя формы), Пак Ёнхи, Им Хва и Ким Дуён (в большей степени идеологические пуристы, выступающие за максимальную политизацию текстов и отказ от буржуазных изысков в литературе) [Chung]. Если же обратить внимание на тексты творческих манифестов советских групп пролетарских литераторов, в них большее внимание уделено связи с опытом русской дореволюционной литературы, а также взаимной критике. Впрочем, более глубокий анализ

различий в теоретических текстах советских и корейских пролетариев требует отдельного исследования.

Говоря о связях на уровне писательских организаций, у корейских пролетарских писателей, несмотря на имеющуюся для этого условную инфраструктуру, не получилось в полной мере включиться в работу проходившей в Харькове международной конференции ВАПП. На ней была представлена восточная комиссия, включившая в себя японскую и китайскую делегации [Отчет секретариата...], и было констатировано, что хотя пролетарская литература развивается и у других народов Азии, связь с ними затруднена в условиях сохраняющегося колониального управления. Не входя также в МОРП, авторы КАРФ получали информацию зачастую опосредованно, через японские кружки прогрессивных литераторов. Тем не менее в Корее следили за решениями Харьковской конференции и сопоставляли их с собственным опытом. В 1931 г. вышла, в частности, статья Квон Хвана «Уроки, извлечённые деятелями корейского пролетарского искусства из успехов Харьковской конференции». Из неё становится ясно, что дискуссия о роли писателей-«попутчиков», а также о путях развития крестьянских писателей была им вполне понятна. В статье содержится и критика КАРФ как структуры — например, за слишком большую идеологическую неразбериху и неустойчивость состава и руководящих принципов. Резолюция конференции по вопросам японской пролетарской литературы была подробно рассмотрена и примерена на собственный опыт [Ли]. Нельзя, впрочем, сказать, что ключевые международные институции пролетарских литераторов были хорошо знакомы с ситуацией на Корейском полуострове. Материалы, опубликованные по результатам Харьковской конференции, показывают, что корейская КАРФ рассматривалась как вторичная по отношению к похожей организации в Японии, а уровень политической грамотности корейских авторов оценивался невысоко. Важность развития пролетарской литературы в Корее при этом оценивалась с точки зрения того, как много корейцев живёт на территории Советского Союза — именно они должны были стать ядром пролетарии на полуострове [Корея].

Интересно, впрочем, выглядят личные связи корейских пролетарских авторов с СССР — здесь хотелось бы привести несколько ярких примеров. Каждый из них, конечно же, со своей индивидуальной спецификой. Прежде всего, необходимо упомянуть Чо Мёнхи (조명희, 1894—1938). Выходец из образованной семьи, получивший философское образование в Токио, участник Первомартовского движения, член «Искры», а затем и КАРФ, в 1928 г., чтобы избежать преследования японской полиции, он перебирается в Советский Союз. Начав свой путь как школьный учитель в деревне неподалёку от Уссурийска, Чо Мёнхи впоследствии возобновляет занятия художественной литературой, работает корреспондентом, занимается организационной работой, активно поддерживая интерес корейцев в Приморье к родной культуре. В 1935 г. по рекомендации Фадеева его принимают в Союз писателей СССР. Он также переезжает в Хабаровск вслед за редакциями корейской и китайской газет, в которых работает («Сонбон/Авангард» и «Рабочий путь»). Как общественный деятель и педагог, Чо Мёнхи оставил след в истории сохранения корейской культуры в Приморье. Как писатель он в юности испытал сильное влияние Маяковского, а также Тургенева, которо-

го переводил на корейский язык с японского текста. Его творческое наследие включает в себя крупные поэтические произведения, а также полижанровую прозу на стыке автобиографии и художественного текста, описывающую опыт жизни при колониальной власти. В этом духе он создал цикл произведений, начатый ещё в начале 1920-х годов. К советскому периоду относится пролетарская поэзия, написанная под влиянием Маяковского. Известно, что в 1937 г. автор завершил работу над рукописью романа о деятельности корейских партизан на северо-востоке Китая, однако рукопись была утрачена при аресте писателя по доносу в этом же году. Чо Мёнхи был обвинён в шпионаже в пользу Японии и расстрелян в 1938 г., в 1956 г. реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Ещё один, уже принципиально другой случай — биография Ли Гиёна (1895—1984). Как один из организаторов КАРФ, свой творческий путь он начал с прозы о крестьянском быте, завоевал себе известность публикацией романа-фельетона «Родина». Хотя активно участвовать в советско-корейских культурных контактах Ли Гиён смог только после освобождения, его роль была довольно велика. Он становится председателем Общества культурных связей Кореи и СССР, а в 1946 г. вместе с делегацией корейских писателей посещает Советский Союз. Влияние на его творчество оказали русские классики (Толстой, Чехов), в поздних его произведениях критики отмечают влияние Шолохова. Произведения Ли Гиёна, в свою очередь, были переведены на русский — в том числе выпущено издание шрифтом Брайля.

Хотелось бы привести и менее очевидный пример — писательницу Пэк Синэ (1908—1939). Хотя она и не состояла в организациях пролетарских писателей, но в то же время была активной участницей работы женских общественных объединений. В 1927 г., движимая, судя по всему, интересом к жизни постреволюционной России, Пэк Синэ прибывает во Владивосток, путешествует по Сибири. Решение пуститься в это путешествие она называла потом ошибочным — отправилась в него импульсивно, не имея достаточно средств и не спланировав поездку заранее. В центре её литературных текстов была, как правило, тема бедности. Опыт путешествия был также впоследствии отражён в её повести «Корей» (кор. 끼레이 — фонетическая запись обращения, которое русские использовали по отношению к корейцам), где она описала жизнь корейских переселенцев.

* * *

Идеи пролетарской литературы, сильно политически окрашенной, в Корее легли на благодатную почву: корейская литературная традиция зачастую рассматривала текст как инструмент для формирования в сознании читателя «должной» картины мира. Во многом из-за тяжёлых условий колониальной действительности деятели пролетарского искусства на полуострове хотя и смогли сформировать собственные культурные институции, однако не смогли полноценно участвовать в работе международных организаций и форумов, нацеленных на развитие пролетариата. В Советском Союзе с положением пролетарской литературы были знакомы условно, в то время как корейские авторы старались следить, например, за результатами Харьковской конференции и были в курсе разворачивающихся дискуссий о задачах литературы и проблемах в организациях пролет-

литовцев в Восточной Азии. Любопытно отметить при этом, что, по утверждениям самих корейских пролетарских писателей, влияние на их творческую манеру оказали скорее русские классики, нежели непосредственно авторы ВАПП и др.

Несмотря на организационные трудности, советско-корейские литературные связи активно развивались, что заметно на примере личных судеб отдельных писателей.

Библиографический список

Ковальчик Е. Пролетарская социалистическая литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 9. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. «Сов. Энцикл.», 1935. Стб. 290—307.

Корея // Литература мировой революции. 1931. № 11/12. С. 191—192.

Ли В. Корейская федерация пролетарского искусства // *Литературное наследство*. Том 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. С. 540.

Московская Д., Вагифов Г. «Новая литература не возникает как пистолетный выстрел в ночи»: об институциональных границах, практиках и различиях первых советских массовых писательских объединений (ВАПП, ФОСП, Оргкомитет ССП) // *eSamizdat. Rivista di culture dei paesi slavi / Journal of Slavic Cultures / Журнал славянских культур*. 2024. XVII. С. 29—44.

Московская Д. Пролетарская литература как проект // *Новое литературное обозрение*. 2021. № 5 (171). С. 80—93.

«О политике партии в художественной литературе». Материалы совещания в ЦК РКП(б) 9 мая 1924 года. Рубрику ведет Г. Белая / От редакции // *Вопросы литературы*. 1990. № 3. С. 154—187.

Отчет секретариата МБРЛ о подготовительной работе к расширенному пленуму МБРЛ / Публ. Л.К. Швецовой // *Литературное наследство*. Том 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. С. 49—56.

Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций». 23 апреля 1932 г. // *Партийное строительство*. 1932. № 9. С. 62.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы». 18 июня 1925 г. // *Известия ЦК РКП(б)*. 1925. № 25—26. С. 8—9.

Пролетарская литература // *Литературный энциклопедический словарь*. URL: <https://shorturl.at/9IVLj> (дата обращения: 20.10.2025).

Солдатова М.В. Становление национальной прозы в Корее в первой четверти XX века. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 145—166.

Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 46, 104—105, 153, 207—209.

Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. М.: Политиздат, 1991. С. 146—167.

Хан Сер Я. Предисловие // *Рождение мира*. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. С. 6.

Beja Alice. Proletarian Literature, An Unidentified Literary Object // *L'Atelier*. 2015. Vol. 7.1. P. 68—78.

Brown Edward J. The Proletarian Episode in Russian Literature: 1928—1932. Columbia University Press, 1953. 324 p.

Cho, Heekyoung. Translations' Forgotten History: Russian Literature, Japanese Mediation, and the Formation of Modern Korean Literature. Cambridge, London: Harvard University Press, 2016. P. 131—174.

Chung, Kimberly Mee. Mass Politics and Visual Culture: Proletarian Literature of 1920s and 1930s Colonial Korea. Doctoral dissertation, University of California, San Diego, 2011. P. 6—7.

Mullen Bill. Proletarian Literature // Oxford Bibliographies. October 29, 2013. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199827251/obo-9780199827251-0130.xml#> (дата обращения: 15.10.2025).

Park Sunyoung. The Proletarian Wave. Literature and Leftist Culture in Colonial Korea, 1910—1945. Harvard University Press, 2015. 348 p.

권영민. 한국 현대문학사 1 1896~1945 [Квон Ёнмин. История современной корейской литературы. Т. 1. 1896—1945]. 민음사: 2024. 704쪽.

References

Amanova G.A. (2019). KHudozhestvennaya spetifika traditsionnoy literatury Korei i opyt modernizatsii ee poezii [Artistic specificity of traditional Korean literature and the experience of modernizing its poetry. Theoretical aspects]. Teoreticheskie aspekty, extended abstract of D.Sc. Thesis, Tver: 21—22. (In Russian)

Beja Alice (2015). Proletarian Literature, An Unidentified Literary Object, *L'Atelier*, Vol. 7.1: 68—78.

Brown Edward J. (1953). The Proletarian Episode in Russian Literature: 1928—1932, Colombia University Press. 324 p.

Cho, Heekyoung (2016). Translations' Forgotten History: Russian Literature, Japanese Mediation, and the Formation of Modern Korean Literature. Cambridge, London: Harvard University Press. P. 131—174.

Chung, Kimberly Mee (2011). Mass Politics and Visual Culture: Proletarian Literature of 1920s and 1930s Colonial Korea [Doctoral dissertation, University of California, San Diego]. P. 6—7.

Han Sorya (1956). Predislovie [Foreword], *Rozhdeniye mira*, Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury: 6. (In Russian)

Koreya [Korea] (1931), *Literatura mirovoy revolyutsii*, No. 11/12: 191—192. (In Russian)

Kovalchik E. (1935). Proletarskaya sotsialisticheskaya literatura [Proletarian Socialist Literature], Literaturnaya entsiklopediya: V 11 t. T. 9, Moscow: OGIZ RSFSR, God In-t "Sov. Entsikl". Columns 290—307. (In Russian)

Li V. (1969). Koreyskaya federatsiya proletarskogo iskusstva [Korean Federation of Proletarian Art], *Literaturnoe nasledstvo. T. 81: Iz istorii Mezhdunarodnogo ob'yedineniya revolyutsionnykh pisateley (MORP)*, Moscow: Nauka: 540. (In Russian)

Moskovskaya D. (2021). Proletarskaya literatura kak proyekt [Proletarian Literature as a Project], *Novoye Literaturnoye Obozreniye*, No. 5 (171): 80—93. (In Russian)

Moskovskaya D., Vagifov G. (2024). "Novaya literatura ne voznikayet kak pistoletnyy vystrel v nochi": ob institutsional'nykh granitsakh, praktikakh i razlichiyakh pervykh sovetskykh massovykh pisatel'skikh ob'edineniy (VAPP, FOSP, Orgkomitet SSP) [New Literature Does Not Appear Like a Gunshot in the Night: On Institutional Borders, Practices, and Differences of the First Soviet Mass Literature Organizations (VAPP, FOSP, SSP Organizing Committee)], *eSamizdat. Rivista di culture dei paesi slavi/Journal of Slavic Cultures*, XVIII: 29—44. (In Russian)

Mullen Bill (2013). Proletarian Literature, Oxford Bibliographies. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199827251/obo-9780199827251-0130.xml#> (accessed: 15.10.2025).

“O politike partii v khudozhestvennoy literature”. Materialy soveshchaniya v TSK RKP(b) 9 maya 1924 goda. Rubriku bedet G. Belaya / Ot redaktsii [“On Party Policy in Fiction”. Proceedings of the meeting of the Central Committee of the RCP(b), May 9, 1924. Column by G. Belaya / From the Editor], *Voprosy literatury*, 1990, No. 3: 154—187. (In Russian)

Otchet sekretariata MBRL o podgotovitel'noy rabote k rasshirennomu plenumu MBRL [Report of the Secretariat of the MBRL on the preparatory work for the expanded plenary session of the MBRL], *Literaturnoe nasledstvo. T. 81: Iz istorii Mezhdunarodnogo ob'yedineniya revoliutsionnykh pisateley (MORP)*, Moscow: Nauka, 1969: 49—56. (In Russian)

Park Sunyoung (2015). The Proletarian Wave. Literature and Leftist Culture in Colonial Korea, 1910—1945, Harvard University Press. 348 p.

Postanovleniye Politbyuro TSK VKP(b) “O perestroyke literaturno-khudizhestvennykh organizatsii” [Resolution of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) “On the restructuring of literary and artistic organizations”]. April 23, 1932, *Partiynoe stroitel'stvo*, No. 9: 62. (In Russian)

Postanovleniye Politbyuro TSK VKP(b) “O politike partii v oblasti khudizhestvennoy literatury” [Resolution of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) “On the Party's Policy in the Field of Fiction”]. June 18, 1925, *Izvestiya TSK RKP(b)*, No. 25—26: 8—9. (In Russian)

Proletarskaya literatura [Proletarian Literature], *Literaturnuy entsiklopedicheskiy slovar'*. URL: <https://shorturl.at/9IVLj> (accessed: 20.10.2025).

Soldatova M.V. (2004). Stanovlenie natsional'noy proozy v Koree v pervoy chetverti XX veka [The development of national prose in Korea in the first quarter of the 20th century]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. P. 145—166.

Trotsevich A.F. (2004). Istoriya koreyskoy traditsionnoy literatury (do XX v.) [History of traditional Korean literature (before XX century)]. Moscow: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. P. 46, 104—105, 153, 207—209. (In Russian)

Trotsky L.D. (1991). Literatura i revoliutsiya [Literature and Revolution], Moscow: Politizdat: 146—167. (In Russian)

권영민. 한국 현대문학사 1 1896~1945 (Gwonyeongmin. Hanguk hyeondaemunhaks 1 1896~1945). Minumsa: 2024. 704 p. (In Korean)

Поступила в редакцию: 23.01.2026
Принята к публикации: 10.02.2026

Received: 23.01.2026
Accepted: 10.02.2026

Научное издание

Корееведение
№ 1(14), 2026

Редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Редактор английских текстов:	Шкатов Данил Евгеньевич
Технический редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Верстка:	Тарасов Сергей Юрьевич
Источник иллюстрации для обложки:	Freepik

Дата публикации электронной версии	Март 2026 г.
Подписано в печать	30.03.2026
Тираж	100 экз.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: cks@iccaras.ru

Scientific edition

Koreanology
No. 1(14), 2026

Editor:	Ivanova N.
Editor (English articles):	Shkatov D.
Technical editor:	Ivanova N.
Layout:	Tarasov S.
Source of picture on the cover:	Freepik

Date of issue	March, 2026
Posted in Press	
Circulation	100 copy

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: cks@iccaras.ru